

АЛЕКСАНДРЪ ДРОЗДОВЪ

ЕЗУИТУШКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„РУССКОЕ ТВОРЧЕСТВО“
БЕРЛИНЪ
1 9 2 2

АЛЕКСАНДРЪ ДРОЗДОВЪ

ЕЗУИТУШКА

*ИЗДАТЕЛЬСТВО
„РУССКОЕ ТВОРЧЕСТВО“
БЕРЛИНЪ
1 9 2 2*

Типографія Sinaburg & Co., G. m. b. H.
Berlin SW 68 / Alte Jakobstraße 129

ДВА СЛОВА ЧИТАТЕЛЮ

Книга моихъ разсказовъ отображаетъ Россію старую, не потрясенную еще величавыми и мучительными событіями послѣднихъ лѣтъ. И — можетъ быть разногласіею — врывается въ нее повѣсть „Езуитушка,“ написанная о моментѣ ежели не текущемъ, то только-что истекшемъ.

Я написалъ „Езуитушку“ два года назадъ. Тогда и мнѣ, и друзьямъ моимъ она показалась слабой, сырой, неотлежавшейся. Мнѣ не удалось поймать перспективы того, что происходило сегодня. Нынче, просматривая повѣсть, я пришелъ къ выводу, что она можетъ для читателей моихъ и для меня представить интересъ. Сознвая ея литературные недостатки, я рѣшаюсь опубликовать ее. Но, рѣшаясь опубликовать ее, я долженъ обмолвиться слѣдующимъ.

Тотъ, кто въ „Езуитишкѣ“ станетъ искать портретовъ лицъ дѣйствовавшихъ въ болѣе или менѣе сходной обстановкѣ, вообще портретовъ лицъ, когда-либо жившихъ либо живущихъ, возьметъ на себя задачу явно безцѣльную. Все, начиная съ Езуитушки, кончая висбаденскимъ шофферомъ, мною измышлено. Меня интересовали не люди, но психологія людей, издавеча пытавшихся воскресить то, что зовется старою Россіей. Потому и люди у меня — нарочито карикатурны; психологія же ихъ — жизненна.

Почитаю за нужное сдѣлать подобную оговорку. Остальные рассказы — мои рассказы.

5 мая 1922 г. Берлинъ

Александръ Дроздовъ

ЕЗУИТУШКА

Во снѣ Апостоловъ видѣлъ императора.

Его Величество казался разгнѣваннымъ, кроткіе глаза его помутнѣли и щеки втянулись во внутрь, какъ будто онъ сильно затянулся пахитоской; за огромными окнами, тускло мерцающими, лежала многосельная, многостолбовая, многогородовая Россія, приукрашенная флагами, которые трепаль вѣтеръ, какъ бы напитанный вѣрноподанничествомъ; въ кабинетахъ министровъ, въ горницахъ батюшекъ, во всѣхъ тѣхъ учрежденіяхъ, кои создавались монаршей милостью, висѣли портреты Его Величества. Архіереи, растучнѣвшіе отъ поста, школьники, поглупѣвшіе отъ учобы, солдаты, сѣрыми крѣпкими рядами идущіе помирать за тѣхъ, кто имѣлъ на Его Величество вліяніе, многосемейные чиновники, вскормленные молокомъ двадцатыхъ чиселъ — всѣ съ любовью произносили имя его Величества. А народъ? Его

Величество обернулся; вечерній свѣтъ, полу-пригашенный зеленью царскосельскаго парка, падалъ на него сзади, и контуры плечъ и головы Его Величества были расплывчаты, а лицо затѣнено. „А народъ?“ — спросилъ императоръ гнѣвно. „Ваше Величество, — сказала Апостоловъ, похолодѣвъ отъ восторга, народъ слѣпо идетъ за Вашимъ Величествомъ, ибо любовь къ царствующему дому онъ всосалъ съ молокомъ матерей своихъ, молившихся денно и ношно за отца Вашего Величества, а матери всосали ее съ молокомъ своихъ матерей, молившихся за царственного дѣда Вашего Величества.“ Апостоловъ не могъ говорить дальше, спазмы его душили, онъ слышалъ шелестъ крыль двухглаваго орла, парящаго подъ потолкомъ царева кабинета. „Ваше Величество,“ повторилъ Апостоловъ въ слезахъ. Ударилъ гимнь, раскатясь мѣднымъ, величавымъ напѣвомъ — то гремѣла въ гимнѣ Россія, распластавшаяся у престола, какъ доброхотная раба, и пѣло небо, и свадебное солнце, и новобрачныя птицы, и молочныя березы — непорочныя шаферицы, и хладныя рѣки, и полынные степи—все пѣло во славу и во любовь Его Величества, вѣчнаго жениха вѣчной Россіи. „Вы лжете, — сказала императоръ задрожавшимъ голосомъ, — меня ненавидитъ не вѣста, и вы, іезуиты лживой жизни моей,

раздерете мои ризы, когда буду распять.“ „Ваше Величество,“ вскричалъ Апостоловъ въ страданіи. Загремѣли раскаты обвала, пыльные доски, тяжкіе камни взвились, и наглая бабья рожа съ наглыми слюнявыми губами, перекошенная злостью, гаркнула Апостолу въ лицо:

— Попили нашей кровушки, будя!

„Кто ты, чудовище?“—прокричалъ Апостоловъ; и отвѣтила баба, прищелкнувъ языкомъ:

— Рассея.

Эти сны начали томить Апостола съ того времени, когда большой лѣнивый транспортъ, похожій на утку, увезъ его изъ Россіи, объятый пламенемъ мятежа, и, протащивъ черезъ узкое горло Дарданелль, мимо Италіи, глотающей аромать Средиземнаго моря и дарящей ему взамѣнъ аромать своихъ мандаринныхъ береговъ, выбросилъ въ грязномъ марсельскомъ порту. Блудливый и назойливый какъ трещотка Парижъ, высококомѣрный гороръ французовъ, прилизанныя комнаты квартиры на Place du Palais Bourbon только усилили его растрепанную тоску. Образъ императора преслѣдовалъ его ночью, когда гасли лампы и стыла жизнь, и днемъ, когда, взявъ такси, онъ ѣхалъ сперва къ министерству иностранныхъ дѣлъ понюхать воздухъ у его подъѣзда, затѣмъ къ русскимъ финансистамъ, затѣмъ къ Соловейчику показать жем-

чужную нить покойной жены, потомъ къ Doucet, потому что Зоя, дочь, занятая его будущимъ положеніемъ въ окраинномъ кабинетѣ, не всегда имѣетъ время лично торопить madame.

И послѣ уже, къ обѣденному часу, Апостоловъ ѣхалъ къ Ларю, чтобы встрѣтить друзей.

Въ этотъ часъ въ ресторанѣ все имѣетъ тотъ дѣловый, слегка непосѣдливый видъ, когда у чистенькихъ столовъ съ салфетками, сложенными въ видѣ папскихъ тиаръ, разсаживаются дѣльцы, гешефтеры и буржуазныя семьи, рѣшившіеся почему-либо сегодня бросить пару сотенъ франковъ за удовольствіе поглядѣть на уродливую, какъ бы смазанную касторовымъ масломъ рожу гарсона и послушать оркестръ, который даетъ больше грома, нежели музыки. Въ эти часы женщины, одѣтыя по-парижски вылощено, еще спокойны, зная, что до ночи далеко, когда онѣ дѣлаются королевами жизни. Пока Апостоловъ разглядывалъ въ зеркалѣ свое бычье, огорченное старостью лицо, метръ д'отель шепнулъ ему, что русскіе собрались въ отдѣльномъ кабинетѣ.

Собрались всѣ. Евгенийъ Петровичъ Кротикъ, секретарь князя Караима, болѣе извѣстный подъ именемъ Езуитушки, сидѣлъ у піанино и въ его отполированной крышкѣ

разглядывала свою совершенно безволосую голову, похожую на кегельный шаръ, обтянутый изношенной кожей. У стола примостился генералъ Гореваловъ и тяжелымъ взглядомъ, полнымъ святого обожанія, смотрѣлъ на руки Зои, которыя она поворачивала и такъ, и этакъ, ладошкой вверхъ и ладошкой внизъ. По другую сторону стола сидѣли три старыхъ человѣка, царскіе бюрократы, люди, какъ говорится, ни да, ни нѣтъ; ихъ всѣхъ можно было спутать, если бы одинъ не имѣлъ чернаго галстука, другой синяго, а третій коричневаго съ голубыми крапинками. Княгиня Висковатая далеко отставила отъ стола стулъ, такъ какъ ея большой животъ, безпощадно обтянутый платьемъ, мѣшалъ ей сидѣть близко, низкое декольте показывало ея плечи, пухлую грудь и хорошую мясистую спину, желтую отъ старости.

— Наконецъ-то вотъ и вы, душа моя Григорій Сергѣичъ, — сказала княгиня басомъ, поворачивая къ Апостолу дородное невозмутимое лицо.

Онъ тронулъ усами ея руку, подставилъ дочери щеку и поздоровался съ мужчинами, осторожно глядя каждому въ глаза.

— Чудесненькія вѣсточки, — промолвилъ Езуитушка, потирая руки, и взглянулъ на Апостола изъ-подъ сѣдыхъ бровей. — Въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ получены

вѣсти о признаніи князя Караима и его будущаго правительства.

Несмотря на то, что Апостоловъ ждалъ этой минуты, волненіе все же овладѣло имъ сильнѣе, нежели онъ этого хотѣлъ. Онъ раскрылъ ротъ и глупо поглядѣлъ на люстру, висѣвшую надъ столомъ. И какъ это случилось съ нимъ раньше при повышеніяхъ, наградахъ по службѣ или административныхъ перспективахъ, открывавшихся ему, въ немъ прежде всего шевельнулось чувство опасенія, что кто-нибудь другой заступитъ его мѣсто и отодвинетъ его въ тѣнь. Поэтому онъ поблѣднѣлъ, но тотчасъ же мысль, что все достигнуто и нѣтъ уже больше дней тягучаго ожиданія, сомнѣній и гаданій, заставила его покраснѣть. Вслѣдъ затѣмъ ему понадобились слушатели.

— Господа, — проговорилъ онъ, доставъ платокъ, чтобы покашлять въ него, — я счастливъ вмѣстѣ со всѣми вами, что союзное правительство, наконецъ, отбросило свою досадную осторожность и прониклось мыслью о воскрешеніи русской государственности путемъ созданія на окраинѣ Россіи очага, такъ сказать, твердой, законной, національной власти, поддержанной вооруженными силами республики. Наша бѣдная, наша безумная Россія снова призвана къ жизни. Я поздравляю, господа, васъ и князя Караима,

князя Караима и васъ съ тою исторической ролью, которая взваливаетъ на плечи наши бремя національнаго подвига.

— Прощу простить, -- прервалъ его Езуитушка, неприятно собирая губы въ улыбку. — За обѣдомъ я позволю себѣ ознакомить васъ поближе съ моими мыслишками грѣшными и съ предположеніями князя Караима, а равно съ предположительнымъ составомъ кабинета, который его сіятельству сердце лежитъ сформировать. Нынче утромъ князю Караиму въ Швейцарію отослана мною телеграмма.

Апостоловъ поджалъ губы и пытливымъ шныряющимъ взглядомъ скользнулъ по лицу Езуитушки; тотъ былъ спокоенъ, рѣдко некрасивое, холодное лицо его лучилось ядовитой, спрятанной ироніей, и маленькіе черные глазки, глубоко нырнувшіе въ глазныя впадины, стали твердыми какъ камешки. Движенія его сдѣлались вкрадчивы, осторожны, внѣшне ласковы — жесты человѣка, поймавшаго власть и позволившаго себѣ удовольствіе мягко стлать. Что безъ Езуитушки князь Караимъ, безвольный, пустой, жалкій человѣкъ, прогнившій отъ неумѣренной жизни, не имѣющій ничего, кромѣ титулованнаго имени! Это слишкомъ хорошо зналъ Апостоловъ. Въ то время какъ гарсонъ, склонивъ надъ карточкой безукоризненную ниточку пробора, слушалъ, что говоритъ ему

Зоя, Апостоловъ прошелся въ простѣнкѣ между окномъ и піанино; нужно было глубже спрятать волненіе, проступившее наружу, и быть оживленнымъ, любезнымъ и простымъ нисколько не меньше того, какъ если-бы не пришло никакихъ вѣстей изъ французскаго министерства.

Онъ прошелъ хорошую школу, это ему скоро удалось.

II

Первый тостъ, поднятый Езуитушкой за князя Караима, былъ принятъ возбужденно, но послѣдующіе тосты носили характеръ неопредѣленный, съ „м-мм“ и „э-мм,“ и всѣ, кто ни подымалъ бокала, глядѣли на Езуитушку, какъ бы спрашивая, можно ли высказать эту либо иную мысль, но лицо Езуитушки было непроницаемо, задернуто, и ораторы говорили общими мѣстами очень длинно и тягуче, какъ будто съ катушки, спрятанной у нихъ во рту, перематывали безконечныя сухія нити словъ на катушки, спрятанныя въ ухахъ слушателей. Не этого ждалъ Апостоловъ отъ перваго обѣда, несущаго ему власть. По совѣсти, онъ сомнѣвался уже, дать ли ему Езуитушка мѣсто въ кабинетѣ князя Караима; онъ припоминалъ свои от-

ношенія съ Езуитушкой; отношенія эти были скорѣе тѣсны, нежели натянуты, не слишкомъ фамиллярны, но и не черезчуръ официальны, отношенія, въ которыхъ нѣтъ ни одного пятна ни чернаго, ни свѣтлаго, вообще никакого пятна, ясно отличающаго ихъ. Отношенія были сѣрыя.

Три бюрократа съ безконечно обязанными лицами произнесли три тоста, ничѣмъ неотличныхъ одинъ отъ другого, потому что тосты не носятъ галстуковъ. Зоя сидѣла рядомъ съ Езуитушкой, чувствуя себя въ одномъ изъ тѣхъ счастливыхъ настроеній, когда не нужно казаться ни интересной, ни женственной, когда она сама по себѣ интересна и женственна. Мужчины называли ее обаятельной, женщины душечкой въ глаза и вертихвосткой за глаза. Она принадлежала къ тому типу женщинъ, съ которыми стоитъ поговорить двѣ минуты, чтобы знать все залпомъ: и то, что она смолянка, и то, что она бездушна, душа у нея такая... стеклянная, и то, что первое увлеченіе ея трагично, второе поэтично, третье безразлично, а четвертое разсудительно и скучно. Она была блѣдна, изящна, французы говорили, что она *très née*, а русскіе, глядячи на нее, престранно вспоминали Арцыбашева. Богъ не обидѣлъ ее умомъ, но какъ женщина умная, она скрывала его, чтобы онъ не мѣшалъ ей.

Обѣдъ шель къ концу, гарсонъ, обходя обѣдавшихъ, наполнялъ стаканы бѣлымъ виномъ; всѣ ждали болѣе опредѣленныхъ свѣдѣній, ожиданіе это начинало уже смутно раздражать, когда Езуитушка, поцѣловавъ руку Зою, сказалъ умышленно тихо, чтобы убѣдиться въ томъ, что ему не зачѣмъ возвышать голоса, такъ какъ всѣ смолкаютъ при его словахъ:

— Нонѣшняя наша трапеза есть сѣкира, отсѣкающая прошлую бездѣятельную половинку нашего прозябанья на чужихъ людяхъ. Приспѣло время труда. Время подвига. Привѣтствую васъ, голубчики, отъ имени его сіятельства князя Караима, привѣтствую какъ членовъ его правительства. Но — утро вечера мудренѣе: завтра работа, нынче отдыхъ. Выпьемъ за прелестницъ нашихъ, за дамочекъ, дарившихъ намъ улыбки въ нашей нищей бѣдности.

Мужчины подняли бокалы, глядя на Зою.

— Ваша любезность перегоняетъ Ваши годы, — сказала Зоя Езуитушкѣ и многозначительно посмотрѣла на отца. Апостоловъ понялъ. „Умница“, — подумалъ онъ тепло.

— Годы дѣлаютъ сердце черственькимъ, какъ вчерашній хлѣбъ, — отвѣтилъ Езуитушка.

— Многіе любятъ только вчерашній хлѣбъ.

— А гдѣ они, эти гурманы?

— Хорошій глазъ видитъ ихъ сразу.

— Зачѣмъ дражните, ягодка, зачѣмъ дражните старичишку?

— Это возбуждаетъ?

Езуитушка поднялъ брови, въ головѣ его слегка шумѣло; „голубушка пьяна,“ подумалъ онъ и взглянулъ ей въ глаза, они были теплы и строги, чортъ его знаетъ, что было въ нихъ. Онъ вытеръ губы салфеткой. Всѣ говорили заразъ, ободренные рѣчью Езуитушки. Поймавъ руку Зои подъ скатертью, Езуитушка сжалъ ее, въ глазахъ его плавало желтое.

— Господи, Господи, это значить да? спросилъ онъ, сердце его покатилося.

Зоя смѣялась, не отвѣчая, въ пальцахъ ея дымилась тоненькая папироска въ мундштукъ изъ слоновой кости; все казалось зыбкимъ и картоннымъ, какъ это бываетъ, когда слегка захмелѣешь. Езуитушка всталъ и неловкими шагами подошелъ къ окну, всѣ видѣли его желтый затылокъ, блестящую голую голову, странно дрожащія крутыя плечи.

— Русскіе, русскіе! — вскричалъ онъ, внезапно обернувшись, — мои родимые русскіе друзья! Тяжеленько намъ, коломьтно намъ безъ матери родной землицы. Но русскія

женщины... наши павушки, боярушки..
онѣ съ нами, какое счастье!

Вѣки его были красны и щеки мокры, а губы подергивались. У Апостолова заныло подѣ сердцемѣ, широкая блаженная радость подступила къ горлу, онѣ всталѣ, осторожно отодвинуль стуль, дѣлая медлительныя движенія, вышколенное тѣло мѣшало ему теперь, когда душа его парила.

— Я слышу,—сказаль онѣ высокимѣ фальцетомѣ, подымая глаза къ потолку,—я слышу, среди насѣ незримо присутствуетъ императорѣ.

Всѣмѣ стало слегка неловко, но все же всѣ поглядѣли туда, куда глядѣль Апостоловѣ. Вино шумѣло въ ухахѣ, стѣны качались плавно и пріятно, какѣ во снѣ. Три бюрократа сѣли вокругѣ княгини Висковатой такѣ, что одинѣ смотрѣль на правое ея плечо, съ родинкой, другой на лѣвое, безѣ родинки, третій въ спину. Первый изѣ нихѣ вымолвилѣ:

— Я полагаю, княгиня, что въ наше время необходима вѣрность старымѣ принципамѣ. Этимѣ сильны англичане; при всей растерянности политики современнаго англійскаго правительства, оно, въ сущности, продолжаетѣ политику Биконсфильда, пусть гибельную съ точки зрѣнія славянства, но вполне національную съ точки зрѣнія англійской.

— Наша монархія, — продолжалъ другой, была крѣпка дотолѣ, покуда престоль не пошелъ навстрѣчу либеральнымъ вліяніямъ, рожденнымъ въ средѣ сословнаго, отчасти и титулованнаго дворянства.

— Наша будущая политика, закончилъ третій, должна, такимъ образомъ, ориентироваться не на перманентный моментъ исторіи, но на исконную русскую традицію, освященную вѣками.

Могъ начать говорить сперва второй, продолжить первый и закончить третій, ихъ мысли всегда совпадали поразительно. Генераль Гореваловъ какъ отошелъ въ сторону, такъ и не проронилъ ни слова, сторожа Зою взглядомъ. Разъѣхались поздно. Апостоловъ взялъ такси, усадилъ Зою, защелкнулъ дверцу, и рѣдкіе фонари помчались имъ навстрѣчу.

— Знаешь, папа, — сказала Зоя, глядя Апостолову въ пьяное блаженное лицо, — намъ всѣмъ придется уѣхать въ Висбаденъ; такъ велѣлъ Езуитушка. И, знаешь, я поѣду, пожалуй, раньше васъ.

— Я боюсь Кротика, онъ іезуитъ, — молвилъ Апостоловъ.

Зоя промолчала.

„Вы раздерете ризы мои, когда буду распятъ,“ пришли Апостолову въ голову евангельскія слова, но онъ не могъ вспом-

нить, гдѣ слышала ихъ. На place de la Concorde было свѣтло, какъ въ театрѣ, безшумно бѣжали моторы и высоко надъ Тюльери куполообразной шапкой стояло палевое небо.

III

Утро невеселымъ блескомъ зажгло мокрые каштаны въ паркѣ, осѣло туманомъ на прирейнскихъ виноградникахъ, уже отяжелѣвшихъ подъ созрѣвшимъ виноградомъ; птицы не пѣли, обидясь на облачное небо. Въ этотъ часъ въ деревняхъ Россіи кричатъ сизые пѣтухи съ багровыми, исклеванными въ дракахъ гребнями, мужики, ругая лошадей дурами, выѣзжаютъ боронить, и въ церковной сторожкѣ, на подоконникѣ, закапанномъ воскомъ, блѣдно горитъ оплывшая свѣча, которую забылъ потушить сторожъ. По коридору отеля, стараясь ступать неслышно, пробѣжала портье, и отъ стука его лакированныхъ ботинокъ Зоя проснулась; въ головѣ остались обрывки сна: она видѣла соломенные кровли, похожія на ометы, дешевый ситецъ въ окнахъ бакалейки, русскую деревню съ лужами на дорогѣ, отражающими клубящееся небо, и грязныхъ мужиковъ, которыхъ не любила раньше и полюбила только за границей. Богъ вѣсть, почему ей приснилась

мужичья Россія, смрадная вблизи и плѣнительная издалека.

Еще не раскрывая глазъ, она рукой потянулась къ тумбочкѣ; курить тотчасъ же послѣ сна было ея потребностью; рука ея наткнулась на голову, лежащую рядомъ съ нею, возлѣ ея плеча. Езуитушка спалъ на боку, подложивъ ладонь подъ щеку, безволосая голова его вдавилась въ подушку, въ уголкахъ губъ скопилась слюна, и все было въ немъ чужое, откровенно-непріятное и заношенное. „Ну, вотъ, — подумала Зоя, натягивая одѣяло до подбородка, — еще одинъ, старый, ахъ, тоска.“

Она смотрѣла на него внимательно, тоскуя всѣмъ сердцемъ своимъ. Вотъ, вотъ, разстегнутый воротъ сорочки, бережно прошитый чуть голубѣющимъ шелкомъ, отросшая за ночь борода, тупое, какъ всегда во снѣ, теплое лицо . . . Она отвернулась, боясь коснуться его колѣнями. Езуитушка потянулъ носомъ воздухъ, сдѣлалъ губами звукъ, напоминающій хлопанье мухобойки, собралъ кожу на лбу и съ трудомъ раскрылъ глаза.

— Вставайте, — проговорила Зоя брезгливо, натянувъ одѣяло до самыхъ глазъ. — Я васъ спрашиваю, слышите, я спрашиваю, почему вы такъ противны?

Онъ улыбнулся, и вялая щеки его зарозовѣли, какъ у юноши; онъ чувствовалъ себя

молодымъ набѣдокурившимъ кавалергардомъ, который вчера много выпилъ, побилъ лакея, осрамилъ штатскаго въ ресторанѣ, волочился за женщиной и теперь просыпается съ ласковой одурью въ головѣ и сознаниемъ, что такія ночи еще повторятся.

Въ двери постучали.

— Wer ist da ?

Лакей принесъ телеграмму. Заставивъ Езуитушку отвернуться, Зоя надѣла пеньюаръ, подобрала волосы и въ ночныхъ туфляхъ подошла къ двери; нужно было, чтобы лакей не успѣлъ заглянуть въ комнату, чтобы Езуитушка не посмѣлъ увидѣть ея голыхъ щиколотокъ, все было противно и скучно до тошноты. Телеграмма пришла на имя Кротика.

— Вамъ, — сказала Зоя.

Езуитушка отозвался весело:

— Распечатайте, красавица.

Зоя сорвала облатку. „Прибыль сегодня кругомъ идіоты что вы хотите отъ меня князь Караимъ.“

— Онъ очень милъ, вашъ князь.

Зоя улыбнулась; вотъ и досада прошла, и какая, въ сущности, чепуха стенающее отъ скуки сердце, пошлый старикъ въ постели, злыя мысли, пошлая жизнь. Никакой другой жизни не учили ее ни въ институтскихъ стѣнахъ, ни на выѣздахъ, ни въ заму-

жествъ. Приѣдетъ новый человекъ, а это уже не скучно. Зоя взглянула въ окно и зажмурилась: проглянуло солнце, блестящiе листья каштановъ горѣли какъ червонцы, на дорожкахъ парка четкими горошинами лежалъ умытый гравiй.

— Жизнь моя пуста нестерпимо, несносно, говорила Зоя дружелюбно, присѣвъ на край постели и разглядывая синiя жилки на подъемѣ ногъ, — ровна и спокойна, несмотря на все, что пришлось перенести. Я живу холодно и безстрастно. Въ Россiи сначала институтъ, обожаемая пепиньерка, обожаемый батюшка въ лиловомъ подрясникѣ, отъ котораго пахнетъ смиренiемъ. Потомъ замужество, потомъ разводъ. Изломанные глупые пажы, больные всѣми тайными болѣзнями, культъ дворянскихъ рукъ, которыми даже по мордѣ бить нельзя. Холодный развратъ въ отдѣльныхъ кабинетахъ, пошлые пьедатерры, платья, романы, театръ. Некогда ни подумать, ни узнать людей. Развѣ интересны такiя гладкiя плоскiя женщины? Потомъ революцiя, отъ которой у меня осталось одно только впечатлѣнiе — скверный запахъ солдатскаго пота на улицахъ. Потомъ Парижъ, костюмы, фокстротъ съ платными мальчиками, все неумно и скучно.

— А Господу скажи: спасибо, Господи, что худшенькаго не было, что плохенькаго

испытать не довелось. Нешто можно Господа гнѣвить? Онъ милосердъ къ намъ, рабишкамъ своимъ мелькенькимъ. Меня-то любишь ли, умница-разумница? Я тебя не забуду.

— Отца получше устрой, старикъ, Онъ человѣкъ стараго закала, ему иллюзія старой жизни нужна.

Езуитушка посмотрѣлъ на нее хитро, сощутивъ глаза такъ, что остались однѣ скважинки; верхняя губа его приподнялась, обнаживъ золотые зубы со слюною въ щелкахъ между ними. Зоя вздрогнула, вспомнивъ, какъ онъ мерзокъ былъ съ нею сегодня ночью, закрыла глаза и тотчасъ же увидѣла постель, зеленую луну за гардиной, свои голыя колѣни и его безволосую, желтую голову возлѣ нихъ.

— Жмуришься, кошка? Противень?

— Ничего, какъ всѣ, — проговорила она, подошла къ окну и принялась смотрѣть въ садъ; толстая нѣмка, одѣтая дешево, шла по дорожкѣ, ведя подъ руку будущаго бургера съ крутыми здоровыми щечками и голыми колѣнками; у подъѣзда, подъ крышей въ видѣ стекляннаго тюльпана, стоялъ новенькій лимузинъ, лысый портъ кланялся полковнику французской службы, выходящему изъ мотора.

Въ ресторанѣ отеля, куда спустя часъ они сошли завтракать, было еще пусто, два

обера въ чистыхъ манишкахъ, одинъ длинный какъ страусъ, другой горбатенькій, стояли молча у колонны и прищуренными глазами смотрѣли, какъ на вычищенномъ линолеумѣ горитъ солнечный лучъ; когда они вошли, горбатенькій дернулъ плечомъ и пошелъ имъ навстрѣчу, улыбаясь Езуитушкѣ какъ отцу, а Зоѣ какъ дочери. Езуитушка осмотрѣлся вокругъ, желтый подбородокъ его сморщился: за столикомъ у окна онъ увидѣлъ генерала Горевалова. Генераль прочно и прямо сидѣлъ на стулѣ въ клѣтчатомъ красно-песочномъ пиджакѣ и кричащемъ зеленомъ галстукѣ, завязанномъ круто, и глядѣлъ на ногти своихъ рукъ. „Этотъ къ чему прилетѣлъ?“ подумалъ Езуитушка и опасно глянулъ на Зою. „Ничего,“ отвѣтили глаза Зои.

Гореваловъ медленно поднялъ глаза на вошедшихъ, долго, какъ тяжкодумъ, смотрѣлъ на Езуитушку, потомъ перевелъ глаза на Зою и, медленно подымаясь со стула, пламенно залился краскою. Ступая по солдатски твердо, онъ къ нимъ приблизился; крахмальнѣй воротничекъ впивался въ его красную шею, на плечахъ морщилъ пиджакъ, и было генералу неловко точно такъ же, какъ если бы онъ былъ голый.

— Милый, а васъ какой вѣтеръ занесъ сюда отдѣльно отъ всѣхъ?—спрашивала Зоя, разглядывая его вспотѣвшій крѣпкій лобъ,

въ то время какъ онъ звонко, присасываясь, цѣловаль ея руку. — Пріѣхала сюда отдохнуть, а Евгенийъ Петровичъ, вы знаете, настоящая нянька, пріѣхаль вчера устраивать комнату для князя. Ну, что Парижъ?

Смиренно поджавъ губы, Езуитушка сѣлъ за столъ, сложилъ желтыя руки и, склонивъ голову на плечо, слушалъ Зою; въ немъ закипала уже, пузырясь и булькая, дребезжащая старческа я ревность. Генераль испросилъ разрѣшеніе присѣсть и присѣлъ. За первымъ блюдомъ генераль сказалъ, что князь Караимъ пожаловаль въ Парижъ во вторникъ вечеромъ и являетъ видъ побѣдоносный; за вторымъ блюдомъ онъ сказалъ, что въ Парижѣ жарко.

— Эти, понимаете . . . резины . . . бензинъ. Пахнетъ бензиномъ.

— Вы зачѣмъ пріѣхали? — спросила Зоя, глядя на Горевалова въ упоръ смѣющимися глазами.

Генераль поперхнулся и, придерживая губы среднимъ пальцемъ, принялся кашлять оглушительно; несмотря на парижскую жару, онъ былъ простужень.

— Деревяннымъ масломъ горлышко смазываютъ, генераль, — сказалъ Езуитушка ележно, трогая сухими пальцами руку Горевалова со вздутыми, какъ бичева, венами.

IV

Приѣхавъ въ Парижъ, князь Караимъ походилъ по перону, посмотрѣлъ въ суетѣ, не видна ли гдѣ-нибудь приземистая фигура Езуитушки, приглядѣлся къ шумно текущей вокзальной толпѣ, несущейся передъ нимъ съ взвизгами, чмокомъ поцѣлуевъ, съ обрывистымъ несвязнымъ говоромъ, отстранилъ огромный, перевязанный веревками сундукъ, угломъ надвигавшійся ему на грудь, и загрустилъ. На путяхъ ревели паровозы, вокзалъ сіялъ въ свѣтѣ фонарей, катились тележки съ багажемъ, шмыгали ноги, и странно было думать, что вотъ каждый въ этой толпѣ имѣетъ своихъ близкихъ, любимыхъ, желанныхъ, которые встрѣчаютъ его съ носовыми платками у глазъ. Жизнь холодна, такъ хорошо погрѣться на преданной груди, которая не обманетъ. На желтомъ цыферблатѣ, похожемъ на луну, расщепленные стрѣлки стояли на десяти. Князь Караимъ вздохнулъ и покорно пошелъ за портеромъ, несущимъ его легонькій несессеръ. Впереди, бойко семеня видными почти до ляжекъ ногами въ шелковыхъ чулкахъ, и такъ, словно собиралась упасть грудью, бѣжкомъ бѣжала молоденькая женщина въ шляпѣ изъ черной соломы со страусовыми перьями, собранными въ пучки съ тѣмъ, чтобы напоминать ско-

шенную рожь. „Недурна“,—подумалъ князь Караимъ и сказалъ, стараясь, чтобы голосъ былъ бархатный:

— Очаровательныя колѣнки.

Женщина взглянула, какъ птица, изъ-за плеча, стараясь быть очень раздосадованной, прыгнула въ сторону и посмотрѣла на свои колѣнки. „Не стоитъ,“—подумалъ князь Караимъ и пошелъ вслѣдъ за носильщикомъ.

Парижъ съ его звенящимъ нервомъ жизни, съ женщинами, легко любящими и легко отдающимися, съ мишурной властью кошелька и молодости вызвалъ въ князѣ Караимѣ рядъ неясныхъ воспоминаній. Сидя на мягкой подушкѣ развинченной машины и упершись длинными негибкими ногами въ переднюю стѣнку, онъ читалъ маячившую передъ глазами надпись: „defense de cracher“, и въ головѣ его, усталой отъ вагонной качки, бѣшено и блѣдно проносились попойки у Ларю, накрашенные лица кокотокъ, печальное личико Фонсины, продавщицы сирени, туманъ прошлыхъ лѣтъ, когда можно было кутить безъ оглядки, зная, что въ Россіи есть конногвардейскій полкъ, два-три имѣнія, княгиня Висковатая, сердцемъ и чеками влюбленная въ кавалергарда, и легко возможная карьера при дворѣ. То было время, мц, — поцѣловалъ князь Караимъ кончики своихъ пальцевъ. „Неужели клюнуло?“ — поду-

малъ онъ затѣмъ, вспомнивъ телеграмму Езуитушки, „Французы, какого чорта“. Ему представилось очень живо, какъ въ Тулонѣ онъ сядетъ на миноносецъ, какъ забѣгаютъ по борту низкорослые нормандцы въ шапочкахъ съ красными помпончиками, и Езуитушка повезетъ его на окраину Россіи, гдѣ тифъ, полудикіе туземцы, незнакомое нарѣчіе, но гдѣ, подъ крылышкомъ Езуитушки, онъ будетъ править и властвовать, какъ маленькій императоръ, а тамъ . . . почему знать, почему знать . . .

Въ отелѣ князю Караиму были приготовлены комнаты и письмо отъ Езуитушки съ очень подробными наставленіями, какъ себя держать, съ кѣмъ говорить и что именно говорить, а также съ предписаніемъ немедля, отдохнувъ, взявъ съ собою Апостола и трехъ бюрократовъ, ѣхать въ Висбаденъ.

Езуитушка писалъ:

„Боже Васъ сохрани, голубушка, видать мосье Жанонъ, а наипаче того секретарей, депутатовъ и всѣхъ, имѣющихъ касательство къ предстоящей Вашей карьерѣ. Я, вѣрный другъ Вашъ, полагаю Васъ отъѣхавшимъ въ Швейцарію на предметъ поправки здоровья Вашего безцѣннаго и для ради подготовки къ подвигу служенія нашей родимой Россіюшкѣ - матери. Не дѣлайте шаговъ безоглядныхъ — скакнешь куды не слѣдъ,

ань и оступишься. Французскіе умники соберутся черезъ недѣлю, тогда я и явлю Васъ въ видѣ распектабельномъ. Не мѣшайте въ Парижѣ, въ немъ блудъ и ловушечки. Не дожидаль Васъ въ Парижѣ, дабы меня съ Вами, голубушка, прежде чѣмъ не слѣдъ, не видѣли“.

Князь Караимъ сошелъ внизъ, плотно поужиналъ, потомъ поднялся къ себѣ, раздѣлся до-гола и съ полчаса побѣгалъ вокругъ стула, чтобы никогда не увядать, затѣмъ передъ зеркаломъ хлопалъ себѣ огромными гориллыми ладошками по мускулистой груди, заросшей синимъ волосомъ и, гримасничая, разглядывалъ свое одутловатое добродушное лицо съ прямымъ носомъ и спѣлыми оттопыренными губами. Кинувшись въ постель, онъ тотчасъ же заснулъ; снился ему миноносецъ, зеленая прохлада Средиземнаго моря и рожа Езуитушки. На утро онъ поѣхалъ къ княгинѣ Висковатой.

Княгиня жила на Этуали, одна, въ большой квартирѣ, усугубляющей ея скуку; княгинѣ хотѣлось имѣть обстановку въ русскомъ стилѣ, русскія иконы съ византійскими копченными ликами, граненныя лампы и холстиновые половики вмѣсто ковровъ, но на это слишкомъ много нужно было потратить усилій, и она откладывала реформу со дня на день; пока же въ квартирѣ все было

Louis Quinze. Лежа на широкой постели подъ мелодраматическимъ гобеленомъ, сидя за столомъ или у Стейнвей, она тужилась думать по-русски, мужичьими словами, вродѣ: небось, нешто, вѣстимо, полагая, что тотъ, кто носить трауръ по родинѣ, долженъ избѣгать французскихъ тонкихъ выраженій, что давалось ей не легко, ибо французскимъ княгиня владѣла лучше, нежели русскимъ. Рѣчь ея, вслѣдствіи этого, стала медлительной, и подолгу ждали собесѣдники, пока княгиня не придумаетъ русскаго слова.

Князь Караймъ засталъ ее въ гостиной за пасьянсомъ, бранящею карты въ выраженіяхъ, свойственныхъ русскому народу.

— Шельма,—говорила княгиня, грозя бубновой дамъ пухлымъ пальцемъ, обсыпаннымъ брилліантами, — фордыбачишь, безпутная.

Завидя князя, она почувствовала, что въ ней оборвалось сердце, она вскинула полными руками, затѣмъ вскочила очень живо и пошла ему навстрѣчу, присѣдая на каждомъ шагѣ.

— Je t'aimes à la folie! — простонала она ему въ плечо басомъ, въ забывчивости переходя на французскій. — Я вижу тебя каждый день во снѣ, какъ въ тотъ день, какъ въ тотъ день, когда мы встрѣтились впервые у графини Потоцкой. Ты былъ горячъ и юнъ, тебѣ благоволилъ государь. Какъ мы

сиротливы въ этой нашей жизни, мальчикъ . . .

Князь Караимъ поцѣловалъ кончики своихъ пальцевъ, поглядѣлъ косо на каминъ и сказалъ меланхолично:

— Я въ затрудненіи въ настоящее время. Но вы знаете, кажется, я скоро буду у власти.

— О, шалунъ! — воскликнула княгиня и, присѣдая на каждомъ шагѣ, поплыла къ шифоньеркѣ.

На другой день, утромъ, князь Караимъ, княгиня и три бюрократа выѣхали въ Висбаденъ; въ расплавленномъ золотѣ солнца угадывался уже близкій сентябрь, осенняя ржавчина чуть тронула поля, и листья, еще зеленые, но уже тронутые увяданіемъ, хрустко шуршали подъ ногами. Въ вагонѣ было душно, три бюрократа говорили о томъ, что въ Россіи дороги лучше, ширококолейныя.

V

Русскій человекъ думаетъ: дома худо, люди дурноглазы, климатъ нехорошъ, поѣду туда, гдѣ больше солнца; но и тамъ, гдѣ больше солнца, неуютно ему, неусѣдливо и неспокойно — не поѣхать ли направо или налѣво, туда, гдѣ на картѣ раскрашено

желто-зеленымъ; поѣдетъ, посмотритъ, ночью приснятся тяжелые сны, городской на перекресткѣ покажется не достаточно осанистымъ, мало крадетъ, что-ли, скотина? И поѣдетъ русскій человѣкъ назадъ, и родная спальня, и безногія комодишко, и моль на облысѣвшемъ отъ старости диванчикѣ, все будетъ мило. Ну, намыкался, накуролесилъ по чужимъ людямъ . . . а ночью во снѣ привидится страна, гдѣ много солнца, гдѣ не ворутъ городской и люди честны и трудолюбивы.

Езуитушка рѣшилъ, что если все состряпано — Господу хвала — то слѣдуетъ передохнуть, а такъ-какъ Висбаденъ надоѣлъ, то надобно поѣхать на Рейнъ, въ Бибрихъ: и недалече, и скоро, и недорого, и князьишкамъ по нутру. Изъ мужичишекъ Езуитушка одной догадкой вышелъ: кому поклонись, отъ кого оборонись, линію свою неукротимо гни.

Былъ ясный, четкій сентябрьскій день, вѣтеръ ушелъ въ плоскогорье, дышалось легко; къ двѣнадцати часамъ къ отелю подали автомобиль, кокетливый и чистенькій, какъ женщина послѣ ванны. Езуитушка сѣлъ къ шоферу, княгиня Висковатая среди бюрократовъ и рядомъ съ Апостоловымъ, на заднемъ сидѣніи помѣстилась Зоя, князь Караимъ и генераль Гореваловъ. Тотчасъ

же засвисталъ въ ушахъ вѣтеръ; низко треща, замелькали висбаденскіе каштаны и глянула горбатая, униженная вагонами трамваевъ, Vibirichstrasse.

Зоя казалась утомленной, подъ глазами ярче, чѣмъ обычно, проступила синева, и лицо ея глядѣло хрупкимъ, фарфоровымъ.

— Мы съ вами встрѣчались въ Петербургѣ, — проговорилъ князь Караимъ, подставляя вѣтру широкія губы, — помните дворянскій балъ? Вы были прелестны, у васъ были ослѣпительныя плечи, и я на нихъ смотрѣлъ.

Зоя не отвѣчала, глядя на него изъ-за руки, которой она придерживала шляпу.

— И я на нихъ смотрѣлъ, — повторилъ князь Караимъ, упрямо подбирая губы.

Зоѣ было жаль генерала, сидѣвшаго смиренно; было видно, что въ мозгу его мучительно цѣпляются, спутываются и застреваютъ слова, изъ которыхъ онъ никакъ не можетъ слѣпить ни одной фразы. Жалѣя, она положила на его мясистую руку свою тонкую руку въ бѣлой перчаткѣ, онъ просвѣтлѣлъ и взглянулъ на нее благодарно. Зоя спрашивала:

— Скажите, князь, какого же курса вы хотите держаться въ политикѣ? Вамъ предстоитъ упорная работа. Я не думаю, чтобы окраина сочувствовала реставраціи.

— Я офицеръ, Зоя Григорьевна, и полагаю, что прежде всего надо бить. Былъ у насъ въ полку князь Лихтѣевъ, видитъ въ полѣ батарею: а-та-кэ-вать! Уложилъ эскадронъ и взялъ батарею.

— Да, но вѣдь нужна программа... политическая программа...

— Это ужъ дѣло Кротика, онъ отъ земли пришелъ. Это о немъ Власть Власовичъ сказалъ: государственный умъ, но мужичьимъ потомъ — pardon! — воняетъ. Я полагаю, это хорошо, что — pardon! — воняетъ. Русскій народъ en masse мужикъ.

— Вы, князь, демократъ.

— Я ненавижу народъ, — сказалъ князь Караимъ страстно, — я ненавижу все, что шипить, какъ змѣенышъ, придавленный каблукомъ. Эта сволочь шипить, вѣчно недовольна. Нельзя было ослаблять поводья! Это ошибка нашего несчастнаго монарха, котораго предали его же офицеры, его же конвой; потому что никто изъ нихъ не зналъ палки. Читали Чеховыхъ и другихъ, а уставъ воинской службы надо было читать. Почему Чехова не сослали въ Сибирь?

— За что было сослать Чехова?—спросила Зоя, усмѣхнувшись.

— За Выборгское воззваніе.

— Но Чеховъ же умеръ много раньше.

— Если бы не умеръ, то подписалъ бы.

Не глядя на князя, Гореваловъ промолвилъ:

— Что-жь, это тоже точка зрѣнія.

Князь Караимъ улыбнулся однимъ угломъ рта, но не отвѣтилъ; молчали уже до самаго Бибриха и молча стали вылѣзть изъ машины завернувшей и ставшей, съ лихостью зашипѣвъ шинами. Езуитушка, соскочивъ первымъ, обѣжалъ кругомъ и подалъ руку Зоѣ, глядя на нее веселыми, что-то знающими глазами; княгиня Висковатая, сходя, пожаловалась на годы, умоюще глядя при этомъ на князя Караима, который былъ достаточно свѣтскимъ, чтобы сказать тотчасъ же:

— О, княгиня!

Прошли въ ресторанъ и сѣли за столикъ у глухихъ периль, надъ самымъ Рейномъ, тихо несущимъ меланхолическія свои воды; солнце сіяло, вода подъ нимъ напоминала шартрезъ, жидкое золото, играющее чистыми червонцами, вдали былъ виденъ Майнцскій мостъ, какъ бы не настоящій, какъ бы нарисованный на скатѣ неба вялой и неяркой кистью; буксирный пароходъ, лѣнивый отъ истомы, едва тянулъ три баржи, дымя прямой и черной трубою. Ёсть никому не хотѣлось, хотѣлось сидѣть молча, положивъ подбородокъ на руки, и смотрѣть, какъ послѣднее тепло, оставшееся отъ лѣта, сер-

дито борется съ подползающей осенью. Апостоловъ слѣдилъ за Езуитушкой, Езуитушка слѣдилъ за Зоей, князь Караимъ покорно слушалъ княгиню Висковатую, вбирая носомъ теплоту ея стараго, распареннаго тѣла. Три бюрократа, щурясь на солнце, говорили о достоинствахъ Волги и о томъ, что было бы хорошо, ежели бы Рейнь сталъ Волгою. Одинъ Гореваловъ ни о чемъ не думалъ, непонятная тяжесть его давила и въ сердцѣ, котораго никогда не чувствовалъ онъ, ворошился безпокойный червякъ и пищалъ неслышно: пить хочу, пить!

Гореваловъ подумалъ, что надобно сегодня выпить до безумства. Послѣ завтрака нужно было что-нибудь дѣлать еще, и придумали поѣхать на лодкѣ. Въ странномъ безпокойствѣ чувствовалъ себя Гореваловъ, это было похоже на забытье, на бредъ; если онъ вскидывалъ глаза, онъ видѣлъ Зою, ея блѣдное лицо, слегка покатыя, круглыя плечи, слегка влажную тонкую шею, и тотчасъ же мучительно чувствовалъ онъ свое громоздкое тѣло, обтянутое кое-какъ штатскимъ платьемъ, которое, понятно, безобразно. Езуитушка же посмѣивался, думая: „родненькіе мои, по моей дудочкѣ пляшете-съ“.

— Я хочу грести,—промолвилъ князь Караимъ, — что? Я умѣю.

Зоя шепнула Горевалову:

— Зачѣмъ вы носите зеленый галстукъ? Это безвкусно. Какъ будто вы никогда не бывали въ обществѣ, генераль.

Гореваловъ подумалъ, что въ обществѣ онъ никогда не бывалъ въ штатскомъ, хотѣлъ сказать это, но какъ то не вышло, и онъ сказалъ совсѣмъ не то, что хотѣлъ:

— Я куплю себѣ лиловый.

Въ лодкѣ долго разсаживались, и сѣли всѣ въ томъ же порядкѣ, который установился непримѣтно, самъ собою: три бюрократа вмѣстѣ, Апостоловъ подлѣ Езуитушки, князь Караимъ подлѣ княгини Висковатой, а Гореваловъ сѣлъ рядомъ съ Зоей. Вода была тихая, пахнувшая свѣжо; и первое, что почувствовала Зоя, было ощущение собственной грѣховности, ненужности, словно здѣсь, гдѣ только вода, солнце и воздухъ, грѣшны, грѣшны они, люди комнатъ, автомобилей, театральныхъ креселъ и постелей.

— Мнѣ скучно, генераль,—сказала она простымъ, искреннимъ голосомъ, котораго и сама не подозрѣвала въ себѣ.

Генераль опустилъ руку въ воду, и по тому, какъ холодъ пронизалъ ее, онъ понялъ, что тѣло его въ жару.

— Къ чему вы плюете на себя, Зоя Григорьевна? — сказалъ онъ замогильнымъ голосомъ,—не разсердитесь на стараго солдата;

языкъ мой тяжелъ и непослушенъ. Я государю сказала однажды правду, которую нельзя было сказывать, и меня отослали командовать на Кавказскій фронтъ. Клеветете на себя. Зачѣмъ вамъ это?...

— Что? — спросила Зоя строго.

— Кротикъ. Въ то, что пріятно вамъ, не повѣрю, въ то, что развратны, не повѣрю. Написали себѣ уставъ: надобно одѣваться, надобно волосы... какъ это? зандиюлировать, надобно грѣшить. А ни грѣха въ этомъ, ни радости.

— Вамъ нужны принцессы, генераль. А принцессы не умны. Я покупаю положеніе отца, расчетлива. Если бы вы, генераль, торговали положеніями, я пришла бы покупать къ вамъ. Не намъ въ жизни пѣть дѣтскія пѣсенки.

— Плохо, — сказалъ Гореваловъ.

Въ то же время Езуитушка, сидѣвшій на кормѣ, снялъ шляпу, погладилъ рукой гладкую голову, улыбнулся такъ, что у глазъ заиграли гусинья лапки, и медленно, какъ бы пробуя на зубъ, какъ бы облизывая каждое слово, сказалъ при всеобщемъ молчаніи:

— Позвольте, наконецъ, и мнѣ, друзья, сказать свое слово отъ сердца.

Апостоловъ насторожился.

VI

— Небесная надъ нами голубизна,—началь Езуитушка голосомъ нестерпимо слащавымъ,—подъ нами Рейнская водица, плывемъ мы середь зеленыхъ береговъ нѣмецкой стороны. Дозвольте же вамъ здѣсь, милостивые государи мои, молвить слово безъ выверта и обиняка, грубое мужичье слово. Какъ это сдѣлано, про то я, рабъ вашъ грѣшный, знаю, а сдѣлано такъ, что повелѣлъ намъ Господь Богъ, иже всѣ подъ Нимъ ходимъ, спасать родину, какъ Мининъ, человекъ Божій, спасалъ. Достойны ли мы сего перста Божія? Тверды ли мы въ вѣрѣ нерукотворной? Бьется ли въ насъ сердце русское? Орлы ли мы, соколы ли? Куда тамъ! Рабишки мы черные со страстишками темными. Одинъ, хватъ, карманшико подъ старость набить хочеть; иной трусливъ, самолюбьце потѣшить хочеть, иной въ тоскѣ изнылъ, ко-коточки парижскія не любы стали, майонезы да кафе-гляссе душа не принимаетъ. Не обидьтесь на мои слова, я и про себя правды не замалчиваю. Одинъ есть среди насъ, въ комъ кровь течеть: молодой нашъ хватъ, князь Караймъ, именовъ его и дѣло святое свершимъ. Что-жь, милостивые государи мои, колича львы безсильны стали, надобно поганенькими ручишками святую пла-

щаницу подымать. Я изъ хлѣва мужицкаго до царскихъ хоромъ дошелъ, отъ отцова кнута, на спинѣ моей плясавшаго, царскимъ кнудомъ враговъ отечества стегалъ; до князишекъ да графишекъ рыломъ не дошелъ, а умишкомъ моимъ слабымъ не одного переплюнулъ; есть среди насъ и тѣ, кто въ постели подъ княжескимъ гербомъ пискнули; есть и такіе, что выслугой да тѣмъ, что чернила лизали, до министерскихъ креселецъ доползли. А орловъ то нѣтъ, милостивые государи мои. Но и мы, вороны алчныя, Россію пойдѣмъ спасать, ежели знать царская, отъ Рюрика родословную считающая, по угламъ да по щелкамъ растеклась да попряталась. Самолюбьице-то въ жилетный карманчикъ спрячьте, а сердце, родную мать возлюбившее, на блюдо жертвы выложите. Сказалъ однажды умный провидецъ:

Мой дѣдъ не торговалъ блинами,
Въ князя не прыгалъ изъ хохловъ,
Не пѣлъ на клиросѣ съ дьячками,
Не ваксилъ царскихъ сапоговъ.

А мы, государчики вы мои, ваксили, и въ князя изъ людской прыгали, и плетку царскую язычишками лизали. Что-жь, гдѣ они, гордые? Кровью да сердцемъ порфиرونосные? Гдѣ они были, когда грязная шваль

въ царя съ царицею, съ наслѣдникомъ и дочерьми съ гнусной бранью изъ револьверовъ, какъ во ягнятъ, запаливала? Гдѣ они были, когда во дворцы, слышавшіе тяжкую поступь Николая, мягкій шагъ Александра, озвѣрѣлая матросня съ матернымъ цыкомъ валомъ надалась? За имѣнница свои, за мундиришки свои, за любовницъ своихъ гусиной дрожью тряслась! А генералы гвардейскіе, офицеры, дворцовые чинуши — первые при крикѣ пѣтушиномъ отреклись и къ хаму толсторожему, подбородкомъ подметая пыль, на благодарныхъ своихъ животахъ ползкомъ поползли. Въ Константинопольскихъ кабакахъ ихъ жены турецкимъ пашамъ кофій подаютъ, дочери ихъ расфуфыренные какъ павы, голыя груди на парижскихъ танцулькахъ слюнявымъ французамъ въ морды тычуть. Э, видно намъ, поганенькимъ, за дѣло русское братья пора. Покажемъ! Спасемъ! Спасемъ, милостивые государи мои!

Лобъ Езуитушки покрылся мелкими каплями пота, лицо почернѣло и въ глазахъ, мелкихъ и пронирыливыхъ, вдругъ зажегся свѣтъ, отмѣчающій подлинное вдохновеніе; онъ задыхался, раздирая руками воротничекъ, у тонкихъ губъ его, искривленныхъ страданіемъ, проступила бѣлая пѣна. Всѣ были подавлены, больше — оглушены. И вдругъ, вскочивъ съ узенькой скамейки такъ, что

лодка закачалась и дамы схватились за бортъ, князь Караимъ, бѣшенно сверкая глазами, закричалъ, задыхаясь:

— Вы правы, Кротикъ, благодарю, благодарю васъ! Я всю жизнь . . . съ женщинами . . . моталъ . . . что для меня Россія? Но я, я никогда не измѣнялъ государю! Я ничѣмъ не замаралъ своей чести. Слышите, ничѣмъ! Я не покинулъ государя одного, когда его травили между Псковомъ и Дно. Я былъ на Кавказѣ. Я не бросилъ его въ поѣздѣ, какъ это сдѣлалъ генераль Гореваловъ. И я говорю вамъ, генераль, я говорю . . . генераль — вы подлець.

То, что произошло затѣмъ, было коротко, какъ мигъ. Тяжело выпрямясь на толстыхъ своихъ ногахъ, Гореваловъ всталъ, огромный и давящій, возлѣ князя Караима; двѣ-три секунды молчали оба, поблѣднѣвъ, какъ бѣлый снѣгъ. Тяжкій ударъ въ лицо раздался, затѣмъ князь Караимъ грохнулся въ лодку навзничъ. Никто ничего не сказалъ, всѣхъ трясло, какъ на разсвѣтѣ, въ стужу; молча Езуитушка и Апостоловъ бросились поднимать князя, который, жалко выкативъ глаза, ловилъ губами воздухъ.

Генераль Гореваловъ закрылъ руками лицо, плечи его вздрагивали.

— Я разобью ему морду! — закричалъ затѣмъ князь Караимъ грубо, вырываясь изъ

цѣпкихъ объятій Езуитушки. Не смѣйте держать меня, меня никто еще не билъ!

Уже на берегу, когда всѣ растерянной толпой толклись вокругъ князя, генераль поднялъ свои тихіе глаза и сказалъ едва слышно, но твердо:

— Я готовъ дать вамъ удовлетвореніе, князь.

И одинъ, сбивая на дорогѣ камешки, понуро пошелъ къ городу, туда, гдѣ звенѣли трамваи, и, кусая удила, танцовала верховая лошадь подъ растерявшейся напуганной амазонкой.

VII

Рѣчь Езуитушки, происшествіе на Рейнѣ и растерянность, охватившая вслѣдъ затѣмъ членовъ будущаго русскаго окраиннаго кабинета, вселили въ Апостолова страхъ за судьбу своихъ плановъ, которые уже такъ прочно срослись съ жизнью, что внѣ ихъ существованіе казалось невозможнымъ. Дни шли безтолково, ничто не обсуждалось, никто ни къ чему не готовился, и даже Езуитушка ходилъ на цыпочкахъ, наморщивъ лобъ, и глядѣлъ на всѣхъ съ такимъ видомъ, словно готовился при первомъ словѣ каждому зажать ротъ рукой. Князь Караимъ, то хандря, то

бѣсясь, какъ подстегнутая лошадь, невылазно сидѣлъ въ номерѣ, глядѣлъ на крыши, на чихающее небо, и въ сотый разъ рисовалъ въ воображеніи своемъ, какъ недрогнувшей рукой прострѣливаетъ генералу лобъ и вслѣдъ затѣмъ смѣется мрачно; княжна Висковатая въ слезахъ уѣхала въ Парижъ, увѣренная, что ничто нѣмецкое никогда не доводитъ до добра.

Вечерами Апостоловъ заходилъ въ номеръ къ дочери и, если тамъ не было Езуитшки, садился на бархатный пуфъ, жевалъ губами и говорилъ:

— Надо повліять, Зоя. Къ чему этотъ поединокъ! Пустая мальчишеская выходка, вызванная этою глупою рѣчью Кротика. Поединокъ грозитъ скандаломъ, а нельзя забывать, что генераль владѣетъ пистолетомъ много лучше, нежели собою. Наша русская дуэль не французская дуэль — у нихъ декорация, у насъ непременно кровь. Ты умная женщина, Зоя.

— Ахъ, но все же такъ ясно, папочка. Удалите генерала, выселите его изъ Франціи, что вамъ стоитъ при вашихъ связяхъ? Я же говорила Евгенію Петровичу.

— Ну, и что-же?

— Говоритъ, что Гореваловъ уже представленъ имъ, какъ военный министръ кабинета. Нельзя ли повліять на князя?

— У князя порванъ мундиръ, а мундиръ можно починить только такъ, чтобъ это было незамѣтно. Такъ починить можетъ только одинъ портной во всемъ свѣтѣ: поединокъ.

Выхода не было. Такъ путникъ, иной разъ, идучи ночной степью, вдругъ забудеть, гдѣ сѣло солнце, посмотреть на звѣзды, а звѣзды спрятаны дымкою тучъ, оглянется вокругъ, а кругомъ лишь трава и темь, ковылиный шорохъ и твердая, какъ булатъ, сухая, направо и налѣво одинаковая земля. Похолодѣеть сердце подкосятся ноги — дороги нѣтъ, пустынна степь, Господь заснулъ надъ облачной завѣсой и гласа путника не слышитъ. Ночью Апостолова мучили сны, видѣлъ онъ себя министромъ или губернаторомъ, или растратчикомъ, или генераломъ, предавшимъ царя. Въ поту просыпался онъ, тѣло его саднило, и думалось о томъ, что жизнь есть тлѣнь и онъ гниющій въ ней покойникъ. „Господи, Россію, спаси“, молился онъ, а думалъ: „меня спаси, меня пожалѣй, меня щедротами твоими не остави!“

Тѣмъ временемъ, распустивъ волосы, испорченные куаферами и слишкомъ нѣжной заботою о нихъ, полная досадою и усталостью, Зоя заперлась у себя въ комнатѣ; за окнами вздыхала простуженная ночь, дождь шлепалъ по крышамъ, точно босыя ноги выплясывали на каменномъ полу, отъ оконъ

потягивало сыростью; Зоя сняла ботинки, спустила чулки, разстегнула блузку; тѣло пріятно обняла фланелевая теплота ночного халатика; она надѣла ночныя туфли, сдѣланныя подъ ситецъ глазастыми цвѣтами, и забралась на диванчикъ. Читать? На стулѣ лежала раскрытая книжка — Анатоль Франсъ, „Le crime de Sylvestre Bonnard“. Зоя перелистала нѣсколько страницъ, мысли ея закружились въ вяломъ, уравновѣшенномъ танцѣ, скованномъ дремою. Если начать думать, то думаешь всегда о себѣ: кажется — вотъ Россія, а думаешь о томъ, какъ жилось въ Россіи; вотъ глупый князь Караимъ — но что такое и кому онъ нуженъ, князь Караимъ, если не вспомнить, какъ онъ сказалъ о плечахъ ея: „я на нихъ смотрѣлъ“. Кто выдумалъ ихъ такихъ, кто выдумалъ людей? Она подумала, что у Господа въ раю нѣтъ ни святыхъ, ни угодниковъ, ни мучениковъ, но сидятъ вокругъ престола Божія, сложивъ ноги по-турецки, шелкоперы фразистые, и пишутъ, пишутъ, пишутъ . . . Напишетъ одинъ про человѣка, всю жизнь его измыслить, когда родился, когда учился, когда полюбилъ, когда въ рѣчкѣ утонулъ. „Что написалъ?“ — спросить Богъ. „Написалъ про одного раба Твоего, Господи“, — отвѣтитъ шелкоперъ, и подастъ Господу свитки; Господь прочтетъ, подумаетъ и скажетъ: „Ну, пусть

живетъ такой человѣкъ на свѣтѣ, пусть живетъ именно такъ, какъ ты описалъ“. Смотришь — на землѣ уже пицить новорожденный, родилась новая жизнь, и уже заранѣе ей готова дорожка по свитку небесному. И ее, Зою, уже описалъ какой-нибудь небесный писатель. Зачѣмъ думать о томъ, какъ жить? Зачѣмъ думать о томъ, что таится впереди, за плотными занавѣсками будущаго? Написано — убей, и убьетъ, написано — иди въ монастырь, и пойдешь пустоту жизни своей искупать монастырской пустотою.

Въ дверь осторожно постучали, Зоя открыла и увидѣла Езуитушку, который вошелъ стремительно, подбѣжалъ къ окну и, отдернувъ занавѣсъ, сталъ смотрѣть туда, гдѣ хандрила осень. Онъ былъ напряженъ, натянуть, мозгъ его развѣдали жесткія мысли.

— Что съ вами, мой другъ? — спросила Зоя, не спуская съ него глазъ.

— Попала спица въ колесницу, колесо-то и застопорила, — отвѣчалъ Езуитушка отъ окна, потомъ отошелъ, сѣлъ въ кресло, и длинные желтые его пальцы заегозили по подлокотникамъ; глаза его были полузакрыты, точно онъ боялся вглядываться въ окружающее, чтобы не отвлечь себя отъ того главнаго, что его мучило, сухія губы его были плотно сжаты. Здѣсь увидѣла Зоя всю великую мерзость этого человѣка,

лисью хитрость и изворотливый, плавный и горькій умъ, но не ужаснулась, не испугалась. Ей было все равно. Она снова съ ногами забралась на диванъ и, скользя глазами по строчкамъ книги, ждала, что Езуитушка скажетъ.

Езуитушка молчалъ долго и, вдругъ, поднявъ глаза, цѣпко, точно прицѣливаясь, посмотрѣлъ на Зою; что-то думалъ и что-то оцѣнивалъ; казалось, въ своей душѣ онъ держалъ свою особенную женщину и теперь сравнивалъ ихъ обѣихъ, женщину и Зою, и раздумывалъ, достойна ли Зоя этой женщины, которую онъ создалъ въ своей душѣ. Потомъ лицо его расплылось въ улыбку, глаза какъ-бы ушли во внутрь, въ себя, разглядывая дно Езуитушкиной души; онъ всталъ и, неслышно ступая, подошелъ и сѣлъ у ногъ Зои. Она инстинктивно подобрала ноги.

— Такъ-то оно, голубушка, — проговорилъ Езуитушка ласково и положилъ сухую ладонь на колѣно Зои. — Не умѣетъ человекъ себя обуздывать, вотъ ты и поди. Князь-то, князь-то орломъ какимъ взмылъ, — Езуитушка закатился беззвучнымъ смѣхомъ, глаза его сощурились, — вотъ не ко времени, не къ мѣсту! Ну, а колобокъ распутывать надобно. — Езуитушка сдѣлался серьезень, глаза его стали твердыми, жесткими. — Женщина ты умная, даромъ что въ юбкѣ

ходишь. Съ кѣмъ и поговорить, какъ не съ тобой? Правильно, ягода?

— Что-то задумали вы, Евгений Петровичъ.

— Что задумаль? Гдѣ тонко, тамъ и рвется, гдѣ рвется, тамъ неудобно зашить. Къ иголкѣ-то женскіе пальцы болѣ нашего привычны.

— Мнѣ надо что-нибудь сдѣлать?

— Хвалю. Послушна, разомъ все понимаешь. Надо дѣло спасать, нельзя чтобы изъ-за пѣтушиной драки такое дѣло оборвалось. Вѣдь какое дѣло, какое дѣло! Подумаешь — голова закружится, въ ушахъ зазвенить, въ глазахъ чертенята пляшутъ. Француза перехитрить не мудрено, онъ русской каши не ѣлъ, на помдетеррѣ больше сидитъ, а ты вотъ русскихъ обойди, русское буянство усмири, шеи бычьи согни. А какое дѣло, какое дѣло! Можетъ, потомки наши насъ какъ угодниковъ, въ раки положуть, попы ватой обложуть, чтобы не видать было, какъ гнѣмъ, червивенькіе; мальчишечки, можетъ, по учебникамъ фамильи наши долбить учнуть. Такое дѣло, цвѣточекъ, что кабы не случай, такъ и подумать бы не дерзнулъ. А нонече дерзаемъ. Свыше мѣры, свыше силъ. Не съ чего, такъ съ бубень.

— Говорите, я все сдѣлаю. Мнѣ все равно.

— Зачѣмъ же все равно?

— Скучно мнѣ. Нужно, и сдѣлаю. Если бы меня судьба бросила къ революціонерамъ, я убивала бы губернаторовъ. И Шарлоттой Кордые могла бы быть, и на крестѣ христіанской мученицей умереть. А живу среди поганенькихъ — буду поганенькое дѣло дѣлать. Мнѣ все равно. Важно до конца дожить, если уже живемъ, а какъ дожить, не все-ли равно.

— Сиропинки въ тебѣ нѣтъ, ягодка, а оно можетъ и къ лучшему. Кровь въ тебѣ течетъ рыба. Да такихъ-то, какъ ты, и въ охранное выбрали: не опьянится, не увлечется, головы не потеряетъ.

— Мерси.

— Не въ мерси дѣло. Книжечку на стульчикъ положите, мѣшаетъ. Такъ вотъ, улыбочка, сталь мнѣ поперекъ горла этотъ поединокъ. Хорошо, ежели генерала подшибутъ, ну, а ежели князя? Онъ у насъ вывѣска. Идетъ православный мимо трактира, а на трактирѣ вывѣски нѣтъ, такъ какъ же онъ повѣритъ, что это трактиръ стоитъ? Вывѣску повѣсь и напиши: трактиръ. А пусть въ томъ трактирѣ вмѣсто водки воду подаютъ, ужъ тутъ всѣ повѣрятъ, что водка, только бы вывѣска была. Нонче я человекъ къ Горевалову подсылалъ, уговаривалъ, самъ три часа бился, но этотъ какъ нала-

дилъ! Я солдатъ, я вызовъ принялъ, положеніе мое уклониться мнѣ не дозволяетъ. Такъ вы, говорю, въ сторону, въ сторону бабахните. А что же, говоритъ, ежели не попаду, то и стороной пуля пройдетъ. Голубушка, ты съ генераломъ-то какъ, ласкова?

— Никакъ.

— Онъ за тобой, какъ червякъ, ползаетъ. Эхъ, милая, нѣтъ такого дѣла, котораго женская красота не сдѣлаетъ. Мигнешь, глянь и растаялъ, какъ баба.

— Какую мерзость вы говорите,—поведа плечомъ, брезгливо сказала Зоя. — Давно ли я была вашей любовницей?

— Ахъ, роднушечка, нѣтъ во мнѣ гордыни. За красоту нецалованную меня полюбила? За кровь горячую? Нѣтъ во мнѣ гордыни, трезвенькій я, голубушка. Трезвенькій, гниленькій, пакостненькій. Кромѣ пакости, что мнѣ осталось? Гдѣ можно, втихомолочку рвану, и тѣмъ сытъ, много ли старикашечкѣ надобно? Бабы вы! А еще умница. Ты пододвинься ко мнѣ, послушай меня, бархатная. Думаешь, страшный? Нѣ — етъ, расчетливый, умишкомъ моимъ старымъ раскидываю, мала щелочка, такъ я ее гвоздикомъ подковырну, глядишь, и палець просунуть можно, а тамъ и рука пройдетъ, а тамъ и плечико, глядишь, пролѣзетъ. Вездѣ пройти надобно умѣть.

Онъ говорилъ долго, то шопотомъ, то повышая голосъ до визга, глаза его загорались и потухали сызнова, и ушелъ онъ подъ утро, когда стало свѣтать. Сжавъ губы, Зоя лежала на диванѣ, вытянувшись во весь ростъ, лицо ея было блѣдно и страшно. Графиня на умывальникѣ, металлическія шпешечки кровати, дверная ручка стали блестятъ; шли минуты, прошелъ часъ; коридорный за дверью взялъ ботинки, чтобы чистить, его крадущіеся шаги зазвучали гулко, потомъ стихли.

VIII

Дуэль должна была состояться за Висбаденомъ, на опушкѣ роши. Князь Караимъ былъ золъ, много пилъ и не выходилъ изъ своей комнаты, красныя щеки его поблѣднѣли; секундантами со своей стороны онъ выбралъ двухъ бюрократовъ, со стороны генерала Горевалова секундантами были третій бюрократъ и Апостоловъ. Къ князю Караиму въ комнату стучались поочередно всѣ, къ генералу никто не заходилъ, онъ сидѣлъ у подоконника, подперевъ подбородокъ рукой, и писалъ письмо своей матушкѣ; гдѣ она была сейчасъ, что дѣлала, чѣмъ жила, онъ не зналъ — жила гдѣ-то въ Россіи и

молилась о немъ Богу; если есть у васъ на свѣтѣ матушка, которая знаетъ, помнить, любить, если ея дрожащая рука гдѣ-нибудь далече ставитъ свѣчу въ закоптѣлый поставецъ, если ея высохшія губы шепчуть родное имя каждый день по утру и къ ночи — это ли не счастье, это ли не сладкая звенящая печаль? Господи, въ страшную минуту подумаешь тихо: гдѣ ты, родная моя? Все такъ же-ли на сморщенную грудь медленно и жарко горячія падаютъ слезы? Все такъ же-ли читаешь, надѣвъ старушечьи очки, старые листки старыхъ писемъ, которымъ давно вышли всѣ сроки, и цѣлуешь мутныя отъ времени и отъ твоихъ святыхъ слезъ, рѣдкія сыновнія строчки? Пробьетъ неотдалимый часъ — чья рука закроетъ восковыя вѣжды твои, родимая? Будешь кликать сына, не услышитъ сынъ; позовешь далекаго; не dospѣетъ онъ. Эхъ, завертѣла жизнь, заколдобила — плачьте, плачьте, матери осиротѣвшія на пустынныхъ русскихъ холмахъ . . .

Рука генерала тряслась и сердце его тѣснило. Въ смятеніи бросилъ онъ перо и вышелъ на улицу; дождь, казалось, усилился, вѣтеръ качалъ старые каштаны, хвостатые тучи, пепельно-сѣрыя, похожія на собачью шерсть, неслись упрямо и озлобленно; генераль постоялъ у подъѣзда, потомъ медленно повернулъ назадъ; черезъ стеклян-

ную дверь въ залъ для чтенія онъ увидѣлъ Зою, склоненную надъ бюваромъ. Съ отяжелѣвшимъ сердцемъ генераль открылъ дверь, пошелъ, громко хлопая, мимо стола съ раскиданными на немъ нѣмецкими и французскими журналами и остановился передъ Зоей во фронтъ. Она подняла на него странные глаза: испугъ въ нихъ былъ, чтоли, или спрятанное глухое безпокойство?

— А, генераль,—сказала она, и онъ увидѣлъ, какъ въ рукѣ ея, зажатая межъ пальцевъ, ручка мелко дрожала,—а я хотѣла итти васъ разыскивать. Завтра деретесь?

— Дерусь,—казаль онъ коротко, нахмуясь.

— Не буду, не буду.

Нѣкоторое время оба, боясь другъ друга и стѣсняясь, молчали, потомъ она опустила голову и быстро стала писать; онъ стоялъ возлѣ, не зная самъ, чего дожидается.

— Генераль,—проговорила Зоя, не подымая головы, въ то время, какъ онъ смотрѣлъ на ея гладкую прическу и на все еще дрожащія руки, прикладывающія листь бумаги къ кляксъ-папиру,—простите меня, если я неосторожно коснусь вашей души. Вы одиноки, одиноки, тоска васъ гложеть, вамъ противенъ міръ и омерзительны люди. Зайдите ко мнѣ вечеромъ, я сегодня одна, у меня непонятныя, мучительныя мысли. Такъ, безъ всякой

задней мысли, какъ одинокій человѣкъ къ одинокому человѣку. Я женщина, генераль, я не обижу, не оскорблю, не скажу грубаго слова. Зайдете, да?

— Да, — сказалъ генераль, поклонился и вышелъ. Несмотря на дождь, онъ пошелъ въ паркъ, смотрѣлъ, какъ дождевыя капли хлопали о прудъ, потомъ хотѣлъ пойти въ магазинъ, купить цвѣтовъ, потомъ рѣшилъ, что это смѣшно, вернулся къ себѣ и, бросившись въ постель, лежалъ съ закрытыми глазами. Желтое и красное, лиловое и черное носилось передъ нимъ, расплеталось, свивалось въ кольца. Такъ лежалъ онъ до вечера, не пошелъ обѣдать, потомъ зажегъ лампочку у зеркала и долго пальцемъ разглаживалъ щетинистые сѣдые усы.

Переступивъ порогъ комнаты Зои Григорьевны, генераль уже пересталъ волноваться: комната была освѣщена одной лампочкой, интимно спрятавшейся въ большой, въ видѣ груши, люстрѣ, все было чистенькое, теплое, даже воздухъ, напитанный сладкимъ ароматомъ Coty. На столикъ, застланнымъ по нѣмецки бумажной скатертью, стояла бутылка рейнскаго, два бокала были уже налиты до-верху желто-зеленой мутноватой влагой.

— Я благодарна вамъ, что вы пришли, сказала—Зоя, вставая ему навстрѣчу; она была

въ черномъ платьѣ съ узкимъ и острымъ вырѣзомъ на груди, крепдешиновые рукава негрубо крали бѣлизну ея тонкихъ, слегка припухлыхъ у локтей, рукъ, въ ней была тихая вечерняя нѣжность, женская колдующая нѣжность — только бы сѣсть въ ноги женщины, только бы цѣловать подолъ платья, обнимающаго ея ноги, только бы смотрѣть, какъ на туфли ея капають твои умильные, нестыдные слезы . . .

— Я не помѣшалъ? Ежели я помѣшалъ, меня можно выгнать.

— Вы не помѣшали, генераль. Сядьте со мной рядомъ, давайте говорить дружески, въ жизни дружба — самое святое. Вы любите жизнь, генераль?

— Ахъ, родная моя,—проговорилъ генераль, уже счастливый,—любишь ее, не любишь, о томъ жизнь не спрашиваетъ. Жизнь вродѣ какъ бы начальникъ: прикажетъ въ колодець внизъ головой кинуться, кинешься, прикажетъ безсмѣнно на часахъ стоять, такъ до самаго гроба и прстоишь. Нутро у меня солдатское, душу мою еще въ корпусѣ вышколали, когда мальчишкой былъ.

— Ну, и все же . . . вотъ вы завтра станете подь пистолеть. Это неизбѣжно, скажите? Да, неизбѣжно? Вы встанете подь пистолеть, будете смотрѣть въ черную дырочку, изъ которой, быть можетъ, выпор-

хнеть смерть. И вамъ не жаль близкихъ, неба, воздуха, своихъ ощущеній, своихъ воспоминаній?

— Что я вамъ скажу на это? Жизнь, подлинно, тяжела, но я долгомъ своимъ передъ родной и передъ своимъ достоинствомъ живого человѣка почиталъ оправдывать ее по мѣрѣ возможности. Я, изволите ли видѣть, книжку себѣ завелъ, и все въ нее вписывалъ, изреченія всякія. Это у меня какъ бы статуй. Почитаешь, яснѣе станеть. Вотъ, ежели дозволите . . .

Онъ засунулъ руку въ боковой карманъ и вытащилъ оттуда кожаную записку, повертѣлъ ее въ волосатыхъ своихъ рукахъ и раскрылъ наудачу.

— Вотъ это здѣсь у меня о Шуманѣ, музыкантѣ. Читалъ я какъ то его біографію, и полюбилось тутъ у меня одно . . . вотъ: „однажды къ Шуману пріѣхалъ изъ Дрездена его другъ Крегень. Никто не отзывался на звонокъ гостя; но въ шумановской комнатѣ былъ слышенъ рояль. Наконецъ, открывается маленькое окно, изъ него высовывается композиторъ и, быстро произнеся: — Это вы, Крегень? Меня нѣтъ дома, — снова захлопываетъ его“. Шуману, полагаю я, жить было легко, разъ у него была музыка. Любилъ онъ Эрнестину фонъ Фрикень, и вывелъ любовь подъ видомъ Эст-

реллы въ Карнавалѣ. Вотъ, я думалъ: я не композиторъ, зато я генераль. Чему служить генераль? Служить родинѣ, защищаетъ родину; коли такъ, то на жизнь ему вниманіе обращать некогда. Самое главное — родина. И теперь у меня, Зоя Григорьевна, самое главное родина. Вѣдь если бы такъ вотъ до дна повѣрить, что въ этой игрушкѣ, которую затѣваютъ французы на окраинѣ, подлинно заключается помощь родинѣ, такъ развѣ бы я князю не спустилъ? Спустилъ бы, хоть и посѣдѣлъ въ мундирѣ.

— Значить, вы не вѣрите въ наше дѣло?

— Вѣрю — можетъ быть и выйдетъ. Ну, а настоящей, крѣпкой вѣры, вѣры безъ оглядки, этого нѣтъ . . . Вотъ дозвольте мнѣ еще прочитатъ, изъ философа Шопенгауера взято: „Людымъ нужна внѣшняя дѣятельность, когда у нихъ нѣтъ никакой внутренней. Недостаткомъ внутренней дѣятельности объясняется безустанная и безцѣльная охота незанятыхъ людей къ путешествіямъ. Ихъ гонить по бѣлому свѣту та же скука, которая дома сгоняетъ и собираетъ ихъ въ общества, такъ что смѣшно смотрѣть на это.“ Мы, Зоя Григорьевна, люди безъ такой внутренней дѣятельности и насъ толкаетъ на подвигъ не скука, ежели хотите знать, а тоска по былому благополучію. И во многомъ былъ правъ Евгеній Петровичъ Кротикъ, когда

держаль свою рѣчь тамъ, на лодкѣ. Россія! Что Россія? Я самъ люблю Россію, но я исполнитель, я солдатъ. Вы не слушаете меня? Экой я какой, съ философіей, тоже, — забормоталь онъ съ милой дѣтской улыбкой и поспѣшно спряталь свою книжку въ карманъ.

Зоя молчала, облокотясь на спинку дивана, глаза ея горѣли блѣдно, отъ нея исходила теплота и голова генерала слегка кружилась. И опять подумалось ему: вотъ такъ бы сидѣть, сторожить каждое ея движеніе, поставить на сѣдую голову свою, склоненную до полу, ея нѣжный, нѣжный башмачекъ.

— Теперь я расскажу вамъ сказку,—проговорила Зоя медленно, какъ бы задумавшись,—хотите положить мнѣ голову на колѣни? Положите, я буду гладить вамъ волосы.

Теплая нѣжность баюкала генерала, онъ неловко прилегъ на диванъ и положилъ голову на ея колѣни, ощущая, какъ теплота ея мягкихъ ногъ переливается въ его тѣло; тонкіе пальцы ея коснулись его волосъ, и какъ сквозь сонъ онъ слышалъ ея медленный голосъ:

— Жиль былъ на свѣтѣ старенькій, одинокій боевой генераль; когда то и онъ кутилъ у Яра, волочился за цыганками, когда то и его любили женщины, и былъ онъ ру-

мянъ и статеиъ, и голюсь его былъ гибокъ. Но ушли молодые годы, отцвѣли ужъ давно хризантемы въ саду, побѣлѣли волосы и постучалось въ постарѣвшую душу одиночество. И жила на томъ же свѣтѣ пустая красивая женщина Зоя, тратила свою молодость и желанія безъ чувства, на прихоть безъ желанія, и надоѣло ей жить. Увидѣлъ генераль женщину Зою, полюбилъ. Ходить старый, а какъ подойти, не знаетъ. Думаетъ генераль: я старый, грубый, она молодая, нѣжная; куда же мнѣ за молодостью угнаться? Думаетъ женщина: старый онъ, но добрый, душа у него теплая, грудь широкая, испытанная, какъ хорошо спрятаться отъ пустоты и скуки на этой груди! Но генераль рѣшилъ выйти на поединокъ: умереть или убить. И хочетъ сказать ему женщина: зачѣмъ этотъ поединокъ? нужно отказаться отъ поединка . . .

Нѣжность, которой онъ никогда не испытывалъ дотолѣ, душила генерала; но цѣлуя руки, ласкавшія его, онъ сказалъ настойчиво:

— Нѣтъ, нѣтъ, даже и теперь я не откажусь отъ поединка. Божество мое! — сказалъ онъ, вкладывая въ это слово все то огромное, полное счастье, въ чѣмъ онъ купался сейчасъ.

— Даже если я попрошу?

— Никогда еще женщины не дѣлали стараго генерала безчестнымъ.

— Развѣ я — женщины?

— Нѣтъ, нѣтъ, — повторилъ генерилъ съ мольбою. Зоя рѣзко отстранилась; Гореваловъ вздрогнулъ и, приподнявшись, сѣлъ, глядя на Зою въ испугѣ. Ротъ ея грѣшно полуоткрылся, глаза мерцали спрятаннымъ, змѣинымъ свѣтомъ, и въ страхѣ и тоскѣ генераль понялъ, что рядомъ съ нимъ женщина, женское теплое тѣло, которое зоветъ.

— Генераль,—проговорила Зоя шопотомъ, перегибаясь къ нему, широко раскрывъ помутнѣвшіе глаза,—генераль, хотите видѣть мою грудь?

И тонкіе пальцы торопливо стали разстегивать на спинѣ платье. Теплое и душное, какъ опрокинувшійся скирдъ сѣна, навалилось на генерала, жилы его вздулись на вискахъ и, вскочивъ, вращая бѣлками выкачанныхъ глазъ, стуча кулакомъ по столу, на которомъ зазвенѣли бокалы, онъ закричалъ въ хрипломъ бѣшенствѣ:

— Не смѣй! Не позволю! Миѣ не надо такихъ . . . слышите? Я покупалъ такихъ на улицахъ!

И, задыхаясь, схватился за лицо; щеки Зои поблѣднѣли матовой блѣдностью, плечи сжались, она до крови закусила губы. Да . . .

Стало слышно какъ въ звенящей тишинѣ въ окно порывами бросался дождь, словно снаружи падали въ стекла горсти песку. Да, да . . . Зоя медленно обошла вокругъ стола, ломая руки, и сѣла въ оконной нишѣ на стуль.

— Простите,—глухо выговорилъ генераль, придя въ себя, глядя на столъ, на бокалы, играющіе рейнскимъ. — Меня можно простить . . . Я слишкомъ, слишкомъ васъ люблю.

Зоя не шевельнулась; онъ досталъ платокъ и вытиралъ имъ ладони, ставшія влажными.

— Прощайте.

— Прощайте, — сказала Зоя.

— Если я не вернусь завтра поутру, то это значитъ, что я больше не вижу и не слышу. Тогда вспомните, Зоя Григорьевна, о старенькомъ, глупенькомъ, взбалмошномъ генералѣ, который любилъ васъ всею силою своего перегорѣвшаго сердца, и не такъ, какъ всѣ.

Онъ поклонился низко, съ наигранной молодцеватостью повернулся и крутыми шагами пошелъ къ двери. Зоя сдѣлала нѣсколько шаговъ ему вслѣдъ.

— Подождите,—сказала она отрывисто.

Обернувшись, генераль увидѣлъ ея лицо все еще блѣдное, со впавшими, печальными

странно играющими глазами; нервный тикъ слегка дергалъ уголокъ ея рта.

— Генераль, выпьемъ съ вами на прощанье въ знакъ того, что вы не помните этой боли, которую я вамъ сейчасъ доставила. Я боюсь вашей здоровой, чистой любви. Я измотанная, жалкая, грязная. Забудьте меня, генераль, много есть дѣвушекъ чистыхъ и свѣтлыхъ, у нихъ души пахнутъ ландышами, а я... ну, что тамъ! Выпьемъ, генераль, за наше дружеское разставаніе.

Она первая взяла бокаль и подняла его въ уровень глазъ; со стенающимъ сердцемъ генераль поднялъ свой, рука его жалко тряслась; они чокнулись и выпили.

— Прощайте, мой милый, мой добрый генераль.

Склонясь, онъ бережно и беззвучно поцѣловалъ ея гибкую руку — о, какъ рвалась, какъ металась въ немъ смѣшная, исходящая кровью, душа!

— Прощайте, — сказалъ онъ, скрывая слезы, — прощайте, божество, мое...

Зоя подошла къ двери и смотрѣла ему вслѣдъ, пока онъ шелъ по коридору, не обращиваясь. Онъ же самъ не помнилъ, какъ ноги донесли его до его комнаты. Ключемъ онъ отперъ дверь. Изъ темной комнаты пахнуло на него застоявшимся папироснымъ дымомъ, запахомъ помѣщенія, которое не

провѣтривали съ утра; онъ зажегъ свѣтъ, глаза его увидѣли гостиничныя стѣнки, гостиничную мебель, равнодушное жилище для всѣхъ, кто платитъ за него тридцать марокъ въ сутки.

Въ раскрытомъ чемоданѣ лежала брошенная комкомъ грязная полосатая сорочка съ запонкой на воротѣ, ясно блестящей, одинъ ботинокъ, разметавъ по полу шурки, стоялъ подъ кроватью, другой былъ брошенъ на стулъ, на подошвѣ его бѣлѣлъ приставшій окуркъ. „Склепъ“, подумалось генералу, „холодная, сколоченная чужими руками, необструганная одинокая домовина.“

Онъ присѣлъ на кровать, въ вискахъ его гудѣло; въ колѣняхъ поднялась противная мелкая дрожь, свело спину и вдругъ ударило тупой болью въ самое сердце, точно впилося въ него ребро и разорвало стѣнки; генераль раскрылъ ротъ, судорожно хватая воздухъ, повалился на подушки, и все за клубилось, завертѣлось вихремъ въ глазахъ его. Сталь медленно, со скрипомъ падать потолокъ, стѣны сузились. „Гробъ, — мелькнули въ немъ обрывки мыслей, — что же это со мной, отравился виномъ? А Зоя?“ На глаза пала слѣпота, все тѣло его распиливали визжащія, стонущія пилы. Закусивъ волосатую кисть, поднявъ къ животу колѣни, онъ лежалъ и корчился отъ боли.

„Донъ - донъ - донъ“ звонилъ надъ нимъ колоколь мѣтко и рѣзко, полыхнулъ огонь, языки его запрыгали въ воздухѣ, чадя и извиваясь. Прямая и строгая, встала передъ нимъ женщина, облака колыхались надъ ней, заливая ее молочнымъ свѣтомъ, на бѣлоснѣжныхъ плечахъ ея онъ увидѣлъ раскрытыя дымящіяся раны.

— Зоя! — закричалъ генераль, простирая руки, — ты! Почему у тебя кровь?

Она подняла свои глаза, полные скорби и боли, глаза Зои, и вдругъ взмыла она тонкими руками въ цѣпяхъ.

— Кто же ты? Кто ты?

— Россія, сказалъ тихій голосъ, пожалѣйте меня...

— Что же сдѣлать? Мнѣ больно... Скажи! Что дѣлать? Приказывай, я умру...

И стала тьма. Онъ пытался открыть вѣки, и не могъ. Царила тьма. Если бы онъ могъ встать, онъ увидѣлъ бы за дверью, въ спящемъ коридорѣ, темно освѣщенномъ рѣдкими верхними лампочками, блѣдную Зою, прижавшуюся къ стѣнкѣ; она крестилась мелкимъ, частымъ знаменіемъ, а лѣвой рукой, судорожно сведенной, царапала себѣ въ кровь обнаженную грудь.

Недѣли двѣ спустя парижане, продравъ со сна веселые глаза, могли прочесть въ одной изъ крайнихъ лѣвыхъ газетъ статью, написанную не безъ ѣдкости:

„Анверскіе легкоатлеты ставятъ рекорды. Но что ихъ рекорды въ сравненіи съ рекордомъ безпardonной глупости, поставленнымъ нашимъ республиканскимъ правительствомъ? Парламентъ одобрилъ проектъ генеральнаго штаба о созданіи на окраинѣ Россіи русскаго яркоконсервативнаго правительства, поддерживать которое военной силой вынудили Францію, не спросивъ, хочетъ ли она того. Во главѣ русскаго правительства всталъ князь Караимъ, бывшій офицеръ гвардіи. Тайной пружиной и вдохновителемъ новой авантюры является нѣкто Кротикъ, темная личность, державшая въ повиновеніи не только бюрократическій міръ царскаго Петербурга, но и дворцовый. Въ кабинетъ входитъ также членъ бывшаго царскаго правительства мосье Апостоловъ. Политическіе взгляды ихъ столь краснорѣчивы, что о нихъ знаетъ даже Франція, нравы же его достаточно характеризуетъ слѣдующій случай, только что имѣвшій мѣсто въ Висбаденѣ. Генераль Гореваловъ, предназначавшійся на постъ военнаго министра, повздоривъ съ княземъ Караимомъ, нанесъ послѣднему физическое оскорбленіе,

за что и былъ вызванъ княземъ на дуэль. Наканунъ этой дуэли бравый генералъ отъ преизбытка отваги предпочелъ отравиться въ своемъ отелѣ.

Тѣмъ не менѣе, правительство сформировано и отплыло на предназначенную ему территорію. Туда же подъ начальствомъ генерала Жанонъ отправленъ французскій экспедиціонный корпусъ, а также колоніальные войска. Два броненосныхъ крейсера, одна канонерная лодка и четыре миноносца двинуты къ берегамъ новаго очага русской реставраціи. Буржуазное наше правительство умилительно тѣмъ болѣе, что не преслѣдуетъ никакихъ захватныхъ цѣлей, ибо территорія новоявленной Россіи бесплодна, какъ смоковница. Намъ остается поздравить господъ отцовъ нашей республики съ новымъ шагомъ къ моменту — не торжества своего политическаго генія, о, нѣтъ! — но къ моменту крушенія того постаменты, на которомъ они стоятъ.“

Висбаденъ, 1920 г. іюнь.

ПОСЛѢДНІЙ СНѢГЪ

I

Къ ночи пріѣхалъ изъ города баринъ и привезъ съ собой новаго товарища. Господь его знаетъ, кому еще былъ нуженъ этотъ домъ съ осѣвшей, проточенной дождями колонадой и побитыми стеклами на антресоляхъ, куда осенью залетали зазябшія птицы, отставшія отъ стай! Ворота шатались какъ во хмелю и не отворялись, никого не впускали во дворъ; баринъ соскочилъ, погрузивъ свои сапоги въ склизкую грязь по самую щиколотку, поскользнулся, устоялъ и крикнулъ низкимъ голосомъ, звучащимъ какъ фаготъ:

— Кто тамъ есть, Алексѣй или Еремѣй, фонарь!

Съ голыхъ липъ, строго, какъ городьба, стоящихъ вдоль дороги, падала капель, звеня о таявшій, весь въ дыркахъ, снѣгъ — установилась оттепель, послѣдній снѣгъ сползалъ въ овраги, въ лѣсу и надъ озеромъ шумѣла весна, еще не близкая.

— Вы не забыли, Зальцъ? — сказалъ баринъ, обернувшись къ товарищу, который сидѣлъ находясь, поднявъ воротникъ своего демисезоннаго пальто. — Здѣсь нелюдимо, а! Впрочемъ, васъ никто не принуждалъ ѣхать. И только подумать, что при иномъ складѣ моего характера я могъ завести здѣсь порядокъ, отремонтировать домъ, расчистить паркъ! А теперь никто не дастъ и цѣлковаго за эти увядшія прелести.

Онъ бархатисто засмѣялся. На крыльцѣ показалась фигура босого человѣка въ подстеганой ватю бабьей обжимкѣ и съ фонаремъ, ронявшимъ свѣтъ на ветхія ступени и на грязищу, затопившую дворъ. Шлепая ногами по грязи, человѣкъ подошелъ къ воротамъ, распахнулъ боковую калитку и, поднявъ фонарь вровень съ глазами, разглядѣлъ пріѣхавшихъ.

— Съ пріѣздомъ, — сказалъ онъ нехотя, — съ шешнадцатымъ изволили прибыть?

— Здорово, Алексѣй, а что, дальнія комнаты у тебя топлены? Почему ты досокъ у крыльца не кладешь? у тебя тутъ какъ въ болотѣ увязнуть можно. Слѣзайте, Зальцъ. Лошадь, Алексѣй, удержи, утромъ кое-куда поѣхать нужно будетъ.

Зальцъ, подбирая какъ женщина короткія полы, опустилъ свои длинныя ноги на землю, храня стойкое и брезгливое молчаніе, и въ

свѣтъ фонаря стекла его пенснэ поблескивали какъ волчи глаза. Алексѣй пошелъ впередъ, свѣтя фонаремъ. Со стороны клѣтей несло бодрымъ и влажнымъ запахомъ навоза, а домъ со слѣпыми, бездонно чернѣющими окнами, высокими, съ тройными перехватами, напоминалъ склепъ, затхлое и брошенное всѣми негостепріимное жилище. Въ снѣгахъ, съ зажженной свѣчей въ рукахъ, стояла женщина, рукой придерживая на груди концы ковровой шали.

— Ахъ, Петръ Алексѣичъ! — вскричала она, дѣлая движеніе навстрѣчу барину, но увидѣла за его спиною Зальца, застыдилась и потупилась, и свѣча кинула испуганный свѣтъ на ея заалѣвшіяся щеки.

Баринъ подошелъ, взялъ ее обѣими руками въ перчаткахъ за голову и на ея высокомъ лбу запечатлѣлъ поцѣлуй.

— Здравствуй, Ксюша. Вотъ видишь, я и пріѣхалъ.

— Здравствуйте, Петръ Алексѣичъ.

— Вотъ она, — продолжалъ баринъ, обращаясь къ Зальцу, — я вамъ о ней рассказывалъ. Не стыдись-же, Ксюша, это мой пріятель.

Зальцъ чопорно, издали поклонился, приподнявъ съ головы свой клѣтчатый шляпикъ, изъ рода тѣхъ, что носятъ въ Россіи жулики и коммивояжеры.

— Какъ, Ксюша, у тебя комнаты — топлены? Мы здѣсь переночуемъ съ нимъ, — продолжалъ баринъ, пока они шли черезъ темный залъ, пропитанный запахомъ плѣсени, и черезъ амфиладу другихъ комнатъ, заставленныхъ мебелью въ чехлахъ, съ ободранными стѣнами, нежилыхъ и холодныхъ.

— Не беспокойтесь, у меня топлено, вамъ у меня можно будетъ заночевать.

— А самоварчикъ намъ поставишь съ холоду? И водченки достанешь?

— Насчетъ водки ужъ не знаю какъ, развѣ что у Алексѣя.

Въ комнатѣ Ксюши, маленькой и опрятной, было натоплено до духоты, на столѣ горѣла керосиновая лампа и подъ нею лежала раскрытая книжка.

Зальцъ, не ожидая приглашенія, снялъ промокшее пальто, вытеръ усы, сѣлъ въ кресло и закурилъ, пуская дымъ кольцами; Ксюша бросила шаль на чистенькую постель и остановилась у стола, глядя на края скатертки, на ней было худое, простенькое темное платье и лицо у нея было худое, простенькое, какъ у деревенскихъ поповенъ или домашнихъ портнихъ, и весною оно, конечно, все покрывалось веснушками. Баринъ молчалъ, ему было неловко.

— Я пойду по хозяйству, Петръ Алексѣичъ, — проговорила, наконецъ, Ксюша, скользнувъ глазами по лицу Зальца.

— Иди, иди, и водченки чтобъ тоже.

Когда она вышла, баринъ всталъ, подтянулъ книзу кожаную куртку и тяжело, какъ ходять полные люди, сталъ ходить отъ кровати до стола и обратно.

Зальцъ перекинулъ одну ногу на другую и бросилъ недокуренную папиросу въ уголь.

— Жена то у васъ простенькая.

Баринъ покраснѣлъ до шеи, подошелъ къ окну и сталъ слушать, какъ звенить ночная капель: будто рѣдко и съ разной силой на балалайкѣ тенькали. Теплый вѣтеръ, поднявшійся съ полыней, летѣлъ надъ паркомъ, въ буеракахъ глухо ухалъ осѣдающій снѣгъ, и ползла отовсюду еще слишкомъ терпкая ранне-весенняя одурь.

Алексѣй внесъ кипящій самоваръ, обдающій клубами пара его жесткое и дряблѣе лицо. Ксюша принесла на подносѣ сервизъ, сохранившійся отъ лучшихъ дней и лучшихъ хозяевъ. Чай пили въ молчанку, Ксюша стыдилась Зальца, баринъ стыдился Ксюши, а Зальцъ не считалъ нужнымъ разговаривать, пилъ водку черезъ правильные промежутки, по-нѣмецки, раскисалъ съ каждой рюмкой и пальцами ловилъ на тарелкѣ кусочки нарѣзанной дешевой кол-

басы. Вскорѣ сдѣлалось жарко нестерпимо, и баринъ съ Зальцемъ выходили въ залъ подышать сыростью, хлопали себя ладонями по груди, просунувъ руку за воротъ, но и тамъ не разговаривали. Ксюша ушла, сказавъ, что будетъ ночевать въ гостиной, взяла съ собою подушку, шубку и свѣчу. Зальць выпилъ послѣднюю, вытеръ усы и разставилъ ноги, острыми колѣнями врозь.

— Пора бы вамъ дѣйствовать, помѣщикъ, — проговорилъ онъ нагло, — пора бы вамъ дѣйствовать, а мнѣ спать.

Кровь кинулась барину въ голову.

— Хамъ!

Зальць тонко и обидно улыбнулся, не разжимая сухихъ желтыхъ губъ; черезъ разстегнутый воротъ была видна его жесткая шея и двѣ острия, обтянутыя кожей, ключицы, лоснившіяся отъ пота.

— Или я нынче получу по векселю деньги, — сказалъ онъ съ пьяной отчетливостью, — или я буду дѣйствовать такъ, какъ дѣйствуетъ Зальць. Довольно шутить. Желѣзная дорога, дрянной путь на тарантасѣ по лѣсу, эта мало комфортабельная ночевка — все это что-нибудь да стоитъ.

— Хамъ, хамъ, — повторилъ баринъ, пытаюсь сдержаться и, боясь не сдержаться, повернулся и вышелъ, хлопнувъ дверью такъ, что, казалось, по-

трясся весь домъ. Нѣсколько минутъ онъ стоялъ въ темнотѣ, пунцовый отъ обиды, скрипя зубами, потомъ его охватила пронизывающая лихорадочная свѣжесть этихъ запущенныхъ, забытыхъ комнатъ. Эти комнаты его пугали, этотъ тлѣнь, эти полы, когда-то навощенные, эти двери, когда-то увѣшанныя портъерами — мечь времени, растроченнаго попусту вмѣстѣ съ силами, молодостью и свѣжестью сердца, его ужаснула. Баринъ тайкомъ оглянулся на дверь и ощупью, въ сырой темнотѣ, сталъ пробираться въ гостиную.

II

Дверь была пріотворена, Ксюша, постеливъ платокъ на диванъ, сложивъ худыя длинныя руки на колѣняхъ, сидѣла у стола и, слегка наклонившись надъ нимъ грудью, темными глазами смотрѣла на свѣчу; гостиная была нетоплена, но хорошо защищена отъ вѣтровъ, и только изъ-подъ рамъ тянуло ранне-весеннею одурью и вѣтромъ, поднявшимся съ полей и слегка колыхавшимъ пламя свѣчи.

— Ахъ, Петръ Алексѣичъ! — какъ и давеча, воскликнула Ксюша, встала и, подѣтски всплеснувъ руками, остановилась пе-

редь нимъ, глядя на него темными глазами, боязливо ждущими радости.

Онъ тоже, какъ давеча, поцѣловаль ее въ лобъ.

— Петръ Алексѣичъ, миленькій, — прошептала она, волнуясь, хотѣла броситься ему на шею, но не посмѣла, застыдилась, опустила руки, но вдругъ обняла, вставши на цыпочкахъ и прижавшись къ нему грудью неловко, какъ подростокъ.

— Ну, вотъ ты какая, — сказала баринь, — сядемъ, нужно поговорить.

— Петръ Алексѣичъ, — ахъ, Петръ Алексѣичъ . . .

Она глянула на него сбоку, и онъ увидѣлъ ее полураскрытый ротъ и ровный рядъ мелкихъ зубовъ, наклонился и, зажмурившись, безъ страсти поцѣловаль ее въ губы, а она держала его руками за затылокъ — боялась, что онъ скоро ее отпустить.

— Ну, постой же, Ксюша, слушай меня.

— Господи, да неужто-же вы пріѣхали? Не написали ничего даже, а я дура, развѣ я умѣю васъ принять? я, дура, вамъ не могу нравиться.

— Ксюша . . .

— Я сызмала Ксюша, — смѣялась она въ радости, — а, небось, и со мной жить не хотите, и въ городъ меня съ собой не возьмете. Миленькій мой, Петръ Алексѣичъ,

вчера я у озера была, и вѣтеръ такой, страсть, и тучи все валомъ шли, а потомъ вдругъ солнышко... улыбнулось все! Такъ и подумала: скоро будетъ Петръ Алексѣичъ.

— Ксюша, давай сперва о дѣлѣ говорить. Слушай. Три года назадъ я былъ въ очень стѣсенныхъ обстоятельствахъ, нужно было внести деньги въ однѣ руки, иначе бы очень худо мнѣ пришлось. Ты знаешь, всѣ дѣла мои шли прахомъ. Мнѣ пришлось подписать вексель этому вотъ Зальцу...

— Велите, Петръ Алексѣичъ, миленькій, чтобы Алексѣй меня барыней звалъ. А то все: Ксюша, Ксюша. Какая я ему Ксюша, право.

— Ахъ, ты все объ этомъ, Ксюша, все не хочешь меня дослушать до конца, а мнѣ это какъ петля на шею. Вексель я давно просрочилъ, проценты выросли ужасные и Зальцъ жужжитъ вокругъ меня, Ксюша, какъ слѣпень, надо платить, а платить — чѣмъ же я буду платить?

Ксюша сидѣла, положила на широкую, со вздутыми венами, руку барина свою блѣдненькую руку, и тихо было ей, и смѣшно, что есть какія-то заботы на свѣтѣ, когда ей съ нимъ такъ по теплomu, такъ по настоящему хорошо.

Вашъ товарищъ мнѣ не понравился, — сказала она строго, — очень нелюбезный и

все про себя думаетъ. Мужланъ. Мнѣ, Петръ Алексѣичъ, нравятся разговорчивые мужчины, въ томъ родѣ, какъ вы.

Повернувшись одной головой, она поцѣловала его въ щеку. Баринъ разсердился, всталъ; онъ волновался, и руки его были влажны, несмотря на холодъ. Онъ сказалъ, не глядя на Ксюшу:

— Затронута моя дворянская честь, то есть то единственное, что у меня нынче осталось. Этимъ не шутятъ, Ксюша. Если я не внесу денегъ завтра же утромъ, мнѣ останется одинъ благородный ходъ — знаешь? — пуля въ сердце.

— Ахъ, какіе страхи! — засмѣялась Ксюша, глядя на него все съ тою же свѣтлой лаской. Баринъ поблѣднѣлъ, нагнулся, схватился широкими пальцами за столъ.

— Тебѣ все шутки, ты не развита, некультурна, тупа, ты мужчика, развѣ тебѣ доступно мое горе... а! Жена моя вѣнчаная! подруга! какъ могъ я, старый, облысѣвшій, промотавшійся дуракъ, чего-то ждать здѣсь, гнать сюда въ ночь, надѣяться, искать сочувствія — у кого, у кого, Ксюша? — у бабы. Да мнѣ еще сегодня утромъ нужно было пойти... уйти...

Баринъ грузно опустился въ кресло, охвативъ руками большую свою лысую голову,

и плечи его дрогнули разъ, другой; Ксюша перепугалась; сидѣла и смотрѣла на него, большого, плачущаго, на то, какъ вздрагивающая лысина его блеститъ при свѣтѣ свѣчи. Баринъ поплакалъ и пересталъ; она встала передъ нимъ на колѣни и узкой ладошкой гладила его по рукѣ, которою онъ закрывалъ лицо, по рукаву куртки, говоря грустно:

— Петръ Алексѣичъ, будетъ вамъ, Петръ Алексѣичъ, вы растравляете мое сердце до чрезвычайности. Не надо, миленькій мой, хорошенькій. Я все пойму, вотъ вамъ крестъ святой... Петръ Алексѣичъ. Кто же говорить, что я культурная, я не культурная, а тятенька всѣхъ насъ въ школу посылалъ, и я графа Салиаса читала и другія разныя книжки. Миленькій мой, простите меня, дуру.

— Ахъ, Ксюша, Ксюша, — горько промолвилъ баринъ, не отнимая отъ лица руки, — и дитя ты, и дикарь ты, и другъ. Помоги ты мнѣ въ моемъ несчастіи, только ты и можешь помочь.

— Приказывайте.

— Деньги нужны, Ксюшечка, немного, всего семьсотъ.

— Где же мнѣ ихъ взять, Петръ Алексѣичъ? У меня нѣтъ ничего, и даже знаете, Петръ Алексѣичъ, я теперь безъ лиф-

чика хожу, послѣдній сносила, какъ самая
какая-нибудь простая дѣвка.

— У отца спроси. Дастъ.

Ксюша молчала, и видно было, что перепугалась, даже въ вискахъ застучало.

— Въ послѣдній разъ, — сказалъ баринъ тихо и бѣглымъ взглядомъ посмотрѣлъ на нее.

— Къ тятенькѣ, Петръ Алексѣичъ, подступу нѣтъ, сами знаете, прѣду — собаками затравить. Грудь моя съ прошлаго разу болитъ съ евоннаго удару.

— Ксюша, какъ это ты объ отцѣ такія слова говоришь, — сказалъ баринъ, сажая ее на колѣни, цѣлуя ее въ глаза. — Что онъ у тебя, медвѣдь, крокодилъ, тигръ лютый? Человѣкъ какъ человѣкъ, да еще богатый человѣкъ. Подожди, а ты знаешь, какую я тебѣ новость привезъ? Я сказалъ себѣ, Ксюша: баста! Что это я молодую жену свою въ глуши замуровалъ? Что я, стыжусь ее, что ли? Баста, Ксюша! Поѣдемъ со мною на мою городскую квартиру, одѣнетъ тебя лучшая портниха по лучшимъ фасонамъ, приставлю къ тебѣ учителя: учиться надо будетъ, Ксюша, чтобы никто не посмѣлъ сказать, что моя жена неловкая.

— Врете все, Петръ Алексѣичъ, — проговорила Ксюша, а сама уже вся загорѣлась радостью, уже вѣрила всему, что онъ ей говорилъ.

— Ксюша, — продолжалъ баринъ, посадилъ ее въ кресло и вытянулся во весь свой долгій ростъ, — но я не могу выйти на обезпеченную дорогу, пока ты не достанешь этихъ трижды проклятыхъ денегъ! Вѣрь каждому моему слову и каждое слово мое запомни: если утормъ, къ одиннадцати часамъ, не будетъ денегъ — ты видишь эту штуку?

Онъ вынулъ изъ бокового кармана куртки браунингъ и бросилъ его на столъ, на раскрытую книгу; лицо его покрылось яркими малиновыми пятнами, и она видѣла, какъ дрожали его колѣни.

— У тебя вотъ здѣсь въ кресло сяду, часы на столъ положу, и если до одиннадцати не вернешься — ищи тогда мужа, и пусть ищетъ тогда Зальцъ должника, пусть ищетъ онъ, гадина, гадина, хамъ! — закричалъ баринъ во всю ширину своихъ легкихъ, наполнивъ гуломъ гостиную и долгиа пустыя комнаты, сдѣлалъ два шага и затопалъ ногами. — Стиснули, сдавили какъ мальчишку, такъ я-жъ не поз-во-лю, я-жъ не поз-волю!..

Нагнувшись къ Ксюшѣ, онъ уже шепталъ теперь, брызжа слюной, и странно бѣлые на лицѣ, набухшемъ кровью, глаза его глядѣли съ бѣшенствомъ, кипящимъ какъ смола. Ксюша посмотрѣла ему прямо въ эти огнен-

ные глаза, задрожала и упала головой на столъ, вытянувъ бьющіяся руки; плакала она тихо, беззвучно, глотая слезы, и только слышно было, какъ дышитъ баринъ и какъ ходитъ онъ грузно, точно гантели носить. „Уфъ“ — сдѣлалъ онъ наконецъ, подошелъ и поцѣловалъ Ксюшу въ затылокъ; снаружи началъ накрапывать весенній ночной дождь, дождь передъ теплымъ разсвѣтомъ, когда солнце идетъ по верху, за грязными, какъ хлопъкъ, тучами, а уже знаешь, что путь его весенній, и все будетъ хорошо, все будетъ хорошо.

III

Слава Богу, мужикъ попался молчаливый, а то бы просто бѣда, просто хоть бы и не ѣхать, право. Утро встало въ туманѣ, надъ озеромъ лежала бѣловатая синь, надъ полянами, на озерѣ, тихо рѣяли вороны. Дороги по веснѣ были вязкія, тяжелыя, поэтому три версты ѣхали цѣлый часъ. Ни о чемъ Ксюша не думала, все куталась въ шубу съ воротникомъ подъ боберъ и глядѣла, какъ качается передъ нею мокрая кацавейка мужика на козлахъ, то вправо, то влево. Но уже у околицы сердце защемиль страхъ. Вонъ и лавка, а въ верхнемъ этажѣ, деревянномъ.

и она въ тятенькиной семьѣ въ прошломъ году жила.

Не доѣзжая до лавки Ксюша остановила мужика, приказала ему ждать и сунула деньги на всякій случай; мужикъ разстегнулъ кафавейку, пошарилъ на груди и, вытащивъ гайтанъ на тесемкѣ, спряталъ деньги.

Въ лавкѣ сухопарый мужикъ въ плисовыхъ штанахъ и полушубкѣ ощупывалъ хомуты, висѣвшіе на гвоздяхъ, и румяный приказчикъ, всегда развеселый, отъ нечего дѣлать снималъ съ полокъ коробки и снова ставилъ ихъ назадъ.

— Здрасте, Иванъ Порфирычъ, а тятеньки нѣту здѣсь? — спросила Ксюша тоненько.

— А, барыня! — закричалъ сухопарый такъ, будто на колокольнѣ стоялъ, и захохоталъ, прищелкнувъ языкомъ.

— Съ приѣздомъ васъ, — поклонился приказчикъ, ну, совсѣмъ дамскій кавалеръ, — тятенька въ амбарѣ будутъ.

Боясь, какъ бы съ ней не стали разговаривать, Ксюша прошла внутрь лавки и въ сѣнцахъ встрѣтила Лизутку, сестру, обрадовалась ей, спросила: не сердить ли? и велѣла итти впередъ, сказать, что Ксюша приѣхала. Во дворѣ, поверхъ стаявшаго снѣга, была накинута солома, кованая дверь амбара была растворена на половину и видно было,

что въ амбарѣ горитъ свѣча. Сердце у Ксюши заколотилось шибко-шибко, какъ птица полетѣло, и отъ этого заняло духъ; видѣла, какъ шмыгнула въ дверь Лизутка, и вдругъ услышала голосъ тятеньки:

— Чего жъ нейдетъ?

— Заробѣла.

— Чего жъ ей робѣть?

— А я знаю?

Замолчали; сдвигали въ амбарѣ тяжелый ящикъ, и вдругъ уронили, загрохотали жестянные коробки, и натуженный голосъ сказалъ со злостью: „а, возьми ты дьяволь!“ И потомъ долго стукали коробками, устанавливая на прежнее мѣсто. Лизутка вышла изъ амбара, поправила гребень на желтыхъ волосахъ и кивнула головой: ступай, мошь. Наклонивъ голову и поджавъ губы, Ксюша вошла въ амбаръ; отецъ сидѣлъ спиной къ ней и провѣрялъ по списку ящики, отмѣчая номера, которые выкликалъ работникъ, идя вдоль стѣны, заставленной товаромъ. Ксюша постояла, двинула правымъ плечомъ и проговорила робко:

— Здравствуй, тятенька.

— Здорова будь, — отвѣтилъ отецъ не оборачиваясь и, послунивъ номеръ, перевернулъ страницу тетрадки; записавъ, онъ всякій разъ сгребалъ въ горсть жесткую свою косматую бороду; потомъ обернулся, хитро

прищурилъ тяжелый карій глазъ и спросилъ со смѣшкомъ:

— Что, барыня, рано наѣхала, ай баринъ пожаловалъ?

Ксюша молчала, потупясь, глядя на шевровые ботинки свои въ блестящихъ, умытыхъ утромъ, калошахъ. Всегда такъ начиналъ тятенька.

— Угадать не хитрое дѣло, пято-десято. Рада, чай? Одной-то и у каши не споро, куды-жь жанъ безъ мужа жить! Чай, грацкими гостинцами подарилъ барыню-то свою?

— Карамелей царскихъ пять двухфунтовыхъ, — сказалъ работникъ. Отецъ записалъ. — Щиколату полъ ящика. — Отецъ записалъ, сгрѣбъ бороду въ горсть и снова скосилъ карій тяжелый глазъ.

— Зачѣмъ пріѣхала-то, сказывай, мнѣ и безъ тебя тутъ дѣловъ за семь день не обдѣлать. Небось, и къ маткѣ не зашла, такъ напрямки къ отцу за дѣлами, пято-десято, развѣ это мысленно? Вы, ученяя разученяя, стыдить тебя некому. Сказывай, каки таки дѣла.

— Тятенька, отецъ родной, — начала Ксюша, чувствуя, что несется куда-то быстро-быстро, такъ что въ глазахъ одинъ сверкъ стоитъ, да въ ушахъ тоненько посвистываетъ, — всю жизнь мы вамъ, тятенька, благодарны за вашу родительскую ласку и за вашу

родительскую милость... Коль о насъ вы попеченіе, тятенька, имѣли, тятенька, какъ будетъ милость ваша, не оставьте въ затрудненіи.

— Нечего воду толочь, говори кразу. Денегъ просишь — не дамъ.

— Печеньевъ Абрикосова двадцать фунтовыхъ и десять двухфунтовыхъ первый сортъ, — говорилъ работникъ, идя вдоль стѣны и тыча въ ярлыки пальцемъ, а отецъ записывалъ, прислуживалъ пальцы и, откидывая голову, оглядывалъ Ксюшу со смѣшкомъ. Ксюша подняла глаза, взглянула растерянно, будто кошка, въ которую сорванецъ кирпичемъ пустилъ, и упала на колѣни; хотѣла рукой до отцова колѣна дотронуться, но не посмѣла, да и отецъ ли это сидѣлъ... и будто ужъ не отецъ сидѣлъ — такъ, чужой мужикъ, грубіянь.

— Одолжите, тятенька, семьсотъ рублей, — проговорила она враждебно, глядя на него почти съ озлобленіемъ. — Очень намъ непоправимо нужно, потому какъ Петръ Алексѣичъ могутъ себя жизни рѣшить... оружіе вынули, пугаютъ, и глаза у нихъ, тятенька бѣлые.

И заплакала вдругъ, поднеся руки къ мокрымъ щекамъ, зная, что одна здѣсь среди мужицкой грубости и темноты, а никто ея,

бѣдной, не пожалѣть. Отецъ пересталъ считать, отложилъ тетрадку, весело глянулъ на работника и засмѣялся беззвучно, однимъ духомъ, а въ глазахъ, въ лицѣ уже проскочила темная тѣнь, пугающая.

— Семьсотъ? Ахъ ты, будь ты неладень, что за деньги семьсотъ! Къ Покрову тыщу, къ святому Крещенью тыщу, нынче семьсотъ. Слышишь, Евстигнѣй? Деликатные стали, интеллигентно говорятъ. Ахъ, лядъ те въ спину, хорошъ зятекъ, самъ въ городу, жену, крестьянку, въ нетопленномъ дому безперечь цѣлый годъ держить. Запутался, сукинъ сынъ, мужчицкой дочерью не побрезговаль, мужчицкихъ грошей попросиль. Семьсотъ, говоришь, доченька? Бѣдень бѣсь, да жадень, эка, какія загибы пошелъ загибать. А забыла, доченька, что я за тобой шлендрѣ этой о прошломъ году далъ, а? Перинь, платьевъ, полушалковъ, бѣлья цѣльный складень, Божье благословеніе серебряное, Божье благословеніе аплике, пятодесято, денегъ на руки тыщу, все моимъ горбомъ мужчицкимъ выколотиль, не на дворѣ подобраль. Чего передо мной, какъ идоль, стоишь? Тѣфу, мразь, и законный твой мразь, баринъ безъ портковъ къ мужику на гумно стрѣляетъ. Пошла къ чорту подъ хвостъ, покуда не пришибь! — закричалъ онъ, вставая, и тетрадку свою въ уголь кинулъ.

— Тятенька . . . — сказала Ксюша.

— Не мути моей души, эй, Ксюша, не вводи въ грѣхъ, аль крещенскій урокъ изъ памяти выпаль?

— Не уйду отсюда, — вдругъ завизжала Ксюша, вставая, закрывъ глаза и подперевъ бока кулаками, — бей меня, тятя, волосы мои трепли, не уйду одсюда, пока не дашь. Куда я пойду теперь, бѣдная? Жизни ты моей не жалѣешь. Что ты въ дворянской жизни, мужикъ, можешь понимать? На мужичьемъ потѣ брюхо свое отростиль, изъ мужика послѣднюю жилу вытащиль, кулакъ проклятый! Не уйду отсюда, пока не дашь, бей меня до смерти!

— Поговори, Аксинья! — выдохнулъ мужикъ, надвинулся, страшный, и кулакомъ толкнулъ ее въ плечо. Присѣдая къ землѣ, Ксюша, голоса, подбѣжала къ двери, выбѣжала во дворъ и сѣла на мокрую солому; изъ лавки открылась дверь, выглянулъ любопытно приказчикъ Иванъ Порфирычъ, покачалъ головой и спрятался, Лизутка стояла надъ Ксюшей и грызла стеклышко на перетенькѣ, а въ амбарѣ бушевалъ тятенька, крича срамныя слова, и въ тѣсныхъ стѣнахъ голосъ его бухаль, какъ пушка.

— Куды я поѣду теперь? — выла Ксюша, какъ причитальщица надъ могилой зазнобы, — какъ въ глазенки его гляну, и нѣтъ мнѣ

теперь покоя, благородное слово... — и вдругъ взвизгнула пронзительно, — застрѣлится, голубчикъ. Застрѣлится Петръ Алексѣичъ, приметъ грѣхъ. На тебѣ его грѣхъ, тятенька...

Съ неба крапало мокрое: не то снѣгъ, не то первый дождь, душистый, слезы тающихъ зимнихъ тучъ. Волчокъ, прижимая брюхо къ землѣ, подлѣзъ подъ ворота, умно поглядѣлъ на Ксюшу, потомъ на амбаръ, но не подошелъ изъ деликатности. Отецъ въ амбарѣ затихъ; потомъ позвалъ:

— Лизутка!

Лизутка, оробѣвъ, вошла.

— Поди-ка, дѣвка, со мной.

Онъ всталъ и, не глядя на Ксюшу, пошелъ въ домъ, Лизутка за нимъ; дома гаркнулъ на матку, недужную, полусонную, лежащую за пологомъ, ушелъ въ угловую горницу и долго былъ тамъ. Потомъ вышелъ въ сѣни, поманилъ Лизутку и протянулъ деньги въ платкѣ.

— Поди, дай дурѣ, да скажи, что не отецъ, matka дала. И что, пято-десято, въ послѣдній разъ.

И когда Лизутка единымъ духомъ уже внизу лѣстницы была, крикнулъ въ догонку:

— Пушай на глаза мои не попадается, стерва, пушай къ шлындрѣ, сука, ѣдетъ! дура!

VI

Отъ станціи до больницы тянулись бурые, смякшіе телефонные столбы, и по тонкой проволкѣ, гонимыя вѣтромъ и уклономъ, бѣжали дождевыя капли — то бѣгутъ, бѣгутъ, то остановятся. Вѣтеръ потягиваль низовой, напившійся снѣжной влаги и перваго дыханія наполовину проснувшейся земли. Надъ озеромъ разошлась бѣловатая синь, виденъ былъ ледъ, хрупкій, сизый: немножко бы солнца, и сломается.

Мужикъ раздавилъ на селѣ мерзавчика и языкъ у него сталь веселый.

— Жисть твоя, баба, — тѣфу, — сказалъ онъ, обернувъ къ Ксюшѣ свое подобрѣвшее лицо. — Знамо, и ты дура. Неча тому Богу молиться, который не милуетъ.

А Ксюша была, какъ сонная. Глядѣла, какъ капли бѣгутъ по проволкѣ, и думала, что уѣдетъ въ городъ. Сердце замирало: какъ это она съ барынями въ знакомство войдетъ, поглядѣла на мужика и обиженно поджала губы:

Справа, въ рошѣ, между березами еще лежалъ снѣгъ, и прыгали на кочкахъ, подымая хвосты, зимнія птицы, которымъ все равно было, что снѣгъ, что солнце, зима или лѣто, и только однѣ онѣ, бѣдныя, не слышали, что просыпается жизнь. Колеса глубоко вонзались въ колеи, полныя воды, кузовъ тарантаса покачивало. Скоро виденъ сталъ домъ, верхи бѣлыхъ, со слѣзшей краской, колоннъ и разбитое стекло на чердачномъ оконцѣ, мутнѣвшее молочнымъ цвѣтомъ, какъ цвѣтъ неба.

Баринъ расхаживалъ по комнатамъ, похлопывая по карманамъ кожаной куртки, изрѣдка проводилъ ладонью по щекамъ, противъ волоса, и выглядывалъ во дворъ, смотрѣлъ на лужу у воротъ, на сникшія ворота, и томился. Зальцъ сидѣлъ въ комнатѣ Ксюши, покуривалъ, воздухъ тамъ былъ тяжелъ, туманенъ. Когда тарантасъ, переваливаясь съ боку на бокъ, подѣхалъ къ воротамъ, баринъ затрясъ головой, похлопалъ себя ладонью по сердцу и побѣжалъ къ лѣстницѣ. Ксюша, подбирая юбки, слѣзла и, выбирая гдѣ сухо, показывая крѣпкія сильныя икры, пошла къ крыльцу, улыбаясь себѣ и тому, что все слава Богу.

— Ксюша, какъ? — закричалъ баринъ очень похоже на фаготъ, чувствуя, что эта минута — или спасеть, или погубить.

— Устала я, Петръ Алексѣичъ, ужасно, — пискнула Ксюша, лукаво глядя ему въ переносицу. И онъ понялъ, что все слава Богу, ударилъ въ ладоши, повернулся на каблукахъ и, дѣлая аршинные шаги, кинулся вверхъ по лѣстницѣ. Въ залѣ полъ застоналъ подъ его торопливыми шагами.

— Зальцъ! — вскричалъ онъ, врываясь въ комнату. — Зальцъ, я даю вамъ ваши жалкія деньги, я швыряю ихъ вамъ въ лицо, а? Вы гнусно, отвратительно оскорбляли меня на каждомъ шагу, вы, не довѣряя мнѣ, дворянину, какъ сыщикъ поѣхали со мной въ эту проклятую дыру — и вотъ я плюю вамъ въ глаза съ превеликимъ наслажденіемъ! Или нѣтъ. . . я спокойно, съ достоинствомъ отдаю ихъ вамъ въ руки. Я умѣю держать слово, мы квиты.

— Тѣмъ лучше для васъ, — отвѣтилъ Зальцъ, перекидывая ногу на ногу, притушилъ папиросу о спинку стула и бросилъ окурокъ въ уголъ.

Баринъ сказалъ: „ага“ и бросился назадъ, въ залѣ онъ наткнулся на Ксюшу.

— Ксюша, ангель, — сказалъ онъ ей, — ты меня выручила изъ бѣды. Ишь, какъ щеки раскраснѣлись на холоду! Ну, гдѣ-же

они, надо заткнуть ротъ этому мерзавцу. А какъ твой фатеръ? Свирѣпъ? Я же говорилъ тебѣ, что дасть.

— Только, Петръ Алексѣичъ, это уже въ самый распослѣдній разъ, больше, хоть убейте, не поѣду. Такія униженія...

— Ну, конечно же, въ послѣдній, какія могутъ быть разговоры, — говорилъ баринъ, беря деньги и пересчитывая ихъ. — Ровно семьсотъ. Благодарю! Ничтожная сумма, а сколько шума.

Ксюша придвинулась къ нему, тѣсно прижалась.

— Петръ Алексѣичъ...

— Да, да, ангель мой.

Она обняла его за шею, прижалась къ нему грубовато, но зная, что имѣетъ право на это, и отъ мокрой шубки ея куртка барина тоже стала мокрая.

— Въ городъ-то нынче поѣдемъ?

— Да, конечно, нынче, — сказалъ онъ, взглянулъ на Ксюшу и вдругъ вспомнилъ, что обѣщаль. — Я, Ксюша, въ двѣнадцать уже уѣду, сперва одинъ, надо квартиру подыскать, дѣла привести въ порядокъ, потомъ, знаешь, тебѣ нужно тутъ кое-что уложить.

Развѣ ты мнѣ не вѣришь, Ксюша? Зачѣмъ ты такъ на меня смотришь? Значить, не вѣришь. Честное слово, я на этой же недѣлѣ приѣду за тобой.

Онъ зналъ, что она уже сдается, вѣрить, и поцѣловалъ ее въ лобъ, говоря:

— Разсуди сама: развѣ за одинъ часъ можно успѣть собраться? Я живу въ гостиницѣ, по холостецки, у меня ни прислуги, ни комфорта, ни уюта...

— Съ благородными женщинами путаетесь, женинъ мужъ.

— И ни съ кѣмъ я, Ксюша, не путаюсь. Это твой отецъ со зла говоритъ. Я тебѣ учителя еще долженъ найти, а то вотъ скажешь такъ: съ благородными женщинами. Что это за благородныя женщины! Тебѣ нужно больше читать.

— И такъ ужъ цѣльный день за книгой сижу, — сказала она безнадежно, — вотъ сейчасъ тоже читаю... эту... про кабардинцевъ.

Онъ поцѣловалъ ее въ лобъ. Тотчасъ же баринъ и Зальцъ собрались уѣзжать; пока они садились въ тарантасъ, Ксюша стояла на крыльцѣ, глядѣла на сіяющее лицо

барина и думала, что вотъ какъ только уѣдетъ, начнетъ укладывать сундукъ, хлопотъ-то будетъ, возни, а ночью, какъ подумаетъ о городѣ — и страшно, и сладко вмѣстѣ съ тѣмъ. И знала, что вовсе она не такая, какую видятъ всѣ: неловкая, застѣнчивая, а что много думаетъ, многое понимаетъ, и въ душѣ словно кладъ лежитъ: мечты свѣтлыя и ясныя, умоляющія о нѣжной жизни.

Тарантасъ двинулся, завязая въ колеяхъ, баринъ закивалъ головой, Алексѣй снялъ шапку и задвинулъ на воротахъ засовъ, утеръ носъ рукавомъ и пошелъ къ крыльцу.

— То-то, Ксюша, — сказалъ онъ строго, проходя.

— Никакая я вамъ не Ксюша, сколько разъ вамъ надо это сказывать. Покину васъ въ понедѣльникъ съ радостью превеликой.

Она пошла въ домъ, подумала, что надо въ кладовую пойти, но не знала, за что приняться сразу, накинула на плечи полушалокъ, вышла во дворъ, потомъ къ озеру. Надъ озеромъ шли бородатыя легкія тучи, безъ шума и безъ гнѣва гнались одна за другой, „э-эхъ“! — тянулъ вдалькѣ мужской молодой голосъ весело, раздольно, со смутнымъ желаніемъ, и весна, играючись, бѣгала

въ березахъ, точно играла въ хоронки. Ксюша ходила по берегу, знала, что какой-то кладъ носить въ себѣ. А въ лѣсу похрустывали сучья. „Жить — любить“, — говорили они, — „жить-любить“.

СЕСТРЪ ЖЕНЮРКЪ

П Е Р В О Ц В Ъ Т Ъ

I

Какъ завернете отъ кузницы къ городьбѣ, увидите свѣже-струганный заборъ и за нимъ пышныя кудри цвѣтущихъ яблонь—вотъ это и будетъ телѣгинскій садъ; за нимъ одноэтажный длинный домъ съ радушнымъ крыльцомъ, съ радушными окнами, въ которыхъ нѣтъ-нѣтъ да и мелькнетъ бѣлое, красной ягодой, платье Леночки, а дальше службы, птичій дворъ, скотный дворъ и конюшни, гдѣ Никита, пощипывая молодой усь, рассказываетъ донской будылястой кобылѣ о томъ, какая скоро у него будетъ домовитая баба, какое хозяйство и какой достатокъ во всемъ. Годъ, цѣлый годъ не быть здѣсь! Я проснулся рано, пощурился на солнце и, со сладкой лѣнью заломивъ руки, потянулся по студенчески: баста, милые, гимназія позади.

Постучала Леночка.

— Да, да!

— Можно? — спросила она; дверь заблеяла, поплыла на петляхъ, и въ щель про-

уснула Леночкина головка; волосы, чернымъ-черные, какъ черноземъ на дождѣ, перехвачены лентой, глаза ясные, чуть-чуть строгіе, какъ у богомолокъ, и на лицѣ такая же внимательная и строгая ясность.

— Можно, можно . . .

Господи, да она вся зацѣлована солнцемъ, отъ нея пахнетъ яблочнымъ цвѣтомъ—знаете, если набрать полныя горсти и спрятать въ нихъ лицо — и сдобными булочками, и дѣвичьей ровностью души, еще ничѣмъ не замутненной.

— Пора вставать, мама уже за самоваромъ.

— Лена,—сказалъ я, чтобы удержать ее,
— Лена!

— Что?

— Вѣдь солнце?

— И вчера было солнце, и завтра будетъ. Пора вставать.

— Лена . . .

— По-ра вста-вать.

Только ушла, я сбросилъ одѣяло, спустилъ ноги и долго смотрѣлъ въ окно, туда, гдѣ все было розово-бѣло, пушисто, воздушно, какъ сбитыя сливки, подкрашенные сиропомъ, и солнце купалось въ этихъ цвѣтущихъ охапкахъ, ныряло, ластилось. Я пофыркалъ у рукомойничка съ визжащимъ мѣднымъ стерженькомъ, надѣлъ китель и пошелъ на тер-

расу. Аделаида Николаевна въ капотъ, такомъ широко, что, ей-Богу, въ немъ могло помѣститься три Аделаиды Николаевны, съ пышной прической, повисшей надъ серьгами ея, какъ дымъ, сидѣла у толстеннаго, начищеннаго до яростнаго блеска самовара и остывала ото сна; въ складкахъ ея хорошаго подбородка, какъ всегда, покоилось добродушіе, которое ничѣмъ не возмутишь.

— Какъ спали? — спросила она у меня, зашибая мнѣ губы своей вѣской рукою въ то время, какъ я склонялся надъ ней. — Я спала скверно, сперва брехалъ Пицъ — на кого бы ему брехать? — а послѣ . . . да, не забыть, какъ отчество дѣдушки-то вашего? И снилась мнѣ какая-то городьба и на ней бѣлье для просушки.

Она говорила, ловя за хвостъ сразу десятокъ мыслей и не схватывая ни одной изъ нихъ, но ей можно было не отвѣчать, потому что она слушала лишь то, что сама говорила.

— У насъ новость, — сказала Лена, отгоняя рукой мухъ отъ сахарницы; солнце блеснуло въ ея выпуклыхъ ноготкахъ, ярко отполированныхъ.

— Кучеръ Никита на Машѣ женится — знаете? старосты дочь. Вчера посватали.

— А, Никита! Добрый хлопецъ.

— Добрый-то добрый, — вставила Аделаида Николаевна, — а какъ женится, такъ вожжами жену начнетъ хлестать. Всѣ они до свадьбы добрые. Помню, въ прошломъ году на свадьбѣ у Дмитрія Левонтьича . . . да, Лена, не забыть, вели предупредить Дмитрія Левонтьича, что въ нынѣшнемъ году только липовый медъ будемъ брать, все равно цвѣточнаго никто не кушаетъ. Давно говорю, что свой пчельникъ нужно завести...

Все въ этомъ домѣ шло размѣренной поступью, слегка въ развалку, слегка съ лѣнцой, но домовито и покойно: на кухнѣ стучали ножи, визжала мясорубка, кухарка ругая ругала кого полагается; на птичьемъ дворѣ пѣтухи раздирали другъ-другу въ кровь жирные, малиновые гребни; въ каретникѣ Никита мыль мокрою тряпкою тарантась и линейку, сіявшіе и безъ того, какъ солнце, потому что рѣдко случалось выѣзжать; на огородѣ вдоль грядъ, показывая мускулистые ноги выше колѣнъ, работали полотьщицы. Аделаида Николаевна любила правильную жизнь: вставала всегда въ одинъ часъ, пила чай крѣпчайшій, потомъ съ распушеннымъ бѣлымъ зонтикомъ обходила усадьбу, потомъ, надѣвъ очки, шлепала толстыми пальцами по клавишамъ, подбородокъ ея трясся, и рожь выпѣваль съ усердною

натугой нѣчто, напоминавшее ей любимаго Шопена. Послѣ обѣда, качаясь въ гамакѣ, весьма надежно укрѣпленномъ, она слѣдила за литературою, высмѣивая новшества иногда очень безпощадно. Къ вечеру она уставала, ей хотѣлось браниться, но такъ, чтобы, побранившись, простить, глядѣла нѣсколько минутъ на кивотъ Скорбящей и ложилась на перины, задернувшись кисейнымъ пологомъ отъ мухъ и солнца.

А мы бродили съ Леночкой по рощамъ, по деревнѣ, заходили на стройку церкви или сидѣли въ лугахъ, цвѣтущихъ дикимъ клеверомъ и желтоголовыми лютиками. Бывало, по проселку озорной вѣтеръ вдругъ подыметъ пыльный смерчъ и далеко несетъ его, кружа какъ въ танцѣ, а мы глядимъ — и счастливы; или на рѣкѣ, идущей тихо, что старость, но играющей, что юность, яркими гривенниками солнечной ряби, вдругъ выкинется плотвица, сверкнувъ чешуей, и скроется, и круги побѣгутъ вокругъ — а мы счастливы. Солнце, по маю, было еще нѣжное, непроворныя и зыбкія облака стеклянѣли у горизонта, будто прилипнувъ къ голубому дну голубого и нѣжнаго неба. Я цѣловалъ Леночкины руки, уже успѣвшія загорѣть до локтей, и ея теплыми ладошками, пахнущими травой, грѣлъ свои щеки, свои глаза, свой лобъ.

II

Днемъ, до обѣда, когда Аделаида Николаевна гудѣла басами, налегая на лѣвую педаль, и думала, что это Шопень, а я читалъ Леночкѣ на балконѣ вялые эпизоды новаго вялаго романа, прибѣжала запыхавшаяся Дарья съ обстреканными крапивою ногами, съ развившейся, разметавшейся по спинѣ косой, поглядѣла на насъ бѣлыми глазами и сказала, еле передохнувъ, что старостину Машу зашибло на стройкѣ на смерть. Леночка вскрикнула, побѣлѣла и, вдругъ, закусила губы, глядя на меня съ ужасомъ, и только слышно было, какъ въ гостиной гудятъ басы. Я схватился за фуражку.

— Ахъ, какой ужасъ! — прошептала, наконецъ, Леночка, едва двигая побѣлѣвшими губами. — Когда? Идемъ же, Саша... Мама, перестань играть!

— Пошла это на стройку, — захлебываясь, рассказывала Дарья, подымая подбородокъ и утирая слюнявые губы, которыя блестѣли, — думала, что на стройкѣ отецъ, а за отцомъ изъ волостного писаря послалъ, Маша и побѣгла отца искать. А край лѣса-то и обвалился, да бревномъ ей въ грудь. Что дыму, что пыли! Лежить ни жива, ни мертва черная, ноги раскорячила, и крови нѣтъ, а

народу-то, народу... За фершаломъ побѣгли.

— Боже мой, горе какое. И Никита знаетъ?

— Никита на выгонъ за лошадыми пошелъ.

Изъ гостиной вышла Аделаида Николаевна, сдѣлала богобоязненное лицо и покачала головою, причемъ серьги ея затрясли рубиновыми подвѣсками. Леночка взяла книгу, положила на столъ, снова взяла, и тонкіе пальчики ея, сжимавшіе переплетъ, были жалкіе-жалкіе.

— Я не пойду съ тобой, — сказала она, — я не могу... иди одинъ. Да посмотри, можетъ быть, жива еще... И пошла мимо матери въ гостиную, тонкія плечики ея всколыхнулись — вѣроятно, заплакала — сначала шла медленно, потомъ все скорѣй, скорѣй и, наконецъ, побѣжала, скрылась въ комнатахъ; Аделаида Николаевна, все такъ же покачивая сережками, пошла за нею.

Я побѣжалъ съ Дарьей къ стройкѣ. Издали, какъ повернешь отъ часовенки, что на проселкѣ, уже всплываетъ надъ деревенскими садами недостроенная колокольня, опутанная лѣсами какъ паутиною, медленно, изо дня-въ-день, растущая подъ солнцемъ, подъ благоуханными майскими дождями, какъ исполинскій грибъ. По деревнѣ кучками бѣжалъ народъ къ церкви, болѣе степенные шли, говоря промежъ себя со сдержанной страстью,

у калитокъ стояли дѣвченки, старухи, которымъ нельзя было отойти отъ хозяйства, и съ нетерпѣливой досадою тетешкали младенцевъ; стреноженная лошадь, скакавшая отъ околицы, чутко подымала уши и глядѣла косо, умно.

Возлѣ самой колокольни крѣпко сбитой кучей стоялъ народъ, гулъ сдержанныхъ голосовъ подымался надъ нимъ, будто гудѣли слѣпни; надъ рухнувшими лѣсами еще вилась, какъ дымъ, тонкая известковая пыль. Кучерявый мужиченка, сутулый, съ бородою какъ у Донъ-Кихота, придававшей его вытянутому лицу выраженіе обиженное, но терпѣливое, показывалъ вверхъ всѣми пальцами и рассказывалъ убѣдительнымъ голосомъ, а толпа слушала:

— Сижу на дворѣ, зубья для бороны стругаю, слышу, какъ загудитъ, будто громъ. Глянулъ на церкву — пыль столбомъ. Я за ворота. Тутъ народъ побѣгъ, а Евтевна съ щавелью шла, бросила щавель и ударила въ голось: старостину Машу зашибло на смерть.

— Вѣтромъ, што-ль, сдуло, али такъ, попущеніе? Этакой городьбѣ ухнуть!

— Вѣтромъ ли, Господнимъ ли соизволеніемъ, а вотъ сдуло. Еще милостивъ Господь, что въ обѣдъ — артель харчиться ушла, а

то перекалѣчило бы, надо думать, народу, мое почтеніе.

— На смерть ее?

— А ты глядѣль! Эка, черная лежитъ...

Я протискался сквозь толпу, напирая плечомъ, работая локтями, никто и не обернулся на меня. У рухнувшихъ лѣсовъ, отбросивъ одну руку, другую, со ссаженнымъ локтемъ, подогнувъ подъ себя, съ бѣло-синимъ, но не искаженнымъ лицомъ лежала дѣвушка, спокойная, и только у глазъ, полураскрытыхъ и, словно бы играючись, сощуренныхъ, пряталась складка давно остывшей смертной боли. Было въ застывшей позѣ ея нѣчто лѣнивое, тупое. Два парня, покрытые известью, какъ мукой, сгребали въ сторону стружки, щепы, грудки застывшей извести.

Въ толпѣ говорили:

— Экъ огрѣло, что свекровь ухватомъ. И ни кровики, самое послѣднее дѣло.

— Не трожь, малый, ее, покеда начальство не запротоколитъ.

Бабы выли легонько, для приличія; я хотѣлъ подойти ближе — не допустили; „это смерть,“ — тупо подумалъ я, глядя на мертвенный цвѣтъ ея лица, цвѣтъ легкаго синяка, когда зашибешь колѣно, на глаза подъ

сощуренными вѣками, глядѣвшими каменно и какъ-будто чуть-чуть хитро: знаемъ, моль, васъ, толкуйте! Какъ-будто облако, невидимое никѣмъ, стояло надъ нею, она подняла бы голову, расправила бы смятыя плечи, но облако давило, налегало, плотное, не давало встать. „Это смерть.“

— Никита идетъ.

Толпа обернулась на эти слова, сказанные напуганнымъ шопоткомъ, обернулась, глядя любопытно и молчаливо. Никита шель по лугу въ новенькомъ, съ воскресной ярмарки, картузѣ, тяжело ставя грузныя ноги въ сапогахъ, тоже новыхъ, гармоникой, въ складкахъ которыхъ сѣрѣла пыль, и, прищурясь, упрямо глядѣлъ передъ собою, сжавъ и съ неловкимъ какимъ-то вывертомъ пригнувъ къ бокамъ кулаки, поросшіе длиннымъ волосомъ. Былъ онъ огроменъ, лубочно красивъ и настороженъ, насыщенъ жалящей, злой кручиной, и чудилось, что вотъ подойдетъ, занесетъ руку размашисто — и ударитъ перваго, кто ему не любъ. Онъ наступилъ на осколокъ кирпича, и слышно было, какъ кирпичъ скрипнулъ, рассыпался подъ его ногой. Передніе стали пятиться, толкая заднихъ локтями, толпа подалась, осѣла, узкая дорожка опросталась въ ней, и въ концѣ ея Никита увидѣлъ Машу, ея смятыя плечи и безстрастное лицо, повернутое къ нему навстрѣчу;

онъ не поднялъ головы, ни одинъ мускуль не заигралъ на его крѣпкомъ, скуластомъ лицѣ — все шель такъ же, какъ давеча, тяжело ставя плохо гнущіяся въ колѣняхъ ноги, и такъ же грузно падали его шаги, будто молотъ падалъ на землю, и земля стонала подъ нимъ. И когда вошелъ въ толпу, толпа сомкнулась сзади, надвинулась, надавалась безъ шума, безъ голосовъ.

У трупa Маши Никита остановился, поглядѣлъ ей въ лицо и, тихо поднявъ руку, снялъ картузь; глядѣлъ на нее, не нагибаясь, не сдвигая бровей, только медленно переложилъ картузь съ правой руки въ лѣвую, потомъ опять — изъ лѣвой въ правую. И Маша, мертвая, глядѣла на него встрѣчно, будто съ хитринкой, по мертвому каменной: не знобись, моль, Никита, что тебѣ во мнѣ! На лужкѣ ребята гоняли чижа, визжали, ссорились, бѣгали на перегонки. И было слышно, какъ дышетъ толпа — душно, какъ въ церкви, въ святую заутреню.

— А, мать честная! — не выдержалъ въ толпѣ мужикъ, тотъ, что наемдни рассказы-валъ, и хлопнулъ себя по бедрамъ въ сердцахъ, — строятъ туды-жь, душу ихъ такъ растакъ! За лѣсами углядѣть не могъ, аль артельщикъ, глумной, въ острогъ захотѣлъ?

Подавай артельщика на отвѣтъ, будь онъ, анаема, неладень!

Никита обернулся, не торопясь, поднялъ на мужика сумрачный взоръ, улыбнулся криво, открывъ край ряда крупныхъ блестящихъ зубовъ.

— Не надо, отецъ, — сказалъ онъ хриловато. — Брось.

Повернулся и пошелъ прямо на толпу, которая сызнова раздвинулась послушно, открыла чистое русло передъ нимъ. Никита шелъ по дорогѣ, вздымая сапогами пыль, неся въ рукахъ картузь, вѣтеръ набѣгалъ на него сбоку и трепалъ его волосы, аккуратно срѣзанные на затылкѣ въ скобку: каждое утро, надо думать, намурлыкивая душевное, подчесывалъ ихъ и думалъ о томъ, какъ заведутъ на клиросѣ, загнутыя, голубчики, ликующаго Исаю. Въ ту же пору со стороны волостного, красный отъ старческаго бѣга, выбѣжалъ староста, борода его разошлась по вѣтру, бѣлая. Никита не оглянулся, не остановился — шелъ дальше, къ полю, гдѣ, ровно бархатъ, выгнулись полосы щедрой молодой ржи и гдѣ солнце, раздернувъ занавѣски облаковъ, безпечально и весело любило землю, рожь, людей, смерть. Что солнцу?...

III

Въ тѣхъ краяхъ со временъ дѣдовыхъ цвѣло довольство, и рѣдкій мужикъ зналъ нужду; земля давала обильно, сады беременѣли плодами, кормилъ лѣнивый, нерасторопный трудъ. Осерчаетъ ли Господь засухой, попь надѣнетъ ризы, раздуетъ кадила, вынесутъ изъ прохладной церкви хоругви, сторожа, поплевавъ на мозолистыя руки, обдернувъ рубахи, схватятся за веревки колокольныя, валомъ повалить народъ — версть пятнадцать по жарещѣ полями пройдетъ — глядишь, и заплачетъ умиленная Богородица, а слезы ея для земли слаще меда. Задробятъ ли дожди, закиснетъ ли земля подъ ними, разопрѣетъ ли налившаяся нива: попь опять надѣнетъ ризы, опять раздуетъ кадила, иныя молитвы загнутъ народъ — глядишь — улыбнется Богородица солнышкомъ яснымъ, порасправится рожь, просохнуть дороги, пруды войдутъ въ свои тѣсныя днища. Благословенна земля въ тѣхъ краяхъ и отходчивъ сѣдородый Богъ.

Дни неслись шустрѣе, чѣмъ ребята на коняхъ, когда, взбалтывая руками и подскакивая на задницахъ, скачутъ они вольными кавалеристами въ ночное, хвастая одинъ передъ другимъ лихостью да удалствомъ. Май до-

шелъ до могилы, оступился, упаль, и вмѣстѣ съ молодымъ, налившимся серебромъ мѣсяцемъ сошелъ ласковый июнь. Яблочный цвѣтъ опаль, скрутился, лежалъ еще кое-гдѣ на дорожкахъ поблекшими лепестками, садъ скинулъ невѣстину фату и надѣлъ фартукъ работницы. Помню ночь, одну изъ первыхъ июньскихъ: мѣсяць стоялъ круглый, улыбался съ иронической нѣжностью; Аделаида Николаевна видѣла первый сонъ; вѣтеръ шуршалъ книгою, забытою на столѣ, на террасѣ; я поглядѣлъ Леночкѣ въ лицо, увидѣлъ, что глаза ея блестятъ невѣрно и свѣтъ мѣсяца купается въ нихъ.

— Леночка, — спросилъ я тихо, — да?

Она повернулась ко мнѣ; купался въ ея глазахъ свѣтъ мѣсяца, и вдругъ загорѣлось въ нихъ новое, теплое, будто бенгальскій огонь вспыхнулъ; и подумалось, что жизни нашей не будетъ предѣла, когда она отвѣтила мнѣ одному лишь слышное:

— Да.

Всю ночь, до зари, ходилъ я въ саду, слушалъ, какъ вѣтеръ расчесываетъ шорсткіе кудри яблонь; мѣсяць поблѣднѣлъ, закручинился, ушелъ, обидясь, свѣжимъ потянуло съ луговъ, и будто снѣгъ, пушистый и дымный, палъ на нихъ; пѣлъ я, что ли, или такъ, волосатаго лѣшаго издавеча аукалъ — слава Богу, одно небо слышало, да и то не

разскажетъ, чудесное мое! Къ утру сердце перебродило, въ крови заиграла истома и сладкая, и грѣшная, и зналъ навѣрное, что какъ вотъ сейчасъ Леночкинъ сонъ стерегу, такъ всю жизнь буду сторожить ея жизнь, и счастливый мѣсяцъ мнѣ не измѣнить, и роса луговая задернетъ счастье мое отъ злой воли фартукомъ своимъ нѣжнымъ.

Все еще спало въ этотъ часъ, когда и не ночь, и не день, и солнце не вставало еще, а небо уже холодѣетъ и ждетъ тепла. Я обошелъ домъ, службы, прошелъ во дворъ. На бревнѣ, передъ каретникомъ, сидѣлъ Никита, глядѣлъ на небо каменно и постукивалъ сапогомъ о землю.

— Никита, — сказалъ я, — или не спится?

— А ты чего не спишь? — спросилъ онъ грубо, нехорошо чернѣя лицомъ, и медленно всталъ. И тутъ увидѣлъ я на его лицѣ темную печать чего-то скрытаго, тайнаго, тугого, печать стихійнаго и раненаго чувства, которое такъ вотъ, зря, не валяется подъ ногами, ровно старая береста, которое если скрутить лыкомъ, такъ ужъ не отпустить, шалишь. Никита поглядѣлъ мнѣ въ самые зрачки, будто хотѣлъ въ душу залѣзть, въ моей душѣ, празднующей счастье, хотѣлъ увязнуть, но отвелъ взглядъ, молодые глянцевитые усы его дрогнули, онъ по-

вернулся ко мнѣ спиной, голова его поникла. Теперь я видѣлъ его широкую спину, стянутую пиджакомъ, порыжѣвшимъ отъ долгой носки на крѣпкихъ, сильныхъ лопаткахъ.

— Никита, — проговорилъ я.

— Придецца просить разсчитать, — сказалъ Никита такимъ голосомъ, будто зажималъ себѣ ротъ рукой. — Придецца.

— Почему разсчитать? Уйти хочешь?

— Видно придецца уйтить. Въ городъ уйду, заработка искать. Въ столицу Москву.

— Что-жь, развѣ тебѣ плохо здѣсь, Никита?

— Надо думать, не сладко, господинъ, съ безпокойствомъ нашимъ никакого совладу нѣтъ. И самъ чтой-то себя не пойму, вотъ-съ.

И пошелъ отъ меня прочь, такой большой и грузный, что, кажется — медвѣдя встрѣтить — и медвѣдя сломаешь, какъ сучонокъ. Солнце встало, заревымъ огнемъ горѣли окна дома, и бѣлыя занавѣски за ними казались вывалянными въ крови; баба, сердитая со сна, вышла съ ведромъ къ бочкѣ, взяла корецъ и стала черпать воду, вольныя груди ея бѣгали подъ пеньковой рубахой, большой палецъ на ея ногѣ былъ обмотанъ тряпкой: напоролась на стекло, что-ли, неладная. Ночь ушла.

IV

Ахъ ты, Господи, такой переполохъ поднялся въ домѣ, что хотъ снимай иконы и выноси ихъ на лужокъ! Право, можно подумать, что посватать дѣвушку, это значить въ золотой сундукъ ее запереть, да въ сундукъ этомъ бросить на дно морской пучины; плакали сквозь смѣхъ и смѣялись сквозь слезы въ домѣ всѣ, и Аделаида Николаевна, забросившая цесарокъ, питомникъ и Шопена, и всѣ комнатныя дѣвушки, и скотница, и кухарка, и весь тотъ людъ, ютившійся въ службахъ, который всякъ день ѣлъ кашу съ саломъ, а работалъ кое-когда; открыли трехфунтовые висячіе замки, вродѣ церковныхъ, висѣвшіе на кладовушныхъ дверяхъ, и ворвались въ кладовушки, гдѣ тѣсно, какъ грибы, стояли сундуки, рындики, шкатулки, и пошла работа, вытрусили на свѣтъ Божій полотно, платья, бѣлье, пуховички, обжимочки, всякую, словомъ, всячину. Въ городъ верхомъ поскакали гонцы, а зачѣмъ — не вѣдомо. Черезъ пару дней задрезбужали у воротъ тарантасы, я глянулъ въ окно, вижу — дуги лаковые, дуги русскія, въ восемь цвѣтовъ, бубенчики, колокольчики, и странные люди, всѣ въ пыли — все больше женщины, сходятъ, отряхаются, отфырки-

ваются, а на блаженныхъ лицахъ блаженныя улыбки. Поздравители.

Я телеграфироваль дѣду, что женюсь, и убѣждалъ съ Леночкой въ садъ, за баню, гдѣ въ густой тѣни вишенника, у забора, растутъ свинушки, а на солнцѣ — куриная слѣпота. Здѣсь мы цѣловались взасось такъ что губамъ больно, говорили, что такъ и надо, что иначе и не можетъ быть, и раздумывали надъ тѣмъ, какъ осенью, когда я поступаю въ университетъ, пойдѣмъ вмѣстѣ побѣждать жизнь. Жизнь, жизнь! Она намела опилокъ, насорила, наплевала на дальнѣйшемъ пути моемъ, но тѣмъ болѣе пусть будетъ позволено мнѣ помянуть теплой памяткой эти глупые и мальчишескіе дни.

Все время уходило на то, что мы съ Леночкой бѣгали отъ людей, и я былъ несчастень и достоинъ жалости, когда это не удавалось; я попадалъ въ плѣнь Аделаиды Николаевны, и она, въ слезахъ, страдающая и отъ жары, и отъ волненій, начинала скорбнымъ голосомъ: „я, какъ мать, должна замѣтить вамъ, сударь,“ или: „въ ваши, сударь, годы часто поступаютъ опрометчиво;“ весь тотъ людъ, который съ утра до вечера наполнялъ теперъ домъ, всѣ эти тетушки въ полущалкахъ, въ кружевныхъ косынкахъ подъ

брюссельскія, степенные друзья дома въ просторно висящихъ, какъ бы сшитыхъ на атлетовъ, панталонахъ и пиджакахъ, оглядывали меня и спереди, и сзади, и въ профиль, и въ фасъ, рядили между собой, дурень я или красивъ, есть ли во мнѣ барственность, и не отложили ли на юномъ лицѣ моемъ своего позорнаго отпечатка идеи зловредныя и не сулящія добра. Чувствовалъ я себя мучительно, но все переносилъ стоически.

Въ началѣ іюня, послѣ напутствій полуродственныхъ, послѣ нѣжныхъ слезъ Леночки, пролившихся мнѣ въ душу, какъ медъ, я уѣхалъ въ Москву къ дѣду, выяснять семейныя отношенія и приготовить свадьбу. Неслись въ окнахъ будки, шлагбаумы, полотенца зеленѣющей ржи, стада на тучныхъ деревенскихъ пастбищахъ — родная русская деревня, колыбель моя, крестная моя матушка. Въ Москвѣ уже было душно, противно и съ доукой звенѣли трамваи, пыль и камень заѣдали человѣческую жизнь.

Дѣдъ не переменился; какъ и всегда, по суровому ласковъ, какъ и всегда, ходить за нимъ, точно облако, запахъ шафрана и любовно прокуренной трубки. Онъ встрѣтилъ меня озабоченно, я кинулся его обнять, но онъ протянулъ свою сморщенную, тряскую отъ старости, руку и сказалъ сурово:

— Нагрѣшилъ, грѣшникъ, дѣда не спросилъ. Женишься?

— Женюсь, дѣдъ.

— Притокъ больно. Сперва университетъ понюхай, да меня, дѣда, да мать свою спроси. Ну, ну, не вытягивай лица, и такъ оно у тебя, путаника, длиннѣй чѣмъ лошадиное. Леночку твою люблю и мать любить. Посмотримъ.

Дѣдъ покупалъ домъ въ Москвѣ, былъ весель, по утрамъ долго расчесывалъ передъ зеркаломъ бороду, а по вечерамъ, надѣвъ очки, клалъ пасьянсы и ругательски ругалъ ихъ, если не сходились. А я не зналъ, куда дѣвать себя, и высчитывалъ дни, когда пріѣдетъ невѣста съ матерью и моя мать изъ дѣдова имѣнья. По вечерамъ, ломая перья, я писалъ Леночкѣ длинныя, сумбурныя, ни съ чѣмъ несообразныя письма и, просыпаясь утромъ, тянулся рукою къ тумбочкѣ: тамъ уже лежало, понятно, невѣстино письмо, благоуханное пахнущее ландышемъ.

„Мое счастье, мой мальчикъ милый, — писала Леночка, — скажи, что это со мной? Такъ хорошо любить, когда ты подлѣ, и такъ больно, когда ты далеко. Проснусь ночью, смотрю на мѣсяцъ, а на немъ тѣни длинныя, и такъ все загадочно, таинственно, и такъ хочется плакать, плакать, но такъ, чтобы ты услышалъ. Всѣ кругомъ меня го-

ворять только хорошее, и я сама знаю, что у меня есть только одно хорошее и ничего дурного нѣтъ и не можетъ быть, а мнѣ не по себѣ. Какъ тебѣ это объяснить? Знаешь, если человѣкъ очень глубоко и истинно вѣруеть, то, умирая, знаетъ, что есть загробная жизнь, а ему все-таки страшно, потому что онъ никогда не видѣлъ ни Бога, ни ангеловъ, ни рая. Такъ и я: знаю, что у насъ будетъ счастливая жизнь, и все-таки страшно . . . немножко, чуть-чуть. И не за себя, мое счастье.

„Да, чтобы не забыть, какъ говорить мама: у насъ третьяго дня былъ пожаръ, загорѣлись службы отъ неизвѣстной причины. Самъ понимаешь, какъ всѣ перепугались, у насъ изъ дома даже вещи стали выносить. Жаръ отъ пламени былъ такой, что со стороны двора въ домъ лопались стекла, и если бы не желѣзная кровля, то и нашъ домъ загорѣлся бы. Ты знаешь, во флигелѣ у насъ живутъ рабочіе съ семьями, а пожаръ случился послѣ обѣда, когда всѣ были кто на огородѣ, кто на первой покоскѣ у Марьина Дола, кто солому трусилъ. Выносили вещи уже изъ самага огня, искры такъ и сыпались. Тогда Лукерья, скотница, вдругъ заголосила въ голосъ: ея ребенка забыли въ домѣ. Крыша, того гляди, рухнетъ, трескъ, огонь, никто не хочетъ итти. И тогда Никита, кучеръ —

помнишь его? — вдругъ вышелъ и говорить: я иду. Перекрестился, снялъ пиджакъ и кинулся. И только кинулся, Саша, какъ крыша рухнула. Это такой былъ ужасъ, что я до сихъ поръ дрожу. Поэтому и не написала тебѣ ничего вчера, да и теперь все слезы, слезы . . . такой ужасъ, Саша, и счастливъ ты, что не видѣлъ его.“

Весь день я ходилъ, какъ не свой, вечеромъ, чтобы развлечься, пошелъ въ Зоологическій и кружился въ потной, смѣющейся невеселому веселью своему городской толпѣ; ночью всталъ надъ Москвой изогнутый, какъ удивленная бровь, мѣсяць, былъ онъ мѣднй, нехорошій и кривой, и несмѣлыя облака, потерявшя дорогу, шли мимо, не хотѣли коснуться его. Дѣдъ не спалъ, дожидался меня. Я спросилъ его:

— Скажи, дѣдъ, есть полное счастье на свѣтѣ?

Онъ послунилъ желтый отъ трубки палець, собралъ карты въ кучу, завелъ на ночь часы и отвѣтилъ, глядя на меня изъ-подъ бровей своихъ добрыхъ:

— Есть, да пойдика, поймай.

МЕДОВЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ

I

Въ памятное лѣто 19... года горѣли въ округу нашемъ сосновые лѣса чаднымъ низовымъ огнемъ; въ полдень, когда солнце стояло высоко, дымъ становился такъ густъ, что на солнце можно было смотрѣть, не прикрывая глазъ ладонью: оно было красное, воспаленное, похожее на большой кругъ, вырѣзанный ножницами изъ мокрой промокашки. Отъ ѣдкаго дыма, стлавшагося по землѣ, трава казалась засохшей, земля пепельно-сѣрой; голоса звучали глуховато, какъ въ погребѣ, скотина одурѣла и лежала на водопоѣ смирная.

За лѣность да за ярмарочный разгулъ, когда, по первому дню, мужики наши шибко пили подъ навѣсомъ шинкаря Сыся, потрепывая другъ друга за бороды сначала ласково, потомъ крѣпко, потомъ въ сердцахъ, послалъ Господь засуху, такую засуху, какой не запомнятъ и девяностолѣтніе; солнце

палило такъ, что даже у ребятъ облупились носы, черви ушли глубоко въ землю, пересохла всѣ пруды на селѣ, и трава на лугахъ, уже готовая къ сѣнокосу, стала безцвѣтной, какъ солома, и безсочной, какъ бичева. Псы и ночью лежали съ высунутыми языками, а кованая палка ночного сторожа, когда о-полночь онъ обходилъ село, пугая воровъ и нечистую силу, звенѣла такъ, словно бы онъ ударялъ ею о желѣзныя плиты.

Покуда горѣлъ монастырскій лѣсъ, мужики говорили, что это потому, что монахи плохо молятся Богу, и ходили глядѣть, какъ послушники въ черныхъ скуфейкахъ, скинувъ рубахи, рубятъ долину, чтобы остановить огонь; но позже огонь подобрался къ лугамъ, трава затлѣла, и по деревнямъ поднялся тонкій бабій вой. Луга тлѣли долго, дымъ надъ ними стоялъ желтый. Черезъ двѣ недѣли и луговой и лѣсной пожары унялись, но стали горѣть зарѣчныя деревни — то одна, то другая, выпало такое горькое лѣто. Вечеромъ, всходя на долъ, было видать зарево сразу въ нѣсколькихъ мѣстахъ: одно ярче, другое блѣднѣй, и безустанно, съ темнымъ отчаяніемъ билъ гдѣ-нибудь пожарный колоколь, печальный колоколь русской деревни, попавшей въ бѣду.

Мы съ дѣдомъ подымались тогда на голубятни и глядѣли на зарева въ бинокль,

хотя дѣдъ въ бинокль видѣлъ хуже, чѣмъ невооруженнымъ глазомъ, но сознаваться въ этомъ не любилъ.

— Слёмы горять, — говорилъ дѣдъ.

— Слѣ-мы! — тянулъ я недовѣрчиво, — тоже скажешь. Это сто версть отъ Слѣмъ. Это Курово.

— А вотъ и врешь. Курово лѣвѣй.

— А вотъ и неправда: правѣй.

— Поживи съ мое, тогда и учи.

— А ты не спорь.

— А ты молчи, заноза.

На этомъ мы ссорились; дѣдъ бралъ въ горсть конецъ бороды и пропускалъ ее межъ пальцевъ, что было у него знакомъ величайшей обиды, и начиналъ разсматривать что-нибудь постороннее, что попадалось на глаза: или соломенный навѣсъ, или осѣвшія отъ старости клѣти, или дорожку въ саду, покрытую палымъ листомъ, съ такимъ вниманіемъ, будто меня совсѣмъ и не было здѣсь, что служило у него знакомъ обиды почти непоправимой. Тогда на душѣ у меня становилось уже такъ черно, какъ бываютъ черны чернильные кляксы на старательно выписанномъ диктантѣ, и, трогая дѣда за рукавъ, я обыкновенно говорилъ, какъ бы вскользь:

— А вѣдь похоже, что, пожалуй, Слѣмы горять.

Дѣдъ молчалъ, глядя съ голубятни внизъ, словно увидѣлъ въ травѣ алмазное зерно.

— Курово-то — вонъ оно, — продолжалъ я какъ бы самъ съ собой, — Курово влѣво будетъ. Это Слѣмы.

— Въ верстѣ отъ Слѣмъ Бѣлая роща, — сурово отзывался дѣдъ, — а возлѣ Курова ничего нѣтъ, Курово на плѣши стоитъ. Вонъ она, Бѣлая-то роща. Глаза въ карманъ спряталь, баши-бузукъ?

На этомъ мы мирились.

Недѣлю спустя послѣ пожаровъ потянулись по проселкамъ погорѣльцы собирать крошки людскаго милосердія на свою пожарную нищету, на одеженку убогую, на прокормъ ребятъ махонькихъ, гнѣвомъ Господнимъ оставшихся безъ крова. Сначала шли дѣти, съ холстинковыми мѣшками за спиной, съ палками на случай, если накинута собака у чужихъ околицъ; въ деревняхъ они стучали въ рѣзныя наружныя рамы у окошекъ, выбирая дома, что побогаче, и робкими голошишками просили на погорѣлье. Мужики давали охотно, а позже, когда уже съ утра и до ночи все шли и шли погорѣльцы, бабы отмахивались, поправляли на головахъ платки и говорили ласково:

— Богъ подастъ.

Вслѣдъ за дѣтьми пошли съ сумой подростки, старухи, молодайки, а потомъ и мужики; всѣ они останавливались у дѣдова имѣнiя, внимательно глядя на ворота, какъ бы раздумывая, можетъ ли жить за такими воротами мягкосердечный человѣкъ или не можетъ, и входили во дворъ часто цѣлой оравой. Къ этому времени насчитывали девять выгорѣвшихъ деревень, изъ нихъ пять бѣднѣйшихъ. На кухнѣ у дѣда уже пекли каждый день запасные хлѣба, а самъ дѣдъ, скликавъ со всего дома женскую прислугу, рылся въ кладовыхъ, отпирая кованые желѣзными полосами складни, проржавѣвшiе замки которыхъ визжали, не поддаваясь ключу, и своими вдовьими руками, похудѣвшими отъ скорбей и печалей жизни, доставалъ носильныя вещи покойной бабки моей. Прислуга причитала жалобно и тонкоголосо, стоя за дѣдовой спиной, словно дѣдъ второй разъ хоронилъ свою подругу жизни, а дѣдъ кряхтѣлъ, говорилъ: „молчите, что-ли, бабы“, и съ бѣлыхъ рѣсницъ его капали на всѣ эти старомодныя кофточки, лифчики, юбки горькiя-горькiя бобылиныя слезы — глядя на эти оборки, кружевца и тесемки, вспоминалъ дѣдъ кроткаго ангела жизни своей и зналъ непоправимо, что никогда легкiй шагъ ножекъ ея не пробѣжитъ больше по сиротливымъ паркетамъ его суроваго дома.

II

Время шло, близился июль, скоро должна была приѣхать моя матушка. Пожары утихли, но появилось новое зло, дотолѣ въ нашихъ краяхъ неслыханное: стали пошаливать. Въ сосѣднемъ селѣ ночью священникъ проснулся оттого, что червякъ нылъ подѣ сердцемъ — ну, вотъ не можетъ уснуть, помоги Дѣва святая! А нечаянно глянулъ въ окошко — видитъ въ церкви, въ алтарѣ, свѣчка горитъ. Разбудилъ псаломщика, сторожа, пришли, смотреть — церковь ограблена. У мужиковъ тогда все стало пропадать. У Гнилой Балки, возлѣ часовенки, среди бѣла дня темные люди напали на почтальона.

У насъ на кухнѣ рассказывали, что многіе погорѣльцы, потерявъ все, отчаявшись найти работу, пошли кто въ воры, кто въ грабители, кто въ разбойники. По ночамъ я видѣлъ во снѣ, какъ верхомъ скачу на лошади и ловлю разбойниковъ: въ рукѣ у меня пистолеть и зовутъ меня „Неукротимый Левъ“. Однако, я уже тосковалъ по матушкѣ и во снѣ чаще видѣлъ ея узкое продолговатое лицо съ кроткими глазами, такъ ласково голубѣющими, что хотѣлось смѣяться.

Наконецъ, получилось отъ нея письмо, и мы съ дѣдомъ стали готовиться къ встрѣчѣ.

Босой парень, потѣющій легко и густо, натираль въ залѣ паркетъ желтой, шибящей въ носъ мастикой и затѣмъ, взмахивая одновременно рукой и прядью рыжихъ волосъ, прошелся по немъ ножной щеткою, отчего паркетъ заблестѣлъ, какъ жирный; въ остальныхъ комнатахъ бабы вымыли полы, сняли паутину съ угловъ, и у щелей и дыръ, откуда по ночамъ выбѣгали мыши, посыпали мышьякомъ и покروпили зеленоватой какою-то водицею. Весь домъ принялъ праздничный видъ. Матушка ожидалась съ почтовымъ, около одиннадцати вечера. Приблизительно въ четыре во дворъ выкатили тарантасъ, скребли его и мыли, а къ вечеру кучеръ, перекинувъ черезъ плечо уздечку, пошелъ на выгонъ за лошадыю.

День уходилъ и гасло небо, когда мы съ дѣдомъ выѣхали изъ воротъ и, миновавъ кленовую аллею, свернули на дорогу къ станціи. Пыль лежала на проселкахъ еще теплая послѣ солнца, а въ кустахъ уже пряталась спокойная темнота; красная полоса на западѣ поблекла и пропала; мѣсяцъ еще только собирался всходить; какъ хорошо въ эту пору пойти далеко въ поле, нюхать полынь и ромашку и вдругъ, запрокинувъ голову, запѣть о чемъ-нибудь счастливомъ, такомъ счастливомъ и ясномъ, чтобы и земля стала слушать.

— О чемъ ты думаешь, дѣдъ? — спросилъ я, прижимаясь къ рукѣ его, прыгающей согласно возжамъ.

— Я думаю о томъ, что пріѣдетъ твоя мать.

— У меня хорошая мать?

— Хорошая.

— А ты, дѣдъ, хорошій?

— Хорошій.

— А я хорошій?

— Хорошій.

Бывали минуты, когда дѣдъ всѣхъ хвалилъ: то очень рѣдкія бывали минуты, и это значило, что дѣдъ счастливъ и будетъ плакать отъ счастья. Въ такія минуты разговоры съ дѣдомъ бывали безцѣльны, онъ на все соглашался, всему былъ радъ и вызвать его на споръ было невозможно. Я предпочиталъ молчать. Мы проѣхали Гнилую Балку и стали подыматься на доль; въ это время, покраснѣвъ отъ натуги, взошелъ багровый косощекій мѣсяцъ и сталъ недвижно. Помню, настроеніе мною владѣло приподнятое и безмятежное. Заворачивая за часо-венку, лошадь неожиданно стала.

— Ну! — прикрикнулъ дѣдъ и, нагнувшись, сталъ искать подъ козлами кнутъ.

— Тпру! — раздался подъ-бокомъ голосъ, я обернулся и увидѣлъ двѣ темныя фигуры, выросшія такъ внезапно, что, казалось, онѣ

вышли изъ земли; одна изъ нихъ держала лошадь подъ уздцы, другая за оглоблю.

— Кто таковъ? — спросилъ сипловатый басть.

И другой отвѣтилъ ему изъ-за лошадиной морды:

— Горкинскій помѣщикъ.

Перепугавшись, я схватилъ дѣда за руки: сердце мое колотилось и внутри стало холодно, словно я ѣлъ мяту. Дѣдъ привсталъ на тарантасѣ и голосомъ, котораго я не зналъ у него, гаркнулъ на все поле:

— Что за люди? Ты что мою лошадь держишь? Отпусти лошадь!

— Кричи, да не черезчуръ, горлышко попортишь, — отвѣчалъ тотъ, кто держалъ за оглоблю, и медленно сталъ подходить къ намъ; я разобралъ худое, рваное платье, всклокоченную бороденку и черные, совсѣмъ добрые глаза подъ косматыми бровями.

— Деньги есть? — сказалъ человекъ и, положивъ руку на козлы, поглядѣлъ на дѣда какъ бы съ укоромъ.

Распалившись, дѣдъ закричалъ еще того гуче:

— Грабитель! Жуликъ! А въ острогъ хочешь? А? Въ Сибирь хочешь?

Человекъ подождалъ, пока дѣдъ выкричится, и повторилъ тихо:

— Ну, а деньги-то у васъ будутъ?

Дѣдъ понялъ, что положеніе безвыходное: уже стояла ночь, нигдѣ окрестъ не гремѣла телѣга, до жилья было далече; на бѣду, дѣдъ съ собой никогда не возилъ денегъ; оборванецъ не повѣрилъ, влѣзь въ тарантасъ и робко ощупалъ дѣдовы карманы; я все еще трясся, какъ осиновый листъ, и вдругъ закричалъ пронзительно, какъ утка подъ ножомъ:

— Дяденька, не трогай дѣда!

— Никто твоего дѣда не трогаетъ, прыщъ, — отвѣчалъ оборванецъ сердито, вылѣзая изъ тарантаса въ превеликой досадѣ. — Что же, деньги въ сундуки прячешь, помѣщикъ? Что мы тутъ дѣлать съ тобой будемъ, Кузьма?

— Обыщи, — басомъ отвѣтилъ Кузьма отъ лошади.

— Обыскиваль, нѣту.

— Ахъ ты, напасть!

— Я и говорю — напасть. Что ты станешь дѣлать?

Онъ поднялъ шапку и почесалъ затылокъ въ раздумьи: лошадь скучливо подняла хвостъ; время шло.

Дѣдъ вдругъ оживился:

— Пстой-ка, ты... какъ тебя... Кузьма? Да ты не изъ Долгомостья ли, Кузьма? Такъ и есть, изъ Долгомостья!

Дѣдъ ударилъ себя по колѣнямъ, откинулся назадъ и вдругъ закатился старческимъ смѣхомъ, такимъ занозистымъ, что даже ноги его заходили по днищу тарантаса.

— Да помнишь ты, Кузьма, я къ тебѣ за медомъ прѣзжалъ? Кузьма-а? На пасѣкъ-то у тебя чай съ сотовымъ медомъ пили? Ты еще торговался со мной, Кузьма?

— Правда твоя, Лексѣй Митричь, — отвѣчалъ Кузьма въ превеликомъ смущеніи, подходя и снимая шапку.

— Обшибся, значить. Папирской не угостишь-ли?

— Бери, бери, — ликовалъ дѣдъ, вынимая кожаный портсигаръ, — бери, пчелья душа. Какъ же это ты, медовый человѣкъ, на дороге вышелъ? а?

— Погорѣли мы, Лексѣй Митричь, то-есть такъ погорѣли, до тла, въ одной рубахѣ остались. Осерчалъ Господь. И пчельникъ

мой, и изба моя, и хозяйство, какое-никакое, все до послѣдняго гвоздя потерялъ. Народу что по міру пошло — самъ знаешь. А вѣдь покуда справишься-то!.. Мы и страховку просрочили, и страховка намъ нейдетъ.

— Вотъ ты и пошелъ людей за горло хватать? Ай-да Кузьма! А что бы ко мнѣ миромъ зайти, все бы помогъ посильно по такому дѣлу.

— Какое намъ помоганіе! Всѣмъ не можешь.

Бесѣда завязалась самая мирная; время шло, пора было на станцію. Уже совсѣмъ оправившись отъ испуга, я высунуль голову изъ-за локтя дѣда и пискнулъ тоненькимъ голосомъ :

— Дяденька, намъ надо на станцію, къ почтовому, можно, дяденька?

— И впрямь! — спохватился дѣдъ, — заболтался я съ тобой. Что-же, заходи завтра, Кузьма.

— Постой, — сказалъ Кузьма, крѣпче надѣвая шапку на голову, — пусти меня на козлы, тутъ еще наши ребята пошаливаютъ,

такъ со мной-то тебѣ спокойнѣй будетъ,
Лексѣй Митричь.

Онъ влѣзъ на козлы, взявъ изъ рукъ дѣда возжи и чмокнулъ со вкусомъ, по-му-жицки, потомъ обернулся, крикнулъ товарищу: „ты обожди меня въ шалашѣ, Сергѣй“ — и тарантасъ покотился по мягкому проселку. Всю дорогу говорили о пожарахъ, о крестьянской нуждѣ и о томъ, что все-же грабить по дорогамъ не гоже.

Съ почтовымъ прѣѣхала матушка. Я цѣловалъ ее въ щеки, въ губы, въ лобъ, въ подбородокъ и, захлебываясь, рассказывалъ про Кузьму, а она не слушала и, жалуясь на усталость, тотчасъ велѣла нести чемоданы въ тарантасъ. Чемоданы понесъ Кузьма. И всю обратную дорогу правилъ опять Кузьма, помахивая кнутомъ и посвистывая; у воротъ имѣнія онъ слѣзъ, поблагодарилъ за компанію, пообѣщавъ еще разъ прѣйти и ушелъ въ темноту спокойный, добрый и невозмутимый — ночевать въ шалашѣ, подъ кривошекимъ мѣсяцемъ, а, можетъ статья, и поджидать у дороги запоздавашаго путника, ловить его лошадь подъ уздцы и щупать дорожные карманы. Къ дѣду онъ такъ и не пришель на-завтра, и позже я его никогда не видѣлъ.

Говорять, вернулись мужики на пепелище и кое-какъ застроились, а кое-кого переловили стражники за нехорошія дѣла и, скрутивъ веревками, какъ стадо погнали въ городъ.

БРОДЯЧІЙ ЦИРКЪ

Той весною, когда я перешелъ въ третій классъ, мы не поѣхали къ дѣдушкѣ въ имѣніе; дѣдушка перестраивалъ домъ, самъ жилъ на огородѣ, въ предбанникѣ, возился цѣлые дни съ подрядчиками, ѣздилъ на лѣсные склады и ждалъ насъ только къ августу. Мы остались въ городѣ. А въ городѣ была тоска, скучища, пылища. Товарищи мои поразѣхались кто куда, и если бы не одинъ случай, едва не измѣнившій всей моей жизни, если бы не этотъ случай, я, кажется, сбѣжалъ бы на Миссисипи.

Въ одинъ изъ іюньскихъ лѣнивыхъ вечеровъ со стороны сѣверной заставы вѣхалъ въ нашъ городъ бродячій циркъ; на булыжныхъ камняхъ мостовой загрохотали крѣпко подшитыя желѣзомъ огромныя колеса фургоновъ, похожихъ на похоронныя катафалки, и утомленныя лошади, всѣ въ пыли, съ пыльными гривами въ репьяхъ, потащили ихъ съ натугою къ Соборной площади. Впереди на открытой телѣжкѣ вѣхалъ сутулый чело­вѣкъ

въ зеленомъ пыльникѣ, въ очкахъ тусклаго стекла и въ шляпѣ нелѣпаго и смѣшного фасона, какого не носятъ обыкновенные люди; онъ помахивалъ тоненькимъ кнутикомъ, четко щелкавшимъ въ воздухѣ, и недобро поглядывалъ вокругъ себя, какъ - бы спрашивая прохожихъ взглядомъ:

— А что вы за люди, милостивые государи мои?

Рядомъ съ нимъ примостился мальчикъ съ низкими, слегка выющимися рыжеватыми кудряшками, назойливо лѣзшими ему на лобъ; глаза у него были бѣдовые, а вздернутый носъ дѣлалъ его похожимъ на воробушка. За открытой телѣжкой, гдѣ сидѣли человѣкъ въ очкахъ и мальчикъ, тянулись три фургона, покачиваясь на колесахъ съ такимъ видомъ, точно они вотъ-вотъ развалятся; на ихъ краснаго цвѣта стѣнкахъ огромными бѣлыми буквами было выведено: „Циркъ Антоніо! Новинки и трюки! Проѣздомъ здѣсь!“ За послѣднимъ фургономъ шли въ поводу три лошади, одна гнѣдая, въ яблокахъ, двѣ воронья, цвѣта вороньяго крыла; бока ихъ лоснились отъ пота, и попоны, покрывавшія ихъ, взмокли. Едва эта гремящая и шумная процессія выѣхала на Почтовую улицу, какъ въ фургонахъ раздался собачій лай, повизгиванье, птичьи голоса, очень пронзительные и похожіе на стенанья.

О, какой восторгъ снизошелъ мнѣ въ душу при видѣ этихъ фургоновъ, скрипящихъ и запыленныхъ! Я вмѣстѣ съ толпой уличныхъ мальчишекъ и глазѣющаго народа пошелъ за ними, держась съ боку отъ телѣжки, гдѣ сидѣлъ человекъ въ очкахъ. Мальчикъ съ рыжими кудряшками поглядѣлъ въ мою сторону, показалъ языкъ и захохоталъ, запрокидывая голову и высоко, до самой груди подымая колѣнки. А мнѣ и въ голову не пришло обидѣться.

— Какъ тебя зовутъ? — спросилъ мальчикъ, переставъ хохотать и перегибаясь ко мнѣ съ сидѣнья. Ну, и глазаща были у него: столько озорства, столько проказъ пряталось въ нихъ, что, кажется, начини онъ проказить, такъ земля расколется отъ смѣха! Я подтянулъ ремень на животѣ и сказалъ, стараясь, чтобы вышло басомъ:

— Меня зовутъ Александръ. А тебя?

— Зовутъ зовуткой, а величаютъ уткой, — отвѣтилъ мальчикъ и захохоталъ еще звончѣй.

Я подумалъ, что лучше будетъ обидѣться, и обидѣлся.

— Ты циркачъ, — сказалъ я надменно.

Мальчикъ, видимо, не понялъ насмѣшки, нахмурилъ лобъ и проговорилъ, соображая про себя что-то:

— Приходи завтра на представленіе, я тебѣ такіе фокусы покажу... Придешь?

Тутъ коляска круто завернула, и я не успѣлъ сказать мальчику, что приду завтра на представленіе; фургоны съѣхали съ мостовой на мягкую землю Соборной площади, грохотъ колесъ оборвался и вмѣстѣ съ нимъ оборвался визгъ въ фургонахъ; заржали лошади, почувшія приваль и свѣжій овесъ въ овесникахъ; фургоны стали посреди площади, дверцы раскрылись, и вылѣзли на свѣтъ Божій люди въ одеждахъ не совсѣмъ обычныхъ: въ широкихъ кофтахъ, женщины въ яркихъ платьяхъ и съ косынками на головахъ; лица у всѣхъ были утомленные и, сойдя на землю, они двигались медленно и лѣниво, разминая затекшіе члены. Подошелъ усатый полицейскій, похожій на сытаго отѣвшагося водолаза, и долго и степенно говорилъ съ человѣкомъ въ очкахъ, потомъ они оба пошли въ полицейское управленіе. Мнѣ хотѣлось подойти къ рыжему мальчику, но соборные часы вызвонили семь разъ, пора было домой къ чаю, и опоздать было боязно: не дай Богъ, рассердится мама, а завтра нужно проситься на представленіе въ циркъ. Но столько новаго было на душѣ, что сразу домой итти не хотѣлось: тамъ, дома, все знакомо, какъ своя собственная ладонь: и самоваръ на столѣ

разсвистываетъ знакомо, и булочки въ сахарницѣ подрумянены какъ всегда, и парусина на террасѣ хлопаетъ привычно. Я побѣжалъ вдоль панели, перепрыгивая черезъ тумбы. „Разъ, — считаль я, играя, — два, три, четыре, пять“. . . Но тутъ на углу появился Николай Федоровичъ. Знаете, кто это такой — Николай Федоровичъ? Надзиратель нашъ, у него усики закручены, какъ тесемочки, а говоритъ онъ, будто тачку съ пескомъ везеть: одно слово скажетъ, а три прохмыкаетъ; тѣ слова, которыя скажетъ, у него неприятныя, а тѣ, что прохмыкаетъ, можетъ и пріятныя, да не разберешь. Я не сталъ прыгать черезъ шестую тумбу, перешелъ на другую панель и поклонился издали, какъ третьеклассникъ — съ достоинствомъ.

Солнце упало за городской садъ и оттуда стрѣляло въ облака нѣжными своими розовыми стрѣлами.

Я отворилъ калитку сада, взбѣжалъ на ступеньки террасы, да такъ и обмеръ: за столомъ, рядомъ съ мамой, сидѣлъ дѣдъ! Пріѣхалъ дѣдъ!

— Дѣдъ! — закричалъ я, чувствуя, какъ сладкая теплота разлилась по тѣлу.

И увидѣлъ его улыбку, и бороду его сѣдѣющую, и поцѣловалъ его въ сухія на-

смѣшливыя губы, и услышалъ такое родное, будто съ колыбели слышанное:

— Ну-съ, много нагрѣшилъ безъ меня, баши-бузукъ?

II

За что я люблю дѣда? Не знаю, за что. Все въ дѣдѣ моемъ особенное, и если бы собрать большую толпу стариковъ со всего свѣта и построить ихъ въ шеренгу, какъ солдатъ на парадѣ, то дѣда моего каждый узналъ бы съ перваго взгляда — такой онъ особенный. У дѣда моего разные глаза: правый карій, а лѣвый зеленовато-голубой; и карій глазъ у него лукавый, насмѣшливый, придиричивый, а голубой нѣжный и ласковый; когда дѣдъ сердится, то прищуриваетъ голубой глазъ, чтобы я видѣлъ только карій, а когда смѣется, то прищуриваетъ карій, чтобы я видѣлъ только голубой. И все у дѣда какъ-то пополамъ — онъ и очень добрый, и очень суровый, и болтунъ, и молчаливый, когда того хочетъ. Господи, какъ я люблю моего дѣда! Все въ немъ люблю: скрипъ его сапогъ, и шорохъ его шлепанцевъ, и чадящую его трубку, и медленный его говоръ, и то, какъ по-утру онъ стучить ногтемъ о шишечку барометра, вздыхаетъ и

бранить погоду. Когда въ деревнѣ мы гуляемъ съ нимъ, я стараюсь ступить на то мѣсто, куда ступаетъ мой дѣдъ. А какъ онъ умѣетъ угадывать мои желанія — никто такъ не умѣетъ угадывать, ни мама, ни тетя Варечка. И угадалъ же вотъ дѣдъ, сказавъ нынче по-утру:

— Ну, мама, я сейчасъ пойду по дѣлишкамъ, а вечеромъ съ Сашей идемъ въ циркъ. Согласна?

Ну, еще бы не была согласна мама, если этого захотѣлъ дѣдъ! И весь день я просидѣлъ въ саду, на крышѣ бесѣдки, глядя въ плывущія надо мною, будто парусники на озерѣ, бѣлыя облака, думая о томъ, что хорошо быть третьеклассникомъ, но еще лучше рыжимъ мальчикомъ изъ цирка. Мальчики изъ цирка не учатъ уроковъ, не боятся надзирателей, а только кувыркаются на аренѣ, да путешествуютъ изъ города въ городъ въ смѣшныхъ неуклюжихъ фургонахъ. Вотъ это, понимаете-ли, жизнь!

Я не утерпѣлъ, сбѣгалъ до обѣда на Соборную: тамъ, за одно утро, чудомъ-чудеснымъ выросло деревянное круглое зданіе съ высокимъ парусиновымъ шапито, похожимъ на исполинскую опрокинутую воронку; всѣ стѣны были обклеены пламенно-красными афишами, сулившими нивѣсть что: и чловѣка безъ костей, и дрессированныхъ крысъ,

и смертельный прыжокъ изъ - подъ купола цирка, и парфорсную ѣзду первоклассной наѣздницы m-lle Лизетты. Въ кассѣ за окошечкомъ сидѣлъ человѣкъ въ очкахъ, скучаль и злился, что никто не покупаетъ билетовъ; лицо у него было грубое, загорѣлое, все испещренное морщинами, будто черточками; онъ поглядѣлъ на меня и спросилъ грубымъ голосомъ:

— Желаете купить билетъ?

— Мы придемъ сегодня вечеромъ, съ дѣдомъ, — сказалъ я.

Внутри цирка шелкаль бичъ, и было слышно, какъ скачущая галопомъ лошадь бьетъ копытомъ о барьеръ арены — видно, шла репетиція, но человѣкъ въ очкахъ такъ зло поглядѣлъ на меня, что я не рѣшился зайти. Я обошелъ циркъ кругомъ, ища шелки, но всѣ шелки были уже заняты мальчишками, а со стороны конюшенъ меня не пустили. Оттуда слышны были пофыркиванья лошадей, грубая брань, и шель раздражающій пріятный цирковой запахъ, запахъ опилокъ, лошадиного пота и газовыхъ рожковъ.

Дѣлать было нечего, я вернулся и сѣлъ съ книгою около столовыхъ часовъ; я даль себѣ зарокъ не глядѣть на часы прежде, чѣмъ прочитаю страницу, я взглядывалъ на часы — стрѣлки ползли воистину по чере-

пашыи. Потомъ былъ обѣдъ, потомъ я взялъ другую книгу и снова сѣлъ подь часами. Я боялся, что долго не идетъ дѣдъ: дался же ему домъ, о которомъ онъ цѣлый день хлопочеть! Около восьми, наконецъ, вернулся дѣдъ, усталый, раскисшій, борода его глядѣла въ сторону, а трубка не курилась, хотя онъ и тянулъ черезъ мундштукъ съ упрямствомъ — если дѣдъ усталъ или разсерженъ, у него никогда не курится трубка. Я перепугался, не раздумалъ-ли дѣдъ, не забылъ ли о своемъ обѣщаніи, и въ страхѣ поглядѣлъ на него. Дѣдъ поглядѣлъ на меня. И здѣсь я замѣтилъ, что онъ щурить карій глазъ, а голубымъ, добрымъ, смотреть — замѣтилъ и успокоился.

— Дѣдъ, — сказала я, стараясь говорить равнодушнымъ голосомъ, — кажется, уже скоро восемь.

При этомъ я — будто такъ, къ слову пришлось — поглядѣлъ на часы.

— Вотъ спасибо, — сказала дѣдъ, притворяясь, что не понимаетъ. — Уже восемь часовъ! А я-то думалъ, что двѣнадцать. Вотъ спасибо, внукъ, что о дѣдѣ подумалъ.

И при этомъ дѣдъ, тоже будто невзначай, поглядѣлъ на часы.

— Какъ же ты, дѣдъ, думаешь провести вечеръ? — спросилъ я хитро, и при этомъ

зѣвнулъ, будто самъ забылъ о циркѣ, и мнѣ скучно.

— Пасьянсы, что-ли, раскладывать станемъ, Сашенька,—сказалъ дѣдъ, притворяясь, что и ему скучно. При этомъ онъ тоже зѣвнулъ.

— Можно и пасьянсы, — молвилъ я, а голосъ мой предательски дрогнулъ.

— Ну, вотъ и спасибо, что готовъ съ дѣдомъ скучать,—сказалъ дѣдъ, а углы губъ его хитро дрогнули.

Мочи моей не стало.

— Дѣдъ! — закричалъ я съ мольбой.

Здѣсь дѣдъ ударилъ себя по ляжкамъ, сдѣлалъ изумленное лицо, потомъ радостное, потомъ восторженное, и вскричалъ, будто только сейчасъ вспомнилъ:

— Постой, постой . . . нѣтъ, ты, Сашенька, постой. Да вѣдь мы куда-то нынче собирались! Куда-жъ бы мы это собирались? Въ городской садъ? Или въ гости? Постой, вѣдь словно бы въ гости, а? Да нѣтъ же, нѣтъ, Сашенька, не въ гости — въ циркъ!

— Въ циркъ, въ циркъ! — закричалъ я, хлопая въ ладоши, — да ну-же, дѣдъ! Скорѣй! Въ половинѣ девятаго начало!

Дѣдъ, смѣючись въ бороду, сутуля плечи и притворяясь старымъ распрестарымъ, пошелъ умываться; слышно было, какъ онъ

намыливалъ руки, стучалъ флакончиками о мраморную доску и вздыхалъ по-старчески, а я сидѣлъ подь часами, мля отъ нетерпѣнія, и изрѣдка покрикивалъ жалобнымъ голосомъ:

— Пять минутъ девятого!

Дѣдъ откликнулся мнѣ изъ сосѣдней комнаты:

— Ась?

— Десять минутъ девятого!

— Вотъ вѣдь идетъ время, — изумлялся дѣдъ, — и чего-жъ бы ему такъ скоро итти? Что жеребецъ, скачетъ.

А самъ фыркалъ, гремѣлъ мыльницей, вздыхалъ и кашлялъ.

III

Циркъ, что сказка, колдуетъ — есть въ немъ сладкій дурманъ, неодолимая чарующая сила, будто сладостный сонъ видишь. Народу на представленіи собралось мало: былъ будній вечеръ, да и жаркій къ тому же. Мы сѣли съ дѣдомъ въ деревянную лужу, затянутую кумачемъ, возлѣ газоваго шипящаго фонаря съ большимъ рефлекторомъ; арена была расчесана граблями, небольшой оркестръ гудѣлъ на верхушкѣ, красный пологъ кулисъ колыхался: поминутно выгляды-

вала оттуда голова человѣка въ очкахъ, который щурился, оглядывалъ пустой партеръ и полузаполненную галерею, вздыхалъ, морщился и дѣлалъ гримасу.

Наконецъ, ударилъ дребезжащій гонгъ, пологъ кулисъ раздался и вышла униформа; камзолы на нихъ, обшитые галуномъ, были заношены, потерты; а лица являли полное равнодушіе ко всему на свѣтѣ. Вслѣдъ за ними вышелъ на середину арены человѣкъ въ очкахъ, одѣтый во фракъ и съ бичемъ, поклонился направо, налево, прямо передъ собой и, обернувшись, позади себя, сдѣлалъ ручкой и оглушительно щелкнулъ бичемъ; изъ конюшни выскочила галопомъ гнѣдая кобыла съ помпономъ на головѣ, на ней сидѣла дѣвушка неземной, какъ мнѣ показалось, красоты; то была парфорсъ-наѣздница m-lle Лизетта. Защелкалъ бичъ, лошадь за скакала, дѣвушка стала прыгать, вскидывая ногами и улыбаясь такъ широко, какъ только могла.

Представленіе началось. Я оглядывался на дѣда, и къ ужасу моему сталъ замѣчать, что онъ дремлетъ: вѣки его слипались, голова падала на грудь и дыханіе его становилось ровно и безмятежно.

— Дѣдушка, ты спишь?

— Ась?

— Какъ же ты можешь спать, дѣдъ!

— А вотъ когда ты поживешь съ мое, — отвѣчалъ дѣдъ спросонокъ, — да вздумаешь перестраивать домъ, да пріѣдешь въ городъ хлопотать, да прохлопочешь по жарѣ цѣлый день, да потащитъ тебя вечеромъ внукъ въ паршивый бродячій циркъ, — тогда ты, братецъ ты мой, поймешь, что слаще, сонъ или егоза на косолапой лошади.

Съ этими словами дѣдъ прислонился къ барьеру ложи, повелъ плечами, шевельнулъ разъ-другой пальцами и всхрапнулъ. А представленіе шло своимъ чередомъ. Выходили женщины въ толстыхъ бѣлыхъ чулкахъ, въ хохлацкихъ чоботахъ и рубахахъ и, поведя плечомъ, сощурия глаза, ахнувъ да тряхнувъ сережками, пускались въ плясъ, расходились присядкою. Бумъ! Бумъ! брррумъ-бумъ-бумъ! — заливался въ оркестрѣ барабанъ турецкій. Выходилъ потомъ человекъ на гнутыхъ ножкахъ, обутыхъ въ туфли съ пряжками, съ очень жалкимъ чахоточнымъ лицомъ, и выводилъ двухъ жирныхъ крысъ; крысы попискивали и бѣгали вокругъ его ногъ, а онъ кричалъ сиплымъ голосомъ:

— *Allez! allez, je vous prie!*

И, наконецъ, натянули на аренѣ ковровую дорожку; оркестръ бросилъ тоскливые напѣвы и перешелъ на галопъ, веселый и трескучій; зелененькая програмка задрожала въ моихъ рукахъ: на арену выбѣжалъ мальчикъ

съ рыжеватенькими кудряшками, тщательно зачесанными на виски; онъ былъ обтянуть въ голубое трико съ блестками, и при каждомъ движеніи его крѣпкаго и гибкаго тѣла блестки эти лучились въ свѣтѣ газовыхъ фонарей и играли радугой. Мальчикъ улыбнулся, поднялъ руки и прошелъ по дорожкѣ колесомъ, потомъ прыгнулъ, перевернулся въ воздухѣ и снова прошелъ колесомъ; и чего только не дѣлалъ онъ, улыбаясь, ловя хлопки и тактъ оркестра, а я отбивалъ ладоши, хлопая ему; онъ оглянулся на меня, мы улыбнулись другъ другу, какъ друзья. Въ ту минуту я завидовалъ ему всею силою души, всѣмъ раздутымъ моимъ самолюбіемъ. Но вотъ оркестръ смолкъ, мальчикъ убѣжалъ, голосистый дядя объявилъ изъ-за кулисъ:

— Антрактъ!

Я поглядѣлъ на дѣда: онъ спалъ, мой милый дѣдушка, склонивъ голову на лѣвое плечо, а борода его залѣзла подъ бортъ пиджака. Боясь разбудить дѣда, я крадучись вышелъ изъ ложи и направился за кулисы.

Зачѣмъ я пошелъ туда? Не знаю. Сердце мое билось, и уже тогда, въ ту самую минуту, я зналъ, что случится что-то этакое шалое, о чемъ, быть-можетъ, до самаго гроба не позабудешь. Я боялся, что за кулисы меня не пропустятъ служителя — ничего, пропустили. Здѣсь было темно, на стѣнѣ

жалостно, умираючи, попыхивала керосиновая лампочка, бродили люди въ странныхъ костюмахъ и остро пахло конюшней. У стѣны стояли лѣсенки, обручи, бѣлые шесты. Я прошелся по коридору, заглянулъ въ конюшню, гдѣ смирно стояли лошади, пошевеливая расчесанными хвостами, потомъ прошелся еще разъ. Подъ лампой стоялъ хозяинъ въ очкахъ, господинъ Антоніо, и говорилъ сокрушенно размалеванному подъ кирпичный цвѣтъ рыжему:

— Дѣло табакъ, Ваня. Сборовъ не будетъ. Проклятуцій городъ — никогда въ немъ сборовъ нѣтъ.

— Да ну? — сказалъ рыжій.

— Вотъ тебѣ и ну. Поиграемъ завтра, да и айда дальше.

— Да ну? — сказалъ рыжій.

— Вотъ тебѣ и ну, — сказалъ господинъ Антоніо.

Я прошелъ мимо и у дверей повстрѣчалъ мальчика съ кудряшками; поверхъ трико онъ накинулъ на плечи пеструю шаль, лицо его еще было разгорячено, а ровные зубы поблескивали весело и задорно.

— Понравилось? — спросилъ онъ, смѣясь, и близко приблизилъ ко мнѣ свое лицо.

Я проговорилъ чистосердечно:

— Очень!

— Это еще что, это глупости. А вотъ посмотри во второмъ отдѣленіи!

— А это трудно?

— Глупости. Хочешь, я тебя могу научить?

— Хочу.

— Приходи завтра на репетицію.

— Ладно.

На этомъ мы разошлись. Дѣдъ похрапываль еще на стулѣ своемъ, и я не сталъ его будить. Когда послѣ представленія мы вышли изъ цирка, надъ городомъ плыла луна, проливая серебро на крыши, на кущи деревьевъ, на булыжники мостовой, каменно бѣлѣвшіе, будто голые черепа. Я вдыхаль запахъ іюньской ночи, я былъ счастливъ и полонъ жизни, а дѣдушка... а дѣдушка хотѣль спать.

IV

Поутру встаетъ солнце и уже знаетъ напередъ, что къ вечеру сядетъ за поля, и всегда весело оно, наливное, какъ осеннее яблоко, и никакой печали у него нѣтъ. А я не знаю по-утру, какою шуткою подшутить надъ мною вечеръ. Какъ пришелъ я къ этому рѣшенію, не помню. Я рѣшился. Мы поклялись съ Пашей, мальчикомъ изъ цирка.

Въ этотъ вечеръ я сидѣлъ на подоконникѣ и ждалъ дѣда, который опять цѣлый день бродилъ по городу въ хлопотахъ и заботахъ. Улица была пустынна, подѣ окномъ сердито росли лопухи, а изъ-за сосѣдняго забора, скрипѣвшаго отъ дряхлости, свѣшивались березы и роняли на панель пыльные свои сережки. Пришла изъ стада бурая корова, потерлась о ворота жаркой мордой и промычала устало: ей хотѣлось въ хлѣвъ спать, и денныя птицы уже спали, и солнце давно легло баиньки, а дѣдушка все не шель.

„Не придетъ, — подумалось мнѣ горько, — такъ и уйду, не поглядѣвъ на него въ послѣдній разъ“.

Я сползъ съ подоконника и пошелъ въ столовую; въ комнатахъ было темно, только на столѣ неярко поблескивали неубранные стаканы, остывшій самоваръ, похожій на кувшинъ, и серебряная сухарница; подѣ висячей лампой кружилась на ниточкѣ липкая бумага, унизанная мухами, и двѣ изъ нихъ, свѣженькія, только что прилипшія, жужжали жалобно и тонко. Завтра я не увижу ничего этого, ни мамы, ни дѣда, и не буду уже за вечернимъ чаемъ плести косички изъ бахромокъ скатерти; слезы навернулись на мои глаза и, не будь я мужчиной, пришлось-бы доставать изъ кармана платокъ.

Въ кабинетѣ на столѣ горѣла лампа подъ малиновымъ абажуромъ, возлѣ сидѣла мама и читала газету: газетный листъ закрывалъ ея лицо, и виденъ былъ только краешекъ ея лба и пышная шапка волосъ. Завтра я не увижу больше этихъ волосъ. Завтра я выхожу на новую дорогу жизни.

Я прошелъ къ себѣ въ комнату, сѣлъ у окна и пригорюнился; вечеръ упалъ, въ саду, въ кустахъ фосфорическими точками засвѣтились свѣтлячки, и на клумбахъ, навстрѣчу вечеру, раскрылся ночной табакъ, пряный и душистый. Странное творилось со мною: вѣроятно, то же чувствуетъ солдатъ, который собирается въ опасную развѣдку. Я прошелся отъ печки до окна и отъ окна до печки: печка у меня была изразцовая, я внимательно глядѣлъ на синіе эти изразцы, запоминалъ каждый изъ нихъ, прощался съ каждымъ изъ нихъ.

Послѣ этого я сѣлъ къ столу, выдралъ листъ изъ тетради и началъ письмо.

„Мама и дѣдъ!“ — написалъ я, подумалъ и изодралъ листъ.

„Дѣдъ и мама!“ — написалъ я иначе, и снова изодралъ. Я былъ въ отчаяніи, мысли мои роились роемъ, жужжали по-шмелиному, и гуль стоялъ отъ нихъ въ головѣ. Наконецъ карандашъ мой вывелъ:

„Прощайте, мои родные. Я въ жизни выбралъ себѣ дѣло: я буду акробатомъ. Мое рѣшеніе безповоротно“...

Я не могъ писать больше ни слова; я испугался себя, своихъ мыслей, своихъ колебаній, — ахъ, не такимъ уже безповоротнымъ было мое рѣшеніе! Если бы вошелъ дѣдъ, если бы своимъ звучнымъ, молодымъ голосомъ меня окликнула мама — все пошло бы прахомъ, я размякъ бы, разнюнился, и прощай тогда запахъ опилокъ и конюшни, голубое трико съ блестками и плескъ аплодисментовъ. Я вывѣсилъ на двери записку: „Хочется спать, ужинать не буду,“ и заперъ дверь.

Въ столовой гремѣли посудой; было слышно, какъ быстрыми шагами — топытопь — пробѣжала горничная и тяжело стукнула самоваромъ о столъ. Слышно, какъ кашлялъ дѣдъ, я лежалъ на кровати съ открытыми глазами, съ бьющимся сердцемъ. Мама подошла къ двери, прочитала записку, позвала меня тихо, — я стиснулъ зубы, закрылъ уши. Потомъ стихло.

Едва порозовѣло небо надъ шершавыми листьями яблонь, едва потянуло первымъ разсвѣтнымъ вѣтромъ и звѣзды стали тонуть, пропадать за красной косынкою зари, я взялъ узелокъ, перекрестился и спрыгнулъ изъ окна въ садъ. Туманная роса разстила-

лась подъ ногами; отъ безсонной ночи вялой тупостью была налита голова. И здѣсь, вдругъ поднявшись изъ-за деревъ, брызнуло свѣтомъ, счастьемъ, веселостью червонное солнце, заиграло въ росѣ и въ спящихъ окнахъ дома. Я полнымъ глоткомъ глотнулъ воздухъ, я перешель мой Рубиконъ.

V

Передъ циркомъ уже стояли красные фургоны, запряженные тѣми самыми лошадьми, которыя вчера вечеромъ, кося умный глазъ на публику, бѣгали вокругъ арены подъ щелканье внимательнаго бича. Со столбовъ было снято шапито и странно глядѣлъ деревянный досчатый циркъ, лишенный крыши; на пыльной землѣ акробаты скатывали шапито въ роликъ, ихъ лица были угрюмы, злы, заспаны. Посреди фургоновъ бродилъ хозяинъ цирка Антоніо и покрикивалъ на всѣхъ съ сердцемъ. Паши нигдѣ не было видать; я обошелъ повозки, похлопалъ лошадей по гладкимъ, холодноватымъ отъ утренней свѣжести крупамъ, потомъ едва не попалъ подъ сундукъ, который, надрываясь отъ усилій, тащили къ фургону двѣ женщины. Одна изъ нихъ сказала мнѣ сердито:

— Это еще что за фруктъ подь ноги тычется?

— Скажите, пожалуйста, — спросилъ я, вѣжливо приподнимая картузь, — гдѣ я могу найти Пашу?

— Да вотъ онъ я! — закричалъ звонкій голосъ.

Паша вышелъ изъ цирка, держа на ремнѣ двухъ крѣпкихъ овчарокъ, которыя, прыгая, ловчились лизнуть его въ губы мягкими своими шершавыми языками. Былъ онъ весель, смѣшливъ, какъ всегда, все также весело напоздали ему на виски рыжеватыя кудряшки, а глаза, едва проснувшіеся, еще лѣнныя со сна, глядѣли внимательно, озабоченно: предстоялъ новый путь, новыя приключенія, новыя заботы.

— Пришелъ? — спросилъ Паша.

— Какъ видишь.

— То-то, братъ. Надо только дядѣ сказать, чтобы взялъ тебя въ науку. Только помни, братъ, наука строгая: чуть-что не такъ — тумакъ.

Мы подошли къ хозяину. Престранный былъ это человекъ: лицо у него было желтое, какъ лютикъ, на подбородкѣ вилась клочкастая бороденка, а глаза подь стекляшками очковъ смотрѣли настороженно, чего-то боялись. Онъ поглядѣлъ на меня сбоку, потомъ вынулъ кожаный портсигаръ съ тис-

неной женской головкой, и долго раскуривалъ смятую плохую папиросу, пахнущую мочалой.

— Это что за пострѣль? — хмуро спросилъ господинъ Антоніо.

Я поглядѣлъ на его волосатый подбородокъ, перепугался и сказалъ робко:

— Я хотѣлъ бы . . .

Меня выручилъ Паша.

— Это мой товарищъ, — сказалъ онъ, — хорошій парень. Возьми его въ циркъ. Онъ все согласенъ дѣлать.

Тутъ господинъ Антоніо прищурилъ одинъ глазъ, сплюнулъ въ сторону, досталъ красный, бѣлой клѣткой носовой платокъ, вытеръ губы, и, положивъ платокъ въ карманъ, вдругъ захохоталъ гулко и раскатисто. И было похоже, что во рту у него спрятана какая-то машинка, крохотный граммофончикъ, который только заведи, и будетъ грехотать себѣ, покуда не сломается. Похохотавъ, господинъ Антоніо взялъ новую папиросу, закурилъ и сказалъ, давясь отъ еще не унявшагося смѣха:

— Ко мнѣ въ циркъ? ты?

Онъ ткнулъ меня въ грудь своимъ острымъ узловатымъ пальцемъ.

— Ты?

— Я хотѣлъ бы . . .

— Ты?

— Если вы позволите...

Но здѣсь лицо господина Антоніо потемнѣло, налилось пунцовой краскою, онъ сдѣлалъ шагъ назадъ, потомъ шагъ впередъ, поправилъ очки на носу и сказалъ вѣско:

— Ты что же, гимназистъ хорошій, хочешь, чтобы полиція меня посадила въ тюрьму? А батька твой позволилъ тебѣ ко мнѣ въ циркъ идти? Иди, пока цѣль, книжки учить. Всякому свое: намъ работать, тебѣ книжки учить. Ну, марш!

Сказавъ это, онъ повернулся, отошелъ, и скоро сердитый голосъ его загрохоталъ за фургонами... Я взглянулъ на Пашу.

— Ну? — сказалъ Паша, выпятивъ презрительно губы, — можетъ, плакать будешь, синяя телятина?

— Не плакать, а дѣло дрянъ.

— Дрянъ! Ты говори: къ намъ хочешь?

— Да я...

— Говори, хочешь?

— Ну, хочу.

— Такъ иди за мной. Да иди, иди, говорю...

Онъ привязалъ овчарокъ къ колесу фургона и взявъ меня за руку, повелъ къ переднему, уже нагруженному. Оглядываясь и дѣлая мнѣ страшные глаза, Паша открылъ дверцу, я влѣзъ по ступенькамъ и едва протиснулся въ фургонъ, какъ дверь захлопну-

лась за мной; здѣсь были навалены ковры, свитки кумача, занавѣски, платья, рядкомъ стояли бѣлые стулья для эквилибристики, шесты, лѣсенки, обручи; я нашель себѣ укромный уголокъ, загородился свернутымъ ковромъ и сталь дожидаться. Чего? Не знаю. Думаль ли я о чемъ-нибудь въ ту минуту? Мнѣ казалось, что волна какая-то подхватила меня въ своей кипящей пѣнѣ и несеть, и нѣтъ у меня ни силы, ни воли бороться съ нею. На площади перекликались голоса, щелкали дверцы фургоновъ, ржали лошади. А я сидѣль одинъ въ моей вольной темницѣ... И вотъ скрипнули колеса, фургонъ закачался... Теперь мнѣ не стыдно признаться: я заплакаль, а отъ печали или радости — про то зналь только Богъ.

VI

Тѣмъ временемъ, какъ фургоны дребезжали по мелкому щебню шоссе, все дальше и дальше убѣгая отъ города, дѣдушка мой, проснувшись въ самомъ хорошемъ расположении духа, какъ онъ рассказываль мнѣ потомъ, вымылся студеной водою на ледникѣ, походилъ по саду, поглядѣль, не завязываются ли яблоки, пощурился на солнце и подошелъ къ моему окну.

— Плуть! — покричалъ онъ басомъ.

Ни звука.

— Шельмецъ! — продолжалъ дѣдъ.

И снова ни звука.

„Эка разоспался, соня,“ — подумалъ дѣдъ, сорвалъ голой рукой пукъ крапивы, изловчился и бросилъ въ окно такъ, чтобы попасть мнѣ прямо на кровать. И на это никто не отвѣтилъ. Тогда, покряхтывая, дѣдъ привсталъ на цыпочки и увидѣлъ, что постель пуста; ему и въ голову не вошло безпокоиться, но на столѣ онъ увидѣлъ конвертъ и мою надпись на немъ: „Дѣду.“ Дѣдъ протянулъ руку, взялъ конвертъ — и черезъ минуту, не разбудивъ мамы, по молодому расторопный да быстрый, выбѣжалъ дѣдъ за калитку, да бѣгомъ до угла, да тамъ — на извозчика, да извозчику: „гони, такой-сякой, за циркомъ въ погоню!“ Городовой на углу показалъ ему нашу дорогу. И вотъ поскакалъ дѣдъ слободой, заставой, среди полей, уже тучнѣющихъ, забывъ шляпу, подставляя голый черепъ злему припеку развеселаго юньскаго солнца. А какъ въ известковой пыли завидѣлъ издавеча качливые красные фургоны, всплеснулъ руками и засмѣялся счастливо.

— Ахъ, разбойникъ, разбойникъ, въ гробъ, что-ли, меня вздумалъ вогнать?

Что же было дальше? Да нечего долго рассказывать: изъ темницы своей я слышала голосъ господина Антоніо, кричавшаго:

— Никакого гимназиста я не крадь!
Отвяжитесь отъ меня!

И голосъ до боли знакомый:

— Въ острогъ сгною! Эй, плуть, гдѣ ты?

— Здѣсь! — закричала я, барабаня кулаками въ стѣнку фургона.

И ужъ дальше все пошло, какъ по маслу: циркъ себѣ поѣхалъ впередъ, мы себѣ поѣхали назадъ, я прижимался къ дѣду, терся щекой о его шелковую бороду, смѣялся и слушала, какъ дѣдъ говорилъ:

— Полагается, братъ ты мой, разложить тебя, да и всыпать горячихъ. И всыплю когда-нибудь. Но на радостяхъ порѣшимъ такое... Слышишь? Матери не скажемъ, чтобы не волновать, а чтобы тебѣ, озорнику, впредь повадно не было, поѣдешь завтра ко мнѣ въ имѣніе: будешь ты у меня, со мною вмѣстѣ, на стройку ходить, въ предбанникѣ спать, дурь твою изъ головы твоей глупой выкуривать. Слышишь?

Ахъ, дѣдъ, ахъ, золотой мой, изумрудный, брилліантовый... и, смѣясь, я отвѣтилъ ему:

— Слышу, дѣдъ!

27 Августа 1921 г.
Берлинъ

МОЙ ДЪДУШКА

Мнѣ было семь лѣтъ, а дѣду моему шестьдесятъ три, но были мы друзьями закадычными: я рассказывалъ ему объ индѣйцахъ и блѣднолицыхъ властителяхъ прерій, объ отважныхъ мореплавателяхъ и безстрашныхъ укротителяхъ змѣй, а онъ, засучивъ рукава халата и шевеля скрюченными желтыми пальцами, говорилъ мнѣ, что я расту головоуверзомъ и что меня нужно пороть. Я хохоталъ, запрокидывая голову, и дергалъ дѣда за бороду.

На зиму мы уѣзжали въ городъ, и дѣдъ оставался одинъ въ пустомъ деревенскомъ домѣ, гдѣ по ночамъ пищали мыши, ворчали древніе каштаны въ саду, и на чердакѣ, у стропиль, какъ оглашенный, засвистывалъ вѣтеръ. Тучи плыли низко надъ деревьями, дни становились холодны, и прислуга вставляла зимнія рамы.

— Прощай, — говариваль дѣдъ, крестя меня размахистымъ крестомъ, и цѣлуя въ глаза, — по веснѣ гренадеромъ будешь, а меня, можетъ, черви въ могилѣ точить стануть. Такъ-то-съ, башибузукъ.

Въ городѣ грызла меня тоска: надо было поутру рѣшать ариѳметическія задачи, учиться чистописанію, а на улицахъ не разрѣшалось ни прыгать черезъ тумбы, ни показывать городовому языкъ. Зато я писалъ дѣду длиннушія письма на восьми страницахъ и рисоваль ему картинки: моего учителя съ бородавкой на носу и мурзилокъ; въ отвѣтъ дѣдъ мнѣ присылаль деревенскіе гостинцы: желтыя антоновскія яблоки, крыжовенную пастилу и ржаныя лепешки, отъ которыхъ пахло деревней.

Помню, однажды утромъ, когда до смерти хотѣлось спать, матушка моя разбудила меня съ заплаканными глазами и сказала, что дѣдъ опасно боленъ. Тотчасъ же мы выѣхали: я, матушка и городской докторъ съ маленькимъ ящикомъ, который не разрѣшалось открывать. Въ поѣздѣ ѣхать было весело: мчались голыя осеннія поля, телеграфныя столбы, темныя отъ дождя, сторожевыя будки; кондукторъ очень ловко прощелкиваль билеты; на каждой станціи къ поѣзду выходилъ человекъ въ красной шапкѣ и смотрѣль на всѣхъ съ такимъ видомъ, какъ будто онъ по крайней

мѣръ директоръ гимназіи. Мама сидѣла въ уголку тихая, часто прикладывала къ глазамъ платокъ, пропитанный одеколономъ, а докторъ скрипучимъ и скучнымъ голосомъ говорилъ о томъ, что нарывъ въ горлѣ — это пустое дѣло, надо его прорѣзать, и дѣдъ будетъ спасенъ.

— Да, но годы, годы, — говорила матушка жалобно, — ему за шестьдесятъ.

— Пустое, — говорилъ докторъ, трещаль пальцами и зѣваль.

Отъ станціи до имѣнья дѣда нужно было ѣхать три версты; надъ желтыми полями набухали сентябрьскія злыя тучи, лѣсъ стоялъ мокрый и нахохлившійся, но я съ радостью узнавалъ родныя мѣста: вотъ Марьина горка, вотъ Бѣленышъ, вотъ Тихій доль — и билъ въ ладоши, прыгая на маминыхъ колѣняхъ. Но уже во дворѣ дѣдова дома, когда съ крыльца, качая головой и прихрамывая, сошла Настасьюшка и проговорила нараспѣвъ: „и, плохъ, батюшка, плохъ,“ мнѣ стало грустно. На лѣстницѣ и въ переднихъ горницахъ стояла душная тишина, тяжелая, точно всѣ дни здѣсь курили паклей; окна были завѣшаны и огромные стѣнные часы съ маятникомъ, похожимъ на мѣдный тазъ, не шли, чтобы не тревожить дѣда тиканьемъ.

Дѣдъ лежалъ въ спальнѣ, въ огромной, краснаго дерева, съ точеными спинками, кро-

вати, съ закутаннымъ горломъ и лицомъ багровымъ и страшнымъ; борода его была встрепана, онъ говорилъ только шепотомъ.

— Папаша, голубчикъ, что съ вами? — сказала матушка, припала къ его рукѣ, и слезы изъ глазъ ея хлынули. Сухую рукой, съ рѣзко выдающимися венами, дѣдъ ласкалъ ея голову.

— Не смѣй болѣть, дѣдъ! — закричалъ я, затопалъ ногами и побѣжалъ вонъ изъ спальни. Я забился на подоконникъ, за тюлевыя гардины, и просидѣлъ тамъ до ночи въ слезахъ. На улицѣ стало холоднѣй, и двойныя стекла запотѣли, изъ-подъ рамы тянуло сыроватымъ холодкомъ. Меня забыли. Когда стало темно, я сошелъ съ подоконника и на цыпочкакъ, самъ боясь своихъ шаговъ, подошелъ къ двери. На тумбочкѣ, возлѣ кровати дѣда, мигая, горѣла оплывшая свѣча, бросая на потолокъ уродливыя тѣни, похожія на крылья летучихъ мышей. Облокотясь о кровать, спиной ко мнѣ, стоялъ докторъ и спокойнымъ голосомъ говорилъ:

— Если вскрыть нарывъ, вы тотчасъ станете здоровы. Дозвольте, я вамъ вскрою нарывъ. Это безболѣзненно — подъ кокаиномъ. Слава Богу, не въ первый разъ въ своей жизни я вскрываю нарывы.

— Папаша, позвольте, — просила матушка, стоя на колъняхъ передъ постелью. Дѣдъ лежалъ лицомъ къ окнамъ, лобъ его былъ потень и борода слегка шевелилась. Наконецъ, собравшись съ силами, онъ просипѣлъ съ трудомъ:

— Не дамъ. Какъ укажетъ Господь, такъ и будетъ.

И покачалъ головой.

Ночью я не спалъ. Я видѣлъ, какъ въ комнату мою входила мать, становилась на стеганую цыновку передъ кивотомъ и, складывая на груди бѣлыя худыя руки, молилась Пресвятому Спасу. Припадая лбомъ къ полу, она замирала такъ, и плечи ея вздрагивали, и мнѣ становилось страшно, я сбрасывалъ одѣяло, садился въ постели и тихо звалъ:

— Мама!

Она подходила къ кроваткѣ, обнимала меня, мы плакали вмѣстѣ.

— Мальчикъ мой, — говорила она, прижимаясь ко мнѣ мокрой щекою, — если бы дѣдушка согласился... помолись за него Богу, мальчикъ.

Утромъ вѣтеръ разогналъ тучи, проглянуло солнце и небо было, какъ лѣтомъ: снопы солнца бросались въ окна, зажигая золотые багеты; желтый полъ блестѣлъ. Дѣдушкѣ стало хуже, онъ уже не могъ гово-

рить, глаза его запали и лицо осунулось. Докторъ разводилъ руками, говоря, что ни припарки, ни компрессы не помогутъ, что можетъ помочь только вскрытіе нарыва. Я подошелъ къ постели и, глядя дѣду прямо въ глаза, сказалъ строго:

— Дѣдъ, я прошу тебя, не капризничай. Ты не маленькій, стыдно.

— Иди, иди — сказала матушка, — не мѣшай дѣдушкѣ, онъ, можетъ-быть, заснетъ.

Дѣдъ закрылъ глаза, и всѣ вышли на цыпочкахъ; но за дверью мама не сдерживала слезъ, онѣ текли по ея щекамъ ручьями. Здѣсь пришла мнѣ въ голову мысль, какъ спасти дѣда. Безъ шапки, гремя по лѣстницѣ, я выбѣжалъ въ садъ, прыгая черезъ вчерашнія, уже полупросохшія лужи. Подъ окномъ дѣда росъ старый разлапистый каштанъ, ему было лѣтъ двѣсти. Я оглядѣлся кругомъ, поправилъ поясокъ на блузкѣ и, оплетая ногами влажный стволъ, полѣзъ наверхъ.

Противъ окна дѣда во второмъ этажѣ я спрятался въ листьяхъ: въ комнатѣ не было никого, дѣдушка лежалъ съ раскрытыми глазами, мутными отъ боли, глядя мимо меня на плывущія быстрыя облака; на бѣлой простынѣ, покрывавшей его до подбородка, четко обрисовывались его руки и его пыш-

ная растрепанная борода, въ которую я такъ любилъ запускать пальцы.

— Дѣдъ! — закричалъ я, высовывая голову изъ моего убѣжища, — ты видишь меня, дѣдъ?

Онъ поднялъ глаза, и взгляды наши встрѣтились. Лицо дѣда стало испуганнымъ, онъ слабо пошевелилъ пальцами. Мнѣ же некогда было терять времени.

— Дѣдъ, если ты не согласишься сейчасъ же . . . ты слышишь меня? Если ты не согласишься на операцію, я брошусь внизъ, даю тебѣ слово!

Лицо дѣдушкино изъ краснаго сдѣлалось синимъ, онъ хотѣлъ приподняться, крикнуть — и не могъ.

— Дѣдъ, дай мнѣ слово! — требовалъ я.

Здѣсь случилось необыкновенное дѣло: дѣдъ кивнулъ мнѣ головой. Мнѣ не нужно было бросаться внизъ, право, я могъ еще пожить на бѣломъ свѣтѣ!

— Я вѣрю тебѣ, дѣдъ, — проговорилъ я торжественно и, стараясь не порвать штанишки, медленно началъ слѣзать съ мокраго каштана. На землѣ я прыгнулъ черезъ ровъ, показалъ языкъ телку, глодавшему стволъ бузины, проскакалъ на одной ногѣ и, что было духу, взлетѣлъ вверхъ по лѣстницѣ, перешагивая черезъ три ступеньки. Въ спальню къ дѣдушкѣ меня не пустили; стоя

у двери, я слышалъ, какъ докторъ открывалъ свой ящичекъ и гремѣлъ тазомъ. Черезъ полчаса вышла мама съ тихимъ, счастливымъ лицомъ и, взявъ меня за руку, повела къ дѣдушкѣ. Докторъ съ засученными рукавами мылъ руки у умывальника. Дѣдъ слабой рукой взялъ меня за ухо, потомъ за носъ, по щекѣ его катились слезы.

Черезъ два дня дѣдушка уже могъ говорить. Впрочемъ, онъ сказалъ для перваго раза всего три слова:

— Сашку надо выпороть.

Я захохоталъ, запрокидывая голову и, если бы только можно, дернулъ бы дѣда за бороду — это уже непременно!

ОТРОКЪ ГОЛУБИНЫЙ

I

Въ томъ городѣ, гдѣ маменька моя забеременѣла мной, выносила и ослѣпла во время родовъ, въ каменныхъ рядахъ у насъ двѣ лавки: галантерейная и шорная, лабазы, лѣсной складъ и паровая мельница у Московской заставы. Фамилія наша Кирпичниковъ и сынъ, я и буду сынъ, а папенька въ прошломъ году померъ. Съ тѣхъ самыхъ цоръ, какъ я появился на бѣлый свѣтъ, такъ и посыпали, такъ и посыпали на насъ бѣды: ослѣпла маменька, сгорѣла паровая мельница, а въ прошломъ году отъ сильнаго подпитія умеръ папенька, и всѣми дѣлами нашими править управляющій нашъ Иванъ Стратилатычъ, толстый, коротконогій, съ бородавкой подъ лѣвой бровью и, Господь его вѣдаетъ, нехорошій онъ человѣкъ. Я не мѣшаюсь: и годы мои еще не тѣ, и умомя я слабъ.

Холодна моя ранняя юность, и часто посѣщаетъ меня мечта: люблю въ нынѣшніе августовскіе дни выдти за городъ, за бани Милосердова, ходить съ прутикомъ въ рукѣ вдоль заборовъ, глядѣть на крапиву, на зябру, на запоздалый цвѣтъ журавельника и думать о горнемъ, о великомъ, и тогда душа во мнѣ поетъ, какъ балалайка звонкая. Весной подъ заборами цвѣлъ желтый, какъ мѣдъ, пламенный жабникъ, а по осени цвѣтеть журавельникъ, и такая-растакая это жизнь, ничего я не знаю про нее.

Въ ночь подъ четвергъ маменька моя больная видѣла сонъ: явился отрокъ нѣкій, въ сермягѣ, съ посошкомъ, съ шелковыми кудрями, вѣтромъ развѣянными, и была во взглядѣ его голубиная кротость. Въ ту же пору былъ ей ровно бы гласъ съ неба: „сей пришелъ на зарѣ вельніа Господа нашего предречь, страждущихъ исцѣлить, сердца человѣческія смиреніемъ восполнить. И закрубилось, и задымилось небо, и пошелъ туманъ. Маменька моя проснулась вся въ поту, въ трепетѣ, въ страхѣ Божіемъ и начала меня кликать:

— Родя, проснись! Родя, проснись!

Я открылъ глаза, не соображу никакъ. У насъ въ дому тишина, горитъ передъ Смоленской лампада осьмигранная синяго стекла съ бѣлыми горошинами, пламень чи-

стый, безъ копоти и кивоть отливаешь червоннымъ золотомъ, лучится, играетъ, будто слезы золотыя стекають съ него дрожмя. За стѣною шуршатъ тараканы — шуршатъ тараканы, а счастья все нѣтъ въ нашемъ дому. Прилипла къ окнамъ ночь, смотритъ на постель мою тугими дремучими очами, и такой во мнѣ испугъ, что, вотъ, сметнусь сейчасъ съ постели, да голыми колѣнками на холодный полъ, да лбомъ въ половицу, и лежать такъ, покуда не придетъ Богъ.

А маменька кличетъ:

— Родя! Родя!

И голосъ тонкій у нея, щемящій; съла въ постели, впилаась худыми рученками — у дѣвочекъ такія бываютъ — въ шелковое стеганое одѣяло, и глядитъ на меня широкими незрячими глазами. А по мнѣ — дрожь. Господи Иисусе! И вдругъ, ровно пламень, засвѣтилось маменькино лицо, и вся она свѣтлая, легкая, какъ перышко, я подошелъ сталь на колѣни, а къ самому горлу мокрый клубокъ подошелъ.

— Маменька, — говорю, — маменька...

И, какъ глумной, повторяю только одно: маменька да маменька. Она руками, цѣпкими и тонкими, меня за руку, за плечо, за голову, и прижалась ко мнѣ щекой, а щека ея мокра отъ слезъ.

— Родя, услышалъ наши молитвы Богъ. Видѣніе мнѣ было, что исцѣлюсь.

И сама плачетъ, и я плачу, и оба дрожимъ.

— Родя, какой ты есть? Увижу, тебя, ненагляднаго. Какой ты есть?

— Курчавый, маменька, съ рыжетцой; и на лицѣ у меня, маменька, веснушки.

— А глаза у тебя голубые?

— Голубые, маменька, глаза. И носъ у меня широкій, какъ у папеньки покойнаго, царство ему небесное.

Говоримъ, и плачемъ оба.

— Роденька, а красивый ты?

— Не знаю. Люди есть, маменька, по-красивше меня.

Каждый день мы съ ней такъ про мою особу говорили — у маменьки всей ея слѣпенькой жизни мечта: увидѣть меня хоть разъ. Здѣсь и повѣдала мнѣ маменька объ отрокѣ голубиномъ, явившемся ей во снахъ; мы ужъ съ ней и въ Печерскую ѣздили, и къ роднику животворящему, и къ Тихону народолюбцу, и въ скиты, и подлѣзли подъ раку Чудотворца; а папенька при жизни, послушавъ людей, возилъ маменьку въ Москву, въ глазную клинику, что на Дѣвичьемъ полѣ; вышелъ къ нимъ профессоръ московскій въ бѣломъ халатѣ, съ волосами какъ у діакона, въ очкахъ, поглядѣлъ маменьку и ска-

заль, что можетъ прозрѣть, а можетъ и не прозрѣть.

Папенька, какъ пріѣхаль, еще злѣ сталь, пить сталь тверже, безобразить сталь, къ намъ въ домъ, не въ гнѣвъ Господень сказать, водилъ дѣвицъ блудящихъ. Царство ему небесное и прости ему Господь, а мы съ маменькой простили еще давеча.

Съ этой самой ночи не было мнѣ покою. Ходилъ я на паперть соборную, ко всенощной, толкался межъ нищими, что стоятъ тамъ, протянувъ сморщенные и корявые руки, толкаютъ другъ друга плечомъ и бранятся промежъ себя, подъ Божьей кровлей, собачьими словами. Спрашивалъ, не слышно ли что объ отрокъ, великой силой исцѣляющемъ немощныхъ. Старухи шамкали мягкими губами, глядѣли на меня слезивыми, красными отъ старости и хвори глазами, — говорили, что знаютъ, и не знали ничего, и давалъ я имъ, сирымъ копѣчку.

— Молитесь за грѣшную рабу Божью Прасковью.

Ходилъ и на базаръ, когда, со вставшимъ солнцемъ, подымается тамъ говоръ, зыкъ и смѣхъ, и за лотками, среди веселой, гульливой брани, заываютъ покупателей бабы, наѣхавшія съ деревень, звенятъ чашки вѣсовъ, ахово пахнутъ яблоки, прѣющія въ мѣркахъ, стучать безмены, нераспряженные лошади

фыркають, брызжа бѣлой, какъ молоко, слюной, и жарко дышуть въ овесные мѣшки, нацѣпленные имъ на морды. Заходилъ и въ трактиры, гдѣ мужики, скинувъ пиджаки, взявъ въ горсть бѣлыя съ золотыми ободками блюда, пьютъ первую пару чая, скидываютъ жилетки, пьютъ вторую пару, крикають и, разстегнувъ воротъ пропотѣлыхъ рубахъ, кличуть полового, чтобы несть третью. Заливается въ клѣткѣ кенарь, надъ стойкой тучами рѣютъ мухи, со стѣны глядитъ царь императоръ въ красномъ гусарскомъ мундирѣ, съ бѣлыми галунами и крестами блистающими.

— Ну, купецъ, — кричали мнѣ мужики, — какъ торгуешь?

— Поторговываемъ, — говорю.

— Какъ народъ обираешь? Не обманешь, паря, не продашь.

Объ отрокѣ и тутъ не слыхалъ никто. Но по городу прошелъ уже слухъ, что ищемъ мы съ маменькой отрока, и повалилъ къ намъ съ задняго крыльца всякій Божій народъ, старики, звенящіе веригами, бездомные прощальги, хитрые пареньки съ оловянными цѣпочками о-борту, приживалки купеческія, дьячки со всѣхъ церквей, говорящіе гнусаво и божественно, съ жиденькими бородками клинушкомъ. Маменька приказала всѣхъ ихъ поить и кормить, а кому ночевать

негдѣ, такъ пусть у насъ ночуетъ. И ночевало у насъ эти дни всякого народу великое множество, сперва въ людской, потомъ и въ сѣняхъ, потомъ и на кухнѣ; а скоро пришлось отворить каретникъ, вывезти коляски подъ навѣсъ, и народъ ночевалъ въ каретникѣ. Пропалъ у насъ въ эти дни гусакъ, а потомъ кто-то негодный польстился на шлею старую. Хлѣба у насъ пеклись съ утра до вечера, пироги съ грибами, съ лукомъ и яйцами, лепешки, а щи варили въ чанахъ чугунныхъ. Подъ вечеръ я сходилъ внизъ, выходилъ на крылечко, садился рядомъ съ бывалыми людьми и слушалъ, что рассказываютъ. Ссорились они между собой всякую минуту, и такое рассказывали, чего не бываетъ нигдѣ.

Какъ-то зашелъ къ намъ во дворъ мужчина серьезный, крѣпкій, въ опойковыхъ сапогахъ, въ расшитой красными крестиками косовороткѣ подъ двубортнымъ пиджакомъ, изсиня-черная борода курчавилась у него, какъ у цыгана, и поступь его была грузная. Подошелъ, снялъ картузь и сказалъ медлительно:

— Миръ дому твоему, хозяинъ.

Возлѣ меня сидѣлъ старичокъ одинъ, говорилъ, что въ гайтанѣ у него кусочекъ мощей зашить, наклонился къ моему уху и шепчетъ:

— Знаю его, сынокъ, мерзавецъ онъ первыхъ сортовъ. Вотъ слухай, какіе загибы поидеть тебѣ загибать, шушера базарная.

Мужчина поглядѣлъ на него тяжелымъ взглядомъ, взялъ бороду въ горсть и проговорилъ:

— Имя мое — братъ Сергѣй. Слыхаль, надо знать?

А самъ все на старика косить, и, вижу, на правомъ глазу у него бѣльмо.

— Будь гостемъ, братъ Сергѣй.

Старичку моему не сидится, егозить все, будто на жаровнѣ сидить, поегозиль, пожался, да и спросилъ вдругъ кашляющимъ, насморочнымъ голосомъ:

— Кто ты есть?

— Рабъ Господень.

— Власть имѣешь каку?

— Власть Господа Бога моего.

— И въ спинжакахъ ходишь?

Промолчалъ тяжело.

— Все можешь содѣять?

— На то воля Вышняго есть.

— И отрока священнаго мѣсто тебѣ извѣстно?

— Про то съ хозяиномъ станемъ говорить. Что же, хозяинъ, веди въ горницу, я не бродяга, и не разстрига, не бѣглый послушникъ, не купецъ прихлебатель. Брата Сергѣя калмыцкія степи знаютъ, губерніи

сѣверныя, и подѣ Москвой, и подѣ Кіевомѣ. Братъ Сергѣй — уши русской земли. Есть еще братъ Никифоръ, тотъ — глаза русской земли. Оба они на русской землѣ исключительно одни. Веди, что-ли, хозяинъ, въ горницу, потолкуемъ.

Стоялъ и глядѣлъ на меня неотступно, и я глядѣлъ на его лицо, темно-коричневое отъ загара, почти черное, будто опаленное огнемъ; ротъ у него былъ жесткій, своевольный, а взглядъ изъ-за бѣльма невѣрный, но давящій; и была въ немъ влекущая, привораживающая сила, темная сила, съ которой не совладать. Я всталъ и повелъ его въ горницу; когда мы подымались по лѣстницѣ, подѣ нимъ гнулись ступени, и покуда я шель впереди, я чувствовалъ на своей спинѣ сверлящій взглядъ его глазъ: отъ него шла пронизывающая теплота, заливающая тѣло сладостью небывалой, и я зналъ уже, что скажи этотъ человѣкъ: „иди за мной“, и я пойду за нимъ, и склонюсь передъ нимъ, и слова его буду ловить съ трепетомъ, какъ мальчишка на лугу ловить сачкомъ пестрокрылыхъ бабочекъ.

II

Въ нашемъ дому чинъ и благолѣпіе. Мой дѣдъ въ отрочествѣ былъ газетчикомъ, зи-

мой въ ватной кацавейкѣ, трижды заплатанной, дуя въ красные кулачки, бѣгалъ на станцію, что въ десяти верстахъ отъ города, къ почтовому, накупаль у кондуктора газетъ на полтинникъ, потомъ бѣжалъ сугробами назадъ десять верстъ и до вечера, притоптывая валенками, стоялъ на углу и осипшимъ голосишкомъ зазывалъ прохожихъ:

— Газеты свѣжія только получены!

Но до газетъ въ нашемъ городѣ охочихъ было мало; подросши, мой дѣдъ выкралъ на базарѣ у купца кошелекъ со ста рублями, купилъ ларекъ и торговалъ рахатъ-лукумомъ женскими шпильками и целлулоидовыми пудреницами, расторговался, купилъ оружейный магазинъ на Купеческой, продавалъ фейерверки, шутихи, пистолеты, двухстволки, порохъ и дробь. На сороковомъ году, когда на смѣну рыжаго волоса поползла изъ его щекъ ранняя сѣдина, женился на дѣвицѣ рокового поведенія, но денежной, съ домикомъ, силою нрава своего заставилъ дѣвицу родить отца моего и померъ въ почетѣ, въ уваженіи, а похороненъ подъ мраморнымъ монументомъ съ золотой надписью: „жизнью пользуйся живущій, прахъ Ивана Кирпичникова, купца второй гильдіи, здѣсь упокоется съ миромъ.“

При моемъ отцѣ куплены лабазы на Овечьей канавкѣ и въ каменныхъ рядахъ обѣ

лавки: шорная и галантерейная. Какъ-то зимой, въ крещенскіе морозы, когда снѣгъ въ поляхъ твердъ, какъ епанча, и лѣса закованы въ латы, папенька мой, возвращаясь отъ знакомаго помѣщика въ изрядномъ подпитіи, подобралъ въ полѣ замерзшаго чело-вѣка, почернѣлаго, въ лохмотьяхъ — то и былъ Иванъ Стратилатычъ, нынѣшній нашъ управляющій, нечистый чело-вѣкъ, Господь его прости. Оказался Иванъ Стратилатычъ догадливъ и смышленъ, папеньку умѣлъ ублажать, и когда, бывало, стукнетъ его папенька бутылкою по черепу, то вынетъ платокъ, одколономъ пахнущій, прижметъ къ синяку и скажетъ съ улыбкою, намекая на кровавый свой кровоподтекъ:

— Мѣченый воръ двухъ честныхъ стоитъ.

А папенька мой, разумѣется, въ хохотъ. При Иванѣ Стратилатычѣ папенька и паровую мельницу пріобрѣлъ: игралъ съ купцомъ Маленькимъ въ шмоньку, три шкуры съ него спустилъ и кличетъ напоследокъ:

— Ставь, степенство, жену твою бѣ-лую на-конь!

Тотъ вложилъ пальцы въ ротъ, свиснулъ, плѣшью сверкнулъ, велѣлъ подать содовой да и кричитъ въ голосъ:

— Ставлю жену мою бѣлу на-конь!

У него осьмерка, а у папеньки, счастье ему, де-вя-точ-ка!

— Ну, — говоритъ, — пузо мѣдное, на кой мнѣ жена твоя, когда у меня своя есть? Грѣхъ одинъ.

Тутъ Иванъ Стратилатычъ и шепчетъ ему:

— Не вѣрь коню въ полѣ, а женѣ въ домѣ. Бери отъ него, Ефремъ Алексѣичъ, паровую мельницу.

Такъ и стала паровая мельница наша, т-ва Кирпичниковъ и сынъ.

Въ дому нашемъ чинъ и благолѣпіе. Мебель старомодная, съ раскидными подлокотниками, затянутая сукномъ, комоды краснаго кедра, часы съ боемъ на ля бемоль, иконы византійскихъ копченыхъ ликовъ, и пахнетъ въ комнатахъ ромашкою, лампаднымъ масломъ и духомъ тяжелыхъ обѣдовъ. Дни у насъ длинные, тягучіе, православные, въ праздникъ беремъ Чудотворную на трое сутокъ и теплимъ передъ Нею яровчатая свѣчи, воскъ съ нихъ стекаетъ желтый, прозрачный, будто цвѣточный медъ. Тишина благолѣпная въ дому нашемъ. И какъ темница нашъ домъ: громкое слово въ немъ страшно сказать, каблукомъ простучать, по навощенному полу никакъ невозможно.

И вотъ въ домъ нашъ монастырскій вошелъ братъ Сергѣй. Вошелъ въ спальню маменьки вольно, будто сродственникъ, велѣлъ Ивану Стратилатычу выйти вонъ, а мнѣ бровью шевельнулъ: оставайся, молю. Матушка ле-

жала блѣдная, жалкая, изъ-подъ наковки ея выбились все еще не сѣдѣющіе волосы и пали ей на виски. И по рукамъ ея, тормозящимъ простыню, и по пересохшимъ губамъ ея, и по испаринѣ на лбу я видѣлъ, какъ сильна въ ней мечта.

— Миръ тебѣ, женщина, — сказалъ братъ Сергѣй, подойдя къ постели и положивъ на маменькинъ лобъ свою широкую потную ладонь.

— Приди въ мой домъ съ миромъ, — сказала матушка, — помоги мнѣ, если Господь тебя осѣнилъ.

— Чѣмъ страдаешь?

— Глазами страдаю. Лишилъ меня Господь свѣта.

— Сына зачала съ гнѣвнымъ сердцемъ, черезъ то и наказана. Такъ вѣдь? Все, женщина, вижу, все знаю, ибо даны мнѣ уши. Молись по слову моему, и сбудется.

Сказалъ и, подойдя ко мнѣ, велѣлъ указать комнату, гдѣ могъ бы молиться о маменькѣ; я отвелъ ему угловую, ту, гдѣ папенька скончался въ мукѣ мученской: тамъ обои темныя, и мебель тяжкая, и тихо какъ въ гробу. Тамъ и сидѣлъ братъ Сергѣй цѣлую недѣлю, и къ маменькѣ не выходилъ, и ждать велѣлъ; въ двѣнадцать наказывалъ носить къ себѣ обѣдъ, въ четыре квасъ сахарный и ржаные коржики, а въ восемь ужинъ; послѣ ужина призывалъ къ себѣ меня, паль-

цемъ указывалъ куда състь, тарашилъ на меня бѣльмо свое бѣлое и, поднося свое натуженное, кирпичное лицо близко къ моему, говорилъ хриплымъ, могучимъ голосомъ:

— Что по Руси настроено? Храмы настроены. Присутствуетъ ли Богъ тамъ? Нѣту Бога въ церквахъ, ибо торгующіе наполняютъ храмы, лицемѣры, лиходѣлы, фарисеи и обманщики. Отъ священнослужителей въ ризахъ золотыхъ, въ камилавкахъ лиловыхъ, отошелъ Господь, ибо предались священнослужители чревоугодію и жизнелюбію, и сошелъ Господь на двухъ братьевъ въ міру: брата Сергѣя и брата Никифора. Оные братья правду Господню по русской землѣ несутъ, къ нимъ прибѣгайте, людіе.

Бѣлое бѣльмо на глазу брата Сергѣя было близко отъ моихъ глазъ и будто скрывало, будто застило темный свѣтъ, готовый пролиться изъ его глазъ.

— Придетъ время, опустѣютъ храмы, одни нищіе люди останутся на церковныхъ папертяхъ, всколыхнутся по всей Руси шаромыжники, воры, убійцы, дѣти продадутъ отцовъ и матерей своихъ, хозяева пожрутъ цѣпныхъ собакъ своихъ, и разольется по землѣ зловонный смрадъ и омерзительная вонь. Глянетъ Господь на созданіе рукъ Своихъ и заплачетъ Господь, и прольются слезы Его на землю потоками крови дымной, пепломъ по-

жаровъ, горемъ горючимъ. Бойтесь времени этого, людіе. Вы отшатнулись отъ Господа, и Господь отшатнулся отъ васъ. Придете тогда ползучіе, тряскіе, гнусные, подползете на животахъ къ Его святому алтарю, но дыханіе ваше будетъ смрадно, и слова ваши, какъ гири, тяжелы, и не дойдутъ заплеванныя ваши молитвы до сердца Господа. Нынѣ глаза ваши слѣпы, и не видите мѣченыхъ печатью Божьею. Ибо скажете: братъ Сергѣй, спаси насъ! И не спасетъ братъ Сергѣй, ибо будетъ поздно.

Братъ Сергѣй вставалъ, и свѣча, горѣвшая на столѣ, оплывшая, съ кособокимъ пламенемъ, кидала позади него громоздкую черную тѣнь, подымавшуюся къ потолку, будто крылья.

—Идите ко мнѣ, покуда не пропѣлъ третій пѣтухъ. Недужные — исцѣлю васъ, въ сомнѣніяхъ погрязшіе — просвѣтлю васъ, ненавидящіе — научу васъ пресвѣтлой любви. Дана мнѣ власть свыше и слышу издавеча ревъ страданій вашихъ, и съ Господомъ моимъ скорблю о васъ!

Крѣпкій голосъ его гудѣлъ, какъ колоколь, бился о стѣны и наполнялъ пустыя комнаты ужасомъ и трепетомъ, и моя слабая душа исходила изъ меня, какъ паръ. И ночами, во снѣ, метался я въ пламенномъ жару, неотступно видя наливавшійся кровью глазъ съ

неподвижнымъ бѣлымъ бѣльмомъ; голосъ брата Сергѣя наполнилъ меня, какъ пустую бочку, и всѣ эти дни ходилъ я шалый, растерянный, и маменька моя лежала безсловесная, какъ пласть.

На седьмой день, къ вечеру, снова призывалъ меня братъ Сергѣй. Лицо его посѣрѣло, покрылось морщинами, онъ пилъ, отдуваясь и отхаркиваясь, клюквенный морсъ, круто, по бычьей, ловодилъ шей и сумрачно гядѣлъ себѣ въ ноги.

—Завтра,—сказалъ онъ, помолчавъ.

Сердце во мнѣ покатилося, зазвенѣло, расколосось вдребезги.

—Что?—спросилъ я.

—Собирай мать. Ёдемъ къ отроку брату Никифору, иже во лѣсахъ живеть.

И вдругъ, вставъ, выпирая волосатую широкую грудь, видную изъ-подъ разстегнутой косоворотки, протянулъ руку съ указательнымъ скрюченнымъ пальцемъ и молвилъ, блестя бѣльмомъ:

—Выди.

И пошелъ я, поблѣднѣвъ, и сѣлъ въ горницу на отцовъ диванъ, и плакалъ въ предчувствіи великаго.

III

Напутственное молебствіе служили соборнымъ причтомъ у насъ на дому, протоіерей Никодимъ, махонькій, прибитый, въ красно-золотой ризѣ, выпроставъ на спину сѣкущіеся колнистые волосы, подымалъ глаза на икону, глядѣлъ въ потолокъ и дрожащимъ голосомъ пѣлъ псалмы; самъ о. протодіаконъ, воздымая орарь, возглашалъ эктиніи и наполнялъ горницу нашу гремящимъ голосомъ и луковой отрыжкой. Мнѣ бы столпникомъ быть, во власяницѣ на пнѣ, источенномъ муравьями, стоять, слушать ходъ облаковъ горнихъ, и ростъ травы, и трепыханіе листьевъ осино-выхъ, и дыханіе Господа, звенящее по міру: гей, Господи, гей, Сладчайшій, какъ заслышу имя Твое, нѣтъ печали въ моей душѣ, ни тяготы, ни гнѣва, ни похоти; какъ завизжу мерцаніе свѣчей Твоихъ—міръ обыву, какъ шею маменьки моей слѣпенькой, и на жертву пойду, которой нѣтъ имени...

Вечеромъ того же дня, поцѣловавъ святой крестъ, мы съ маменькой и братомъ Сергѣемъ выѣхали. Ъхать надо было машиной двѣсти верстъ, до города Городища, а оттуда лѣснымъ путемъ до отрока Никифора села. Маменька сидѣла слабая, блѣдная, кутала худенькія плечи въ ковровую шаль и глядѣла на пыльные доски, на тарабарящій

вагонный людъ опасливыми глазами, которые не видятъ свѣта.

И сказала мнѣ однажды:

—Зноблюсь во страхъ, Родя.

И еще вдругорядъ:

—Чуда жду.

Братъ Сергѣй на каждой станціи бѣгалъ съ чайникомъ за кипяткомъ, грызъ баранки, сдвигалъ брови, какъ жукъ, и помалкивалъ; былъ онъ теперь не страшный, не злой — такъ себѣ, коренастый мужчина. И такъ мы доѣхали. Въ Городищѣ заночевали на постояломъ дворѣ, и въ ту же ночь, душную не по августовски, полную мушинаго жужжанія и свѣтомъ луннымъ, привидился маменькѣ отрокъ голубиный во второй разъ; на тонкихъ женскихъ плечахъ его висѣлъ бѣлый просторный хитонъ, и горѣло въ груди распаленное до-красна, какъ горнъ, червонное солнце; здѣсь возмись со стороны голубь крапчатый, съ красными глазами, закружилъ надъ головой отрока и сѣлъ ему на плечо; крыльями взмахнулъ, клювомъ повелъ и голосомъ человѣчьимъ рекъ:

— Въ отрокѣ семь сила русской земли, она же исцѣлитъ тебя, Прасковья. Имя же ему Никифоръ.

Налетѣли тутъ стрекозы быстрыя, со звонкими стеклянными крыльями, такой звонъ

отъ ихъ лета пошелъ, и грянулъ хоръ чиновъ ангельскихъ, ослѣпительно снѣжныхъ.

Маменька моя плакала во снѣ. Знала — будетъ чудо.

Отъ Городища мы ѣхали на подводѣ, на сѣнныхъ мѣшкахъ. Сперва стлались вокругъ горбатыя поля, выстриженные что головы школьниковъ, вышедшихъ изъ цырюльни, рѣяли надъ ними вороны, черныя грузныя каркалки, не люблю я ихъ — горевѣстницы. Сыроѣжнымъ вѣтромъ тянуло съ земли. Въ яругахъ и балкахъ, гдѣ сыро, алѣлъ пузырникъ, топорщась перегибами стеблей, крытыхъ липкимъ волосомъ. Въ деревняхъ, въ трактирѣ, сходили мы пить чай изъ пузатыхъ чайниковъ, маками расписанныхъ. Братъ Сергѣй молчалъ сумрачно. А маменька, попивъ чайку, рассказывала:

— Ослѣпла я, милые, четырнадцать лѣтъ назадъ, и четырнадцать лѣтъ мой крестъ не су. А ѣду къ отроку голубиному, что во лѣсахъ живетъ.

— Къ Никифору, что-ль, убогая? — спрашивалъ цѣловальникъ, скребъ ногтемъ по столу и косился на брата Сергѣя.

Въ деревенскихъ садахъ сотрясали послѣднія яблоки; дѣвки, загрубѣвшія на жнивьяхъ, собирали ихъ въ плетенныя корзины, и ржавые листья, шурша, падали имъ на сильныя спины. Тамъ и сямъ торчали палками

обнаженные сучья. Свистѣли синицы, въ елкахъ цыкали клесты, паутина плавала въ воздухѣ и приставала къ штанамъ.

А тамъ дорога пошла лѣсомъ сосновымъ, красноствольнымъ, шумящимъ какъ морскіе валы, и солнце, продираясь въ пролѣски, падало румянцемъ на гнѣзда рыжиковъ, еле видныхъ на усѣявшихъ землю прошлогоднихъ иглахъ.

Ѣхали сутки и къ началу вторыхъ показалась межъ дугою и запряжшими ушами лошади маленькая деревенька, стиснутая лѣсомъ, дворовъ въ десять, не болѣ. Посреди улицы смирно стояла корова, на рогу ея сидѣлъ свиристѣль; у околицы, облокотившись на жердь, два мужика — рыжій и черный — запрокинувъ головы, глядѣли на позлащенные солнцемъ сосны. Братъ Сергѣй снялъ шапку, мужики тоже сняли шапки, рыжій сказалъ:

— Откудова, щипаный, жалуешь?

А черный отвѣтилъ за брата Сергѣя:

— Безперечь оттель, откель пришель.

Братъ Сергѣй соскочилъ съ передка, отряхнулъ пыль со штановъ и пошелъ рядомъ съ лошадыю, поправляя подпругу, телѣга заскрипѣла, заныла, болболкая чугункомъ, и завернула къ крайней хатѣ. Баба въ высоко подоткнутой юбкѣ, такъ что колѣни было видать, въ кумачевой выцвѣтшей

рубахъ открыла ворота и глянула на меня, и какъ увидѣлъ я быстрый огонь въ глазахъ ея, запунцовѣлъ, застыдился, опустилъ очи долу.

— Къ Никифору, что-ль, за помощью? — спросила баба груднымъ пѣвучимъ голосомъ, и отъ этого ея голоса будто огонь прошелъ по жиламъ моимъ, и взглянуть не посмѣлъ, какая такая она.

— Къ Никифору, — отвѣтилъ братъ Сергѣй, — здравствуй, пожалуй, жана.

Телѣга въѣхала подъ навѣсъ, маменька моя устала съ дороги, притомилась, обмякла, вялая щеки ея зажглись румянцемъ, а когда я вель ея въ избу, такъ тяжело на руки мои налегла, что у меня духъ перехватило; тутъ подошла молодайка, отпихнула руки мои и схватила маменьку подъ мышки; только и увидѣлъ я блестящіе зубы ея, улыбкой оскаленные, да мотнувшіяся груди подъ рубахой — Господи, въ домѣ-то съ отрокомъ святымъ!

Въ избѣ хозяйка стала проворить обѣдъ, братъ Сергѣй пошелъ къ брату Никифору, а мы съ маменькой сѣли у бѣлаго чистаго стола, въ красномъ углу; и вся изба была чистая, вымытая, стекла въ окнахъ цѣльныя, въ шкафчикѣ бѣлѣла посуда, бѣлаго стекла фигурки, изъ тѣхъ, что на ярмаркахъ можно выиграть, попадая въ цѣль изъ пружиннаго

ружья. Повозившись у печки, хозяйка стала стлать на столъ скатерку, я видѣлъ розовыя руки ея, загорѣлыя, закопченныя солнцемъ, узловатыя пальцы, широкія ногти на нихъ, выгнутыя круто. Маменька стала разсказывать, какъ ослѣпла отъ женской муки, во время родовъ, и о снахъ своихъ пророческихъ, и о томъ, что четырнадцать лѣтъ будто въ чуланѣ живетъ, и о томъ, какъ иной разъ, забывъ Господа, въ ярости грызетъ подушки, крича: „солнышка мнѣ дайте, солнышка!“ Я пересталъ робѣть, поднялъ голову. Тутъ вошелъ братъ Сергѣй.

— Божьими милостями да молитвой отрока излѣчишься, женщина, — сказалъ онъ, сѣвъ за столъ, бросилъ на волосатыя руки подбородокъ и скосилъ на маменьку бѣльмо. — Братъ Никифоръ съ колыбели немощень и прикованъ къ одру, за страданія дадена ему отъ Господа великая сила. Молись, женщина, и надѣйся на Божій перстъ исцѣляющій. А покуда гостя будь, перекуси.

Столъ у нихъ былъ хорошій, сытный, но ни мнѣ, ни маменькѣ моей пища не шла. Братъ Сергѣй говорилъ о томъ, какъ генеральша молитвами отрока отъ падучей исцѣлилась, какъ ѣздить къ нимъ люди не послѣдніе просить Божьей благодати. И вдругъ, рыгнувъ, сказалъ простодушно:

— А хорошо бы, жана, селедочку подсолонцевать.

И, вставъ, подошелъ къ шкапу, налилъ рюмашечку настойки и опрокинулъ въ ротъ — только головой мотнулъ.

Въ тотъ же день допущены мы были до брата Никифора.

Чуланчикъ такой былъ пристроенъ къ избѣ брата Сергѣя, кѣтушечка, съ прощелками, въ которыя продиралось солнце, шаговъ въ пять наперекъ, и у стѣнки, на деревянной койкѣ, на сѣнномъ тюфякѣ лежалъ отрокъ голубиный, нѣжненькій, тоненькій, и руки его были и лицо его было желтыя, будто изъ янтаря, а глаза свѣтлые и ясные. Вошедши, мы стали съ маменькой на колѣни и дивный трепеть насъ обуялъ. Слышимъ, скрипнула койка — видно, руки надъ нами свои простеръ. И тутъ же услышали мы его голосъ, намъ сказавшій:

— Чего отъ меня хотите?

— Батюшка . . . батюшка, — задохнулась маменька моя, и кинуло ее въ дрожь. А у меня по всѣму тѣлу — будто муравьиные укусы, не слышу ничего, и не внимаю ничему, а доски пола колѣни жгутъ, будто раскаленные плиты. Только и слышу — „молись, молись“, — говоритъ. И вдругъ какъ возопитъ гласомъ пронзительнымъ:

— Безъ дѣлъ вѣра ваша мертва! Дѣла
угодны Господу!

— Выходите, — сказалъ братъ Сергѣй,
— ибо нисходитъ на него Господь.

Вышли мы и стало передъ нами такъ
свѣтло, будто горитъ тысяча свѣчъ, и такое
у насъ въ сердцѣ безпокойство, что ноги
подкашиваются.

— Великую молитву нынче будетъ братъ
творить, — сказалъ братъ Сергѣй, проведя
насъ въ избу, — и сбудется по молитвѣ его,
ежели сами не накличете бѣсовскихъ силъ.
Ты, женщина, съ колѣнъ цѣльную ночь не
вставай, а, ты, отрокъ, блюди себя всю ночь,
чтобы ни мыслию, ни сердцемъ, ни помы-
словъ во искушеніе не впасть. Великой мо-
литвы ничѣмъ не оскверни, грѣхъ по чула-
намъ бѣгаетъ, ему только щелку покажи
— въ щелку гремучей змѣей прогремить,
Божью благодать отпугнетъ. Много отъ насъ
не исцѣленныхъ ушли, съ проклятіемъ Бо-
жїимъ, съ пятномъ на сердцѣ нечистомъ.
И нужны, женщина, щедрые дары, не отроку
Никифору, а Богу.

Маменька тутъ же, не переводя духъ,
приказала мнѣ мѣшокъ размотать, отсчитать
тысячу, и еще свой натѣльный крестъ, брил-
ліантами осыпанный, положить подъ отрочьи
ноги. Братъ Сергѣй деньги и крестъ взялъ,
осѣнилъ себя знаменіемъ, спряталъ ихъ,

вставъ на табуретъ; за божницу, еще разъ осѣнилъ себя знаменіемъ и крикнулъ въ сѣни:

— Татьяна, горницу для молитвы убери.

Много во мнѣ было чувствъ всякихъ и потянуло меня въ лѣсъ. Дѣло шло къ вечеру, мычали близко коровы, мужики въ грязныхъ замашныхъ рубахахъ сидѣли на дубьяхъ, курили цыгарки и гуторили. Я прошелъ гумномъ, заглянулъ на варокъ, перелѣзъ черезъ городьбу и вошелъ въ сосны, прямая какъ кегли на городскомъ нашемъ кегельбанѣ. Вотъ этакъ могу день-деньской бродить, топча алую костянику, черничный листь, состегивая прутикомъ волчью ягоду, воображать себя отрокомъ святымъ, либо русскимъ царемъ императоромъ, къ народу милостивымъ и мудрымъ мудростью царственной. Я бы порфиры не надѣваль, ни мантии горностаевой, я бы въ сермяжкѣ ходилъ, въ тяжевыхъ порткахъ, бичевой-бы льняной подпоясывался, слушалъ бы, гдѣ народъ ропщетъ, гдѣ нужды и нищенство живутъ, и Бога бы на русскую землю призывалъ. Ужъ такой въ осеннихъ соснахъ сладкій перезвонъ, ужъ такая-то на шелушенныхъ стволахъ ихъ закатная багряница лежитъ, ужъ такой-то парный духъ отъ смоды, отъ иглъ идетъ: пышна земля наша подъ Господомъ, Божій плодоносный огородъ, всѣ мы, люди, у Господа огородники.

Надышался я воздухомъ и, какъ солнце сѣло, вернулся до дому. Иду, и боязно мнѣ: маменька въ хатѣ ужъ на молитву стала, видно, и братъ Никифоръ на великую молитву въ своей клѣтѣ сталъ — какъ ночь сію проведу, не согрѣшу ли мыслию, не спугну ли серафимовыхъ крыль, исцѣленіе маменьки моей несущихъ? И въ слабости моей, въ моей духовной немощи порѣшилъ я ночь эту на копенкѣ поздней, что во дворѣ, у закуты, крѣпко уснуть. Какъ скроешься на дню отъ діавола: мысль твою похотливую клубкомъ завьеть, руку на нечистое дѣло толкнетъ, сердце злобою, какъ чашку пустую, наполнить. Во снѣ же стоитъ въ головахъ ангель мой хранитель, бережетъ.

На крыльцѣ, почесывая грудь, стоялъ братъ Сергѣй, уже темно было, не видно ни лица его, ни бѣльма на глазу. Слышу, сказалъ мнѣ шопотомъ:

— Ты въ избу не заходи, молитвы не слушай. Поди на сѣнникъ засни.

— Я въ копенкѣ, братъ Сергѣй.

— Ладно, спи съ Богомъ.

Посидѣлъ, поглядѣлъ на сиреневое небо и ушелъ въ хату. А ужъ сырость на землю пала, ночи къ концу августа въ нашихъ мѣстахъ не больно теплы. Подошелъ я къ копенкѣ, легъ на спину и руки раскинулъ, гляжу въ небеса: эхъ, звѣзды зажглись, рай-

скіе свѣтлячки, лукавятся, играютъ, перемигиваютъ. Такъ подумаешь иной разъ: спустить Господь лѣстницу со звѣздъ къ малой моей копенкѣ грѣшной: приди, скажетъ, во царствіе Мое, ибо въ этой жизни ты малъ и сирѣ.

И привидѣлся мнѣ смутный сонъ. Закипѣла кровь моя, возвеселилась душа, встала, крылья раскинула, гляжу, а она — грѣшная. И сладокъ грѣхъ ея, и веселье, и черенъ. Тянется къ чему-то — а къ чему, самъ не пойму. Что въ жизни сей не извѣдано? И грѣхъ во мнѣ непролитой водою лежитъ. Грѣхъ во мнѣ — а я не раскаянный. Тутъ примерещилось невозможное, охнулъ я, застоналъ, и сонъ отлетѣлъ отъ меня.

Ночь, видно, была поздняя, а ужъ тихо кругомъ — до звона, и небесная шапка дрожить, то ли отъ холода, то ли отъ сна... Въ закутѣ, слышно, боровъ вздохнулъ, Господи, съ нами Твоя святая сила!..

Всталъ, озираюсь дико, и вотъ такое чувство на душѣ, что на безуміе готовъ. Здѣсь услышалъ я голосъ ея лукавый, и покатилося сердце мое.

— Не спишь?

Чувствую, стоить рядомъ. Господи, не отойди отъ меня!

— Зачѣмъ ты здѣсь? — говорю, и не смотрю на нее, и голоса своего не слышу. Засмѣялась.

— Прогуляться вышла. Тѣло на постели разошлѣло.

Стоить близко отъ меня, дыханіе ея слышу, жаръ тѣла ея слышу, миѣ бѣжать бы, а не могу бѣжать.

— Больно ты тихій, желобозненькій ты мой.

— Уйди, — говорю, а голоса моего нѣтъ.

— Цалуешься-то, чай, сладко?

Смѣется. Тутъ поднялъ я глаза, ротъ ея пунцовый, жаркій увидѣлъ, и сила во миѣ поднялась богатырская. Только охнула. Потонулъ въ грѣхѣ до третьихъ пѣтуховхъ.

Съ той поры и до сихъ послѣднихъ лѣтъ несу мой послухъ монастырскій. Не о себѣ Бога молю — молю Господа, чтобы маменькѣ моей слѣпенькой далъ Господь въ Царствіи своемъ зоркія очи, чтобы оттудова, отъ звѣздъ, отъ облаковъ бѣлоперыхъ увидѣла маменька сына своего и мукѣ его на землѣ, какъ лучшей радости, порадовалась.

ПАЛОЧКА-ВЫРУЧАЛОЧКА

I

Свобода вышла Николаю Федоровичу, бывшему кандидату правъ, въ январѣ, а на масляной онъ пріѣхалъ на родину, къ брату.

На масляной во всѣхъ уважаемыхъ домахъ города виситъ, какъ роса болотная, угарный блинный чадъ, въ кухняхъ, у раскаленныхъ плитъ, томятся отъ жары, отъ хозяйкиныхъ окриковъ, отъ безсмѣнной работы кухарки съ распаренными, злующими лицами, столы ломятся отъ рыбы, икры, винныхъ бутылокъ, отъ стопокъ блиновъ, похожихъ на поповскія камилавки, и къ часамъ пяти во всемъ городѣ не сыщете бодрого, не посоловѣвшаго чело-вѣка. Такая она масляная, широкая. На морозныхъ улицахъ, устланныхъ февральскимъ снѣгомъ, скрежещутъ полозья, смѣются мѣдной усмѣшкой бубенцы, ржутъ кони, и на саняхъ, на розвальняхъ, на подшивахъ, застланныхъ коврами поверхъ подушекъ и перинъ, горланять пѣсни безмятежныя ком-

паніи. А сверху, съ застуденѣвшаго неба, безкрайной стѣной валятъ снѣжныя хлопья и падаютъ, вѣясь, на башлыки.

Пять лѣтъ Сибири доканали Николая Федоровича: прежде онъ былъ румянь, безусь, статень и носилъ въ себѣ неукротимую жадность къ жизни; прежде онъ любилъ людей, каждаго встрѣчнаго человѣка, любилъ говорить, умѣлъ прощать. Теперь онъ исхудалъ, постарѣлъ, сталъ нелюдимъ и странень. Жизнь Николая Федоровича сложилась неровно: дѣтство его было трудное, нищее, голодное, молодость обласкана удачею, а тамъ свалилось это, темное, никто не повѣрилъ ему сначала, а оно пришло, и потому, что пришло оно, замуслило, захватало грязными лапищами, всѣ начали вѣрить этому темному, сначала жалѣли Николая Федоровича, потомъ язвили, а когда Николай Федоровичъ былъ осужденъ и сосланъ, то просто забыли Николая Федоровича. И стали любить и жалѣть брата его, Павла Федоровича.

А для Николая Федоровича пять послѣднихъ лѣтъ были — провалъ, разверстая яма; сперва посѣщала тоска, то нудная, какъ несматывающійся, безконечный мотокъ нитокъ, то звѣриная, близкая къ бѣшенству; было потомъ то страшное, ощетиненное какое-то одиночество, о которомъ боялся, да и не умѣлъ рассказать Николай Федоровичъ не

только другимъ, но и себѣ самому — а къ себѣ ли онъ не успѣлъ привыкнуть за долгіе пять лѣтъ! Поѣздъ несъ Николая Федоровича къ сердцу Россіи, а онъ былъ тихъ, молчаливъ, пугаль сосѣдей по вагону глубокими бороздами лба своего, и только улыбался иногда ребячливой улыбкой, а чему, того не сказывалъ.

Крѣпкая дрема держала его. За окнами плыли верстовые столбы, провода, обмотанные снѣгомъ, похожи были на бѣлые шнуры, что натягиваютъ на парадныхъ лѣстницахъ швейцары, и ему казалось, что каждая набѣгающая верста, приближающая его къ жизни, для него роднѣй, любимѣй, чѣмъ та, что бѣжитъ назадъ къ его пятилѣтней мукѣ, ставшей отнынѣ прошлой. Да прошлой ли? Домученной ли до конца? Онъ глядѣлъ, какъ на станціяхъ, въ тулупахъ, крытыхъ кизинетомъ, стояли мужики съ заиндевѣлыми бородами, какъ сторожъ брался за веревку, заледенѣвшую на морозѣ, и съ трескомъ билъ въ простуженный колоколь; на дорогѣ онъ видѣлъ воронъ, скакавшихъ у дымящагося лошадинаго навоза; синюю дремь лѣсовъ подъ снѣжнымъ бурнусомъ, утонувшія въ сугробахъ межи; улыбчивыя маковки церквей въ городахъ; недвижно ставшіе въ воздухѣ надъ гостепріимными трубами дымы. Тогда онъ понялъ, что робѣетъ этой бѣгущей къ

нему жизни, о которой тамъ онъ думалъ, какъ о любовницѣ любящей, а она ему — любовница окаянная.

Въ родной городъ онъ пріѣхалъ къ вечеру, томимый безпокойствомъ и давно перегорѣвшей обидою, которую привыкъ таскать за плечами, какъ странникъ Божій котомку свою. На немъ была шуба, охлюстанная снизу, шапка съ наушниками, подвязанная подъ подбородкомъ тесемочкой, и высокіе сапоги на кованыхъ каблукахъ; борода его, топыркая, жесткая, и беспорядочные усы отъ дыханія на морозѣ стали мокры, потомъ заиндевѣли, пока онъ шель тою самой улицей, по которой его тогда провели. Надъ городомъ клубился масляный чадъ, запахъ открытыхъ на морозѣ кухонь, гдѣ нынче столько масла пролито на сковороды, и столько бѣлыхъ головокъ сбито; по улицамъ долгимъ цугомъ тянулись сани, паръ валилъ отъ лошадей, что отъ купца, выскочившаго изъ бани на морозѣ нагишомъ и, ухая какъ отъ щекотки, сиганувшаго въ сугробъ по самыя груди; горланили колокольцы, разливался громовой хохотъ, женскій жеманный смѣхъ, лошадиный фыркающій разговоръ. Ужь такая она, масляная, вольная.

Прижимаясь ближе къ домамъ, шарахаясь отъ пьяныхъ окликовъ, Николай Федоровичъ дошелъ до водокачки, гдѣ на трубѣ повисли

огромныя бородатыя сосулищи, повернулъ направо, отмѣрилъ шесть домовъ и сталъ у воротъ, у воротъ, выдавшихъ его младенцемъ, юнцомъ и кандидатомъ правъ. Ворота, калитка на ноющемъ болтѣ . . . Что, не мертвъ ли онъ? Какъ войдетъ, увидитъ брата и ее, что скажетъ, Господи, какъ же станеть жить? Пальцы на ногахъ его, нывшіе отъ мороза, перестали нить, а сердце ушло, растворилось, и будто все тѣло стало сплошь—сердце, тупающее съ тупымъ, мертвящимъ шумомъ.

— Господи, помилуй, — сказалъ онъ, какъ часто говорилъ теперь, — Господи, помилуй, Господи, помоги . . .

И тутъ только замѣтилъ, что голыми руками, безъ перчатокъ, синими и непослушными, держится за скобу калитки, которая жалить его въ ладонь, какъ пчела. Вечеръ нашагивалъ, напускалъ на улицы густѣющую темь; въ свѣтѣ оконъ былъ виденъ крылатый падающій снѣгъ. И, какъ это часто случилось теперь съ нимъ, ему примерещилось вдругъ, что да, это было, это было уже раньше, такъ вотъ, держась голою рукой за кольцо, онъ стоялъ у братнина дома клейменный, изглоданный одиночествомъ своимъ.

Онъ собралъ остатки воли, стиснулъ зубы, чтобы не упустить ее, свою волю, мягкую и хилую. Онъ только не рѣшилъ еще, пойти ли прямо къ крыльцу и дернуть за

ручку въ видѣ львиной головы, либо толкнуть калитку и пройти узкой пробитой тропкой черезъ кухню. Но завизжала парадная дверь и распахнулась туго, отъ снѣга, налетѣвшаго на подъѣздъ; раздались смѣющіеся голоса, вышла дѣвушка въ высокихъ ботинкахъ съ барашкомъ, въ бархатной шубкѣ, топотала ногами и крикнула звонко:

— Снѣгу-то сколько! Къ теплу.

За нею вышелъ господинъ въ енотъ, напыщенный и басовитый, за нимъ дама подъ руку съ худымъ человѣкомъ, у котораго поверхъ шубы былъ перекинутъ башлыкъ. Голосъ брата, Павла Федоровича, крикнулъ изъ глубины:

— До свиданія, до свиданія, будьте здоровеньки!

Дверь захлопнулась. Гости поговорили, посмѣялись на ступенькахъ, барышня и напыщенный господинъ пошли налѣво, человѣкъ въ башлыкѣ объ руку съ дамой — направо, мимо Николая Федоровича.

— Въ Павлѣ Федоровичѣ, — говорилъ господинъ гортаннымъ ястребинымъ голосомъ, — въ Павлѣ Федоровичѣ, Мусенька, кромѣ радушія я цѣню честность взгляда на жизнь.

— Ты, дружокъ, пьянъ, — сказала дама и искоса поглядѣла на Николая Федорови-

ча; темные глаза ея округлились испуганно, она подтолкнула мужа и сказала шопотомъ:

— Смотри, онъ!

Въ паникѣ Николай Федоровичъ надавилъ на кольцо, вскочилъ во дворъ и плотно захлопнулъ калитку. Въ вискахъ гудѣла, билась кровь. Дымчатый клубокъ вынырнулъ изъ будки, кинулся съ лаемъ, звенящая цѣпь не пустила его, онъ повернулся, кинулся въ будку и изъ будки забрехалъ хрипло, будто ломалъ доску. Тяжело ступая по снѣгу, Николай Федоровичъ пошелъ на свѣтящаяся окна кухни, въ душѣ его была ночь, злобная. Въ снѣгахъ развеселый бабій голосъ пищалъ, жарко дыша: „У, ручищи охальныя, пусти, бергамотъ!“ и слюнявый поцѣлуй покрылъ его. Николай Федоровичъ взошелъ на ступени.

— Ой, кой-то такой? — спросила баба изъ темноты, и было слышно, какъ оправляется.

— Поди, — громкимъ голосомъ проговорилъ Николай Федоровичъ, — поди, скажи барину, что баринъ Николай Федоровичъ пріѣхалъ изъ Сибири.

И была такая злость въ немъ, что захотѣлось ударить человѣка.

II

Жизнь, что игра въ жмурки — кажется, протяни руки, шагни пошире, сведи руки кольцомъ — и поймалъ счастье свое на вѣки вѣчные, снимай платокъ съ глазъ долой и гляди на бѣлый свѣтъ. А счастье со всѣхъ сторонъ кричитъ десятками голосовъ: ау! ау! вотъ я гдѣ, вотъ! вотъ! вотъ!

Жизнь, что игра въ свои сосѣди: доволенъ своимъ сосѣдомъ? Не доволенъ, есть лучший. Доволенъ сосѣдомъ лучшимъ? Не доволенъ, есть самый лучший. Ну, вотъ онъ, самый лучший сосѣдъ, доволенъ имъ? Всѣми не доволенъ. Баста. И собою не доволенъ пуще всѣхъ.

Жизнь, что игра въ палочку-выручалочку: одинъ попался — выручай другой, потому что самъ себя никогда не выручишь.

Жизнь, что игра въ мнѣнія: угадай, что думаетъ о тебѣ каждый — въ глаза одно, за глаза другое, мерзвѣйшее.

Камень могильный.

За обѣдомъ сидѣли одни, безъ гостей, потому что съ того дня, какъ пріѣхалъ Николай Федоровичъ, гости перестали бывать; камень могильный; Павелъ Федоровичъ, мужчина отучнѣлый, любящій гулко похихотать, погладить бутылку краснаго передъ тѣмъ, какъ налить, широкою, всегда жирною ла-

донью, сталъ молчаливъ, растерянъ и подчеркнуто учтивъ; избѣгалъ встрѣчи съ глазу на глазъ, избѣгалъ прямого взгляда; камень могильный; Елена не подымала глазъ, и когда чувствовала на своихъ рѣсницахъ несмѣлый взглядъ Николая Федоровича, появлялся у угловъ ея узкихъ, грѣшныхъ губъ изгибъ болѣзненный и непонятный; на его рѣдкіе вопросы она отвѣчала торопливо, суетливо, каждый разъ взглядывая на мужа. Камень могильный. И все время, когда они сходились за столомъ, неумолчно болтали только Котикъ-Кротикъ, шаловливый, быстрый Котикъ-Кротикъ со смѣшными хохолками на большомъ, выпукломъ затылкѣ.

Послѣ обѣда, похлопавъ себя по сытому животу и сдѣлавъ мясистыми губами п-фу! Павелъ Федоровичъ отправился полежать на кушеткѣ въ кабинетъ, гдѣ среди массивной мебели, говорящей о монументальной, прочно сдѣланной жизни, среди ковровъ, портьеръ, бронзовыхъ статуэтокъ не думалось ни о чемъ тревожномъ. Курносая горничная, пахнувшая дешевыми духами и дѣвичьимъ задоромъ, ухарски топоча каблуками, понесла на кухню посуду. Елена встала.

— Спасибо, — сказала Николай Федоровичъ, беря ея руку и медленно цѣлуя; ея рука пахла острымъ, тоскливымъ воспоминаіемъ, чѣмъ-то далекимъ и безвозвратно ушед-

шимъ, чтобы не вернуться никогда, тѣми годами, когда онъ ловилъ свое счастье, думая, что вотъ-вотъ поймаетъ, а оно ему, слѣпому, кричало изо всѣхъ угловъ: вотъ, я, ау, лови!

Котикъ-Кротикъ всталъ, загромыхавъ стуломъ, высунуль языкъ, захотѣлъ увидѣть его, скосивъ быстрые глаза, и на одной ногѣ, мотая головой, поскакаль къ двери.

— Котикъ, ты куда? — спросила Елена испуганно. Николай Федоровичъ зналь, она боялась остаться съ нимъ наединѣ.

— За коской.

— Пусть онъ идетъ, пожалуйста, — проговорилъ онъ шопотомъ, весь наливаясь жалостью къ себѣ и загораясь предчувствіемъ робкимъ и зыбкимъ.

— Въ кухню, — сказала Котикъ, перевернулся три раза и поскакаль дальше.

Елена уперлась заботливо холеными своими руками о столъ и глядѣла на нихъ намуренными глазами; и снова по ея губамъ, четко и размашисто очерченнымъ, прошла гримаса: и робкая, и непонятная. Онъ подняль глаза, и здѣсь до боли отчетливо поняль, что пять лѣтъ, крившихъ его стыдомъ и забвеніемъ, не прошли даромъ и для ея отношенія къ нему, затвердѣвшаго, рѣшеннаго разъ навсегда.

— Елена, за эти три дня ты ни разу не сказала мнѣ своего слова.

— Мнѣ нечего говорить вамъ, Николай Федоровичъ.

— Передъ тобой — въ чемъ моя вина? Елена, вѣдь ты была невѣстой моей.

Она дернула плечами — по-женски, съ нехорошей усмѣшкой.

— Я не буду мучить васъ, Елена Александровна, я ничего не жду отъ васъ, развѣ только необиднаго отношенія счастливаго человѣка къ несчастному человѣку. Только скажите мнѣ просто, вы тогда лгали мнѣ или теперь лжете?

— Николай Федоровичъ, наши пути не скрестятся.

Онъ отошелъ отъ стола, хотѣлъ сказать, что ничего не ждетъ, но не сказалъ, махнулъ рукой и, подойдя къ дивану, сѣлъ. Въ душу вползла уже холодная лапша отчаянiя и стала давить ее, тискать, какъ чуйку. Елена посмотрѣла на него искоса, любопытно: онъ былъ ей чужой, пришедшій какъ бѣдный родственникъ за крошками съ богатаго стола.

— Елена, я до сихъ поръ, какъ юноша, ношу на груди твои письма — они постарѣли ровно на пять лѣтъ. Зачѣмъ ты вышла за Павла, ты не любила его.

— Я люблю Павла. Наши пути не скрестятся, Николай Федоровичъ, и если у васъ еще есть ко мнѣ горошинка уваженiя, — отдайте мнѣ письма.

— Елена, но вѣдь наши дороги почти слились въ одну.

— Не я ихъ разъединила.

— Лена, такъ ты тогда лгала мнѣ? Что же, я, какъ человѣкъ, какъ душа, какъ сердце — что же, я сталъ другимъ за одинъ тотъ день? И ты смѣешь называть это чувствомъ?

Злоба темная, когда начинаютъ звенѣть виски, густая злоба, наполняющая грудь духотой и болью, овладѣла имъ.

— Ты лгала мнѣ!

— Николай Федоровичъ, — сказала она сорвавшимся голосомъ и въ упоръ, отъ стола, посмотрѣла ему въ глаза, — вѣроятно, вы огрубѣли въ ссылкѣ, если думаете, что женщина можетъ любить преступника.

Слова вырвались, ударили его въ лицо и расплылись, раскатились, исчезли, оставивъ мертвенный холодъ, мертвенную пустоту. Николай Федоровичъ не слышалъ, какъ вышла Елена, сидѣлъ на диванѣ, опершись руками о подушку, которую далече положилъ на колѣни, глядѣлъ на эту подушку, а видѣлъ какой-то узорчатый, аляповато размалеванный холстъ, который тянулся мимо его глазъ; такой холстъ съ вертящимся солнцемъ видишь иной разъ, закрывъ глаза, когда сонъ близокъ. И не зналъ, какъ думать о ней: со страстью, не погасшей подъ вѣтрами Сибири, или съ ненавистью, еще не проснувшейся, но

уже показывающая клыки. Вскорѣ передъ глазами перестали вертѣться огненные солнца, раздалась, разрядилась пелена, и онъ увидѣлъ кошку, вышитую на подушкѣ шерстью; ему подумалось, что разъ есть кошка, вышитая шерстью, то, значитъ, есть жизнь, утыканная острыми гвоздями, а разъ есть жизнь, то, значитъ, надо жить такъ, чтобы не напороться на гвозди.

За окномъ, вкусно хрустя калошами по снѣгу, прошли два человѣка, настроенные весело, хохочущіе. „Хрусть, хрусть“ — впивались въ снѣгъ ихъ калоши. Николай Федоровичъ тряхнулъ головой, развелъ руки, ноющія такъ, какъ если бы онъ несъ тяжелый чемоданъ; когда онъ выходилъ изъ столовой, рѣшительно ступая, зеркало поймало и отразило его порѣдѣвшій затылокъ, короткую шею, вросшую въ плечи, темно-коричневый пиджакъ, висѣвшій какъ ему вздувается, неладно. Въ длинномъ коридорчикѣ, оклеенномъ обоями-кирпичиками, на стѣнѣ висѣла лампочка съ жестянымъ прожекторомъ, съ синеватымъ стекломъ; стояли здѣсь деревянные сундуки, крытые старыми коврами, сослужившими свою службу и сосланными на сундуки; и ковры, и сундуки, и стѣны кирпичиками говорили о дѣтствѣ, о дняхъ безмятежныхъ и милыхъ, объ узорчатыхъ скворешняхъ въ саду, о мягкой юбкѣ

матери, гдѣ, нагонявшись за день по голубятнямъ, такъ сладко прятать осоловѣвшую голову; о дѣтскихъ снахъ, полныхъ солнца, неясныхъ предчувствій и радости говорили эти сундуки, крытые облѣзлыми коврами; о томъ, что были дни, когда Богородица нѣжно глядѣла съ кіота на головенку стриженую, склоненную передъ нею, и слушала тихій шопоть: „радуйся, Благодатная, Господь съ тобою.“ Тогда люди были кроткіе, тогда мрѣе былъ раздольный, гулкій, безбрежный, что снѣжное поле, закованное морозами, что лѣсъ дремучій, полный птичьяго говора и стука ломающихся сучьевъ.

— Господи помилуй, — сказалъ Николай Федоровичъ и сѣлъ на сундукъ.

Онъ сидѣлъ долго; два раза пробѣгала горничная, оглянувъ его озорными глазами и колыхая бедра такъ, словно сидѣла на велосипедѣ; въ прихожей Елена велѣла подать ротонду, велѣла не ждать къ ужину и ушла, веселая, къ веселымъ людямъ.

Пришелъ Котикъ-Кротикъ, поглядѣлъ на Николая Федоровича въ раздумьи и сказалъ, поймавъ себя за ногу:

— Ты зачѣмъ здѣсь сидишь?

— Негдѣ мнѣ сидѣть больше, Котикъ, — сказалъ Николай Федоровичъ.

— А ты умѣешь говорить: не по топыту копыта . . .

— Не по топыту копыта.

— Пыль по полю несется.

— Пыль по полю несется.

— А ты быстло.

— Ну, быстро: не по топыту копыта пыль по полю несется . . .

Въ кабинетѣ, пробудившись, громко, съ отхаркомъ кашлянулъ Павелъ Федоровичъ, слышно было, какъ неторопливо сѣлъ на диванѣ, закурилъ, зѣвнулъ сладко и пошелъ къ двери лѣнливой, неувѣренной послѣ сна походкой. Дверь скрипнула, просунулось въ коридоръ его лицо съ холеной бородою, съ набухшими, какъ опенки, мѣшками внизу, глазъ. Онъ посмотрѣлъ, бросилъ папиросу въ уголъ, щелкнулъ серебрянымъ портсигаромъ и, поймавъ губами новую папиросу, сказалъ хриплымъ голосомъ, глядя передъ собою на кирпичики обоевъ:

— Что ты тамъ дѣлаешь, Котикъ? Подика, милый, сюда.

III

Съ ранняго утра Елена, Павелъ Федоровичъ и цѣлая ватага гостей, захмелѣвшихъ отъ солнца и мороза, уѣхали на розвальняхъ въ загородный монастырь, гдѣ въ монастырской гостиницѣ отецъ ключарь, отецъ кон-

торщикъ и отецъ коридорный вымыли и вычистили, ради масленицы, похожія на дѣвичьи свѣтелки, бѣленькіе, чистенькіе номера, но съ клопами. Николай Федоровичъ не поѣхалъ, потому что его не позвали, и всѣ уѣхали безъ Николая Федоровича съ убѣжденіемъ, что самъ Николай Федоровичъ не захотѣлъ ѣхать.

День выдался тихій, свѣжій и солнечный. Въ такіе дни не лѣпятся снѣжки, не строятся ребячьи крѣпости съ зубчатыми стѣнами, бойницами и башнями — снѣгъ лежитъ какъ пыль, сухой и жалящій. Въ такіе дни ребята обуваются въ валенки и, влача за собой на заледенѣлыхъ веревкахъ ледышки, тянутся къ Борисоглѣбскому скату, гдѣ стоитъ гомонъ, хохоть и плачь обиженныхъ, и гдѣ, раскатясь сверху, глотая встрѣчный вѣтеръ, можно промчатся внизъ по рѣкѣ и, подскакивая по запорошенномъ льду, промчатъ до прорубей, до тѣхъ самыхъ прорубей, гдѣ въ святое крещеніе, поскидавъ шубы, рубахи и портки, окунаются крѣпкіе благочестіемъ люди. Въ такіе дни дымы стоятъ надъ трубами, какъ бревна, извозчики на козлахъ бьютъ въ ладоши спереди и сзади, и на окнахъ нарастаютъ стрѣльчатая мозаики — даже соляная кислота, что ставятъ хозяйки въ бокальчикахъ межъ рамъ, — не помогаетъ расцвѣчаться имъ. Въ такіе дни какъ выйдешь

на улицу, такъ сощуришься, потопчешь калошами, улыбнешься и скажешь вслухъ: экое богатство далъ Ты, Господи!

Быль прощенный день, послѣдній передъ постомъ. Нынче можно нагрѣшить вдосталь, наблудить, наѣсться до рвоты, а вечеромъ пойти къ домашнимъ своимъ, поклониться и попросить прощенія. Завтра глянетъ въ улицы монашьимъ глазомъ сѣрый и длиннополый Великій Постъ. Дяди въ кацавейкахъ сдерутъ афиши со столбовъ, потухнутъ лампы иллюзіоновъ, выползутъ на свѣтъ старушки божіи, говѣющія по девять разъ въ году, и медленно, какъ часы, тоскливо, какъ диктующій учитель, заговорятъ колокольни о тлѣнїи жизни человѣческой. Завтра раздастся смиренный голосъ: „Господи и Владыко живота моего.“ А нынче — больше задору, крику, хмеля, останныхъ блиновъ и женскихъ поцалуевъ! Ужъ такая она масляная, широкая.

И опять, какъ всѣ эти дни, тянулись вдоль улицъ подшивы и сани, и опять кричали молодя и старя глотки, и парь шель изъ кухонь, гдѣ въ чаду и содомѣ кухонномъ пицало на сквородахъ масло. Николай Федоровичъ надѣлъ свою шубу съ обшарпанными карманами, съ охлюстанными полами, и пошелъ въ городъ, но въ городѣ было людно и страшно любопытныхъ глазъ; онъ пошелъ въ слободу, въ тѣ тихія улицы, гдѣ реалистомъ

дрался съ мальчишками духовнаго училища. И все кричало ему объ ушедшей отъ него жизни, въ которую онъ хотѣлъ и не могъ сызнова втиснуться — не пускала его сызнова жизнь. Въ слободѣ на улицахъ рѣдко кто попадался ему навстрѣчу: всѣ либо катались въ городѣ, либо, спозаранку собираясь въ гости, зачесывали передъ зеркаломъ волосы, шарили по шкафикамъ, подметывали старую одежду, чтобы казалась какъ новая.

Онъ пошелъ за фабрику, тихую, досыпающую послѣдній день отдыха, за нею разстилалось поле, ровное, искрящееся на солнцѣ, на дальнемъ краю его голубѣлъ лѣсъ, покрытый шапкой снѣга. И ему подумалось, что надо пойти полевой дорогой, гладко накатанною полозьями мужицкихъ розвальней, блестящую, съ рѣдкими пятнами конскаго навоза — итти отъ вѣхи до вѣхи, все дальше вглубь — падеть ночь, вызвѣздить чистое, морозное небо, и будетъ тишина среди снѣга, и тихая тишина души.

И онъ вышелъ, перешагивая черезъ сугробы, на дорогу, бѣгущую къ небу лѣнливими поворотами, обманывая себя, что идетъ затѣмъ, чтобы не вернуться, и зная, что вернется, потому что некуда уйти. Отъ солнца, отраженнаго снѣгомъ, болѣли глаза — снѣгъ лежалъ, какъ растянутыя полотнища газета. „Гробъ мой“, подумалъ Николай Федоровичъ.

И тихія мысли вились надъ нимъ роемъ — безъ словъ, одними образами. На дорогѣ онъ поднялъ сучковатую палку и пошелъ, опираясь. Онъ думалъ о прежней Еленѣ, о Еленѣ - двѣдушкѣ, и видѣлъ ее, ея желтоватое, слегка скуластое лицо съ блѣдными, синими глазами, ея косу, закрученную кольцами, ея ротъ, немного грѣшный и полуоткрытый всегда. Онъ вспоминалъ морозныя ночи — ровно пять лѣтъ назадъ — церемонный мѣсяць, забѣгающій за колокольню, глаза рѣдкихъ фонарей, Еленинъ коричневый полушубокъ, обсыпанный снѣжинками, и отдавшееся пожатіе ея руки, сильной какъ у юноши. — Ты мой, — говорила Елена, — ты мой, я твоя.

Онъ вспоминалъ воскресеніе, бывшее когда-то, залитую солнцемъ гостиную, вышитую дорожку на крышкѣ рояля, коробочку для шитья, усыпанную ракушками — изъ Крыма — Еленинъ грѣшный, всегда полуоткрытый ротъ. — Ты мой, — говорила Елена, — я твоя.

И слѣдствіе, и судъ, и осужденіе вспоминалъ Николай Федоровичъ, коробку камеры своей, трусливую спину брата, пришедшаго проститься, надменное лицо Елены.

— Прощайте, — сказала Елена, — да проститъ вамъ Богъ.

Онъ вернулся поздно, когда ночь, какъ летучая мышь, покрыла крыльями снѣгъ, утихающій городъ и зажегшіяся окна, когда заоченѣли ноги, руки, лицо, когда — ясное, широкое, какъ озеро — вызвѣздило морозное небо.

Домъ былъ освѣщенъ, тѣнь Елены Александровны, искажаясь на складкахъ шторъ, торопливо пробѣжала по окнамъ: у воротъ стояли извозничьи санки. Николай Федоровичъ вошелъ черезъ незапертую парадную; въ передней, въ шубѣ, натягивая перчатки, стоялъ дородный человекъ и говорилъ Еленѣ Александровнѣ черезъ дверь:

— Мужайтесь, барыня, положеніе опасно. И — да-съ. Правду надо говорить прямо. Сію минуту созову консиліумъ.

И повернулся и бокомъ, запахивая полы шубы, прошелъ мимо Николая Федоровича и бережно прикрылъ за собой дверь. Николай Федоровичъ сбросилъ шубу, въ дверяхъ гостиной онъ наткнулся на Елену, она была заплакана, въ глазахъ ея, широко раскрытыхъ, стоялъ темный испугъ.

— Ахъ, наконецъ-то вы! — вскрикнула она съ тоской и обѣими руками схватила его за руку, — Господи, Господи, знаете — Павель при смерти.

— Что вы говорите? Павелъ?

— Да, да, въ монастырѣ ему стало дурно, едва довели, кровоизліяніе въ мозгъ.

Она потащила его за собой черезъ ярко освѣщенную пустую гостиную, на диванѣ, подобравъ ноги, глядя испуганнымъ волчкомъ, смиренно сидѣлъ Котикъ, шубка Елены была брошена на кресло, рукавами на полъ — будто упавшій человѣкъ. Павелъ Федоровичъ лежалъ въ спальнѣ подъ стеганымъ одѣяломъ, натянутомъ ему до ключицъ, бросивъ вдоль тѣла полную, сжатую въ кулакъ, руку и высоко заведя подбородокъ. Горѣла только свѣча подъ шелковымъ абажурчикомъ съ вышитыми по нему желтыми бабочками; темныя пятна лежали на щекахъ Павла Федоровича, и тускло блестѣли мутныя бѣлки заведенныхъ глазъ. Какой-то мужчина въ несвѣжемъ пиджакѣ стоялъ, скрестивъ остролокотныя руки, въ ногахъ большого какая-то дама, полная, дряблая, сидѣла сбоку и немигающими глазами приглядывалась къ больному.

— Павелъ, — рыдая, вымолвила Елена, стала на колѣни передъ нимъ и, протянувъ руки со скрещенными пальцами, упала на нихъ головой, — Павелъ, слышишь . . .

Казалось, онъ не слышалъ ничего, слышалъ только мягкими кошачьими ногами подходящую къ нему смерть; она шла къ нему

маленькая, кругленькая, катилась колобочкомъ — сжалась, наупружилась, чтобы развернуться и убить . . . Больной шевельнул пальцами, приподнял руку, положилъ ее на голову Елены и медленно, съ напряженіемъ поднялъ глаза: взглядъ его сошелся со взглядомъ Николая Федоровича. Въ немъ была только боль, только страхъ, ничего отъ жизни. Николай Федоровичъ медленно наклонился надъ больнымъ, глядя на его губы, пытающіяся выговорить что-то.

— Я слушаю тебя, Павелъ, я слышу.

— Ни-ко-лай . . . про-сти . . .

Въ гостиной, вытирая усы, переговаривались пріѣхавшіе врачи. Ночь была трудная, мучительная, ночь агоніи, передъ которой бессильна жизнь. Къ тремъ часамъ Павла Федоровича не стало.

IV

За окнами, разузоренными морозомъ, быстрымъ бѣгомъ, безъ оглядки, бѣжала человѣческая жизнь; къ утру, еще теплая отъ сна, держа потертые учебники наотмашь, бѣжали гимназистки къ хлопающимъ дверямъ своихъ гимназій; недовольные жизнью газетчики раскладывали по кіоскамъ полученные съ утренней почтой журналы и газеты; чиновники, на-

скоро проглотившіе по стакану чая, шли къ своимъ закляксеннымъ чернилами столамъ— кто меньше чиномъ, тѣ быстрее, кто старше чиномъ, тѣ медлительнѣе. Кухарки изъ богатыхъ семействъ, хозяйки изъ бѣдныхъ либо экономныхъ семействъ возвращались съ рынка, таща въ ноющихъ отъ тяжести рукахъ кухонныя корзинки. Тамъ жизнь текла налаженнымъ русломъ своимъ, бодрая и горькая, смѣющаяся и глотающая слезы. А по эту сторону морозныхъ стеколъ медленными, туго тающими волокнами плавалъ ладанъ — дыханіе мертвыхъ — и тишина — сонъ мертвыхъ — пряталась по присмирѣвшимъ угламъ.

Въ гостиной на столѣ въ мертвомъ спокойномъ смиреніи лежало тѣло Павла Николаевича; было оно вспухшее, свинцово желтое, скованное горькими тенетами тлѣнія; вѣки его были тяжелы, припухлы, носъ заостренъ, борода недвижна, простыня, покрывавшая его, лежала складками. Молодая монашенка съ красивымъ, полнымъ жизни лицомъ сидѣла въ головахъ усопшаго и звучнымъ, сдержаннымъ голосомъ нараспѣвъ читала псалтырь. Потому ли, что голосъ у нея былъ звонкій, какъ бы созданный для смѣха и пѣсенъ, потому ли, что солнце, швыряясь въ окна, излучило, засвѣтило, заживило ледяныя елки, прощелины, овражки, выписан-

ные чудодѣйною кистью мороза — мертвый Павелъ Николаевичъ, лежащій на столѣ, былъ ненуженъ, страненъ и лишній. Потому ли, что мертвый Павелъ Николаевичъ, не умѣвшій уже ни кашлять, ни смѣяться, ни пить красное вино, тѣнно и тяжело лежалъ на столѣ, морозныя елки на стеклахъ, погасшее за окнами солнце, снующая на улицахъ жизнь казалась ненужной, странной и лишней. Гдѣ грани міра Твоего, Господи? И за какою гранью подлинная Твоя жизнь?

На кухнѣ глуше стучали ножи.

— Баринъ былъ, — говорила степенная кухарка, своего мужа жена, — хорошій баринъ. Добрыхъ дѣловъ не мало зачтетъ ему Господь.

— Ну, и серчалъ другой разъ, — отвѣчала горничная, оглядывалась на тусклое зеркальце въ простѣнкѣ и дѣлала смиренное лицо, будто къ исповѣди шла.

— Грѣхъ, — говорила кухарка, шумно взыхая, отчего коробилась промасленная кофта ея подъ напоромъ жирныхъ грудей, — все грѣхи, отовсюдова грѣхи, единъ Богъ святъ.

Въ присутственныхъ мѣстахъ, гдѣ никогда не промываютъ стекло на стѣнныхъ ча-

сахъ, гдѣ подь солнцемъ выцвѣлъ на картинѣ красный мундиръ государя императора, гдѣ часъ отъ часу, годъ отъ году рѣдѣютъ чиновничьи головы и пронашиваются чиновничьи брюки, говорилось о Павлѣ Федоровичѣ, что хорошій человекъ былъ, царствіе ему небесное, но бабникъ, но игрокъ, но лютъ былъ, царствіе ему небесное; и еще говорили, что умеръ онъ изъ-за брата своего, Николая Федоровича, растратчика, отъ огорченія и отъ посрамленія своихъ сѣдыхъ вблосъ.

Въ домѣ же, гдѣ съ малыхъ лѣтъ жилъ Павелъ Федоровичъ, клубился дымный ладанъ, и кольца его вились, собирались въ мрѣющія тучи, какъ кольца сигарнаго дыма. Гдѣ грани міра Твоего, Господи? И за какою гранью подлинная Твоя жизнь?

Днемъ служили панихиды, собирались знакомые, любопытно и со страхомъ выглядывающіе изъ-за спинъ переднихъ на мертвое лицо Павла Федоровича съ отросшей бородой и на свинцовой блѣдностью блѣднѣющія, вялая щеки. Голосъ священника зывалъ къ Господу, чтобы открылись врата Господни передъ Павломъ Федоровичемъ, оставившимъ сію брѣнную жизнь; глухо, кусая омоченный слезами платокъ, рыдала Елена. Николай Федоровичъ стоялъ позади

всѣхъ, въ прихожей; онъ видѣлъ, какъ Елену въ обморокъ пронесли въ спальную, шпильки невесело зазвенѣли о полъ, волосы ея распустились и пали на плечи. Онъ пошелъ за всѣми въ спальную и помогъ положить Елену на кровать, заботливо подоткнулъ ея юбку, махалъ передъ ея лицомъ подвернувшейся подъ руку газетой.

Елена вздохнула, тонкія ноздри ея дрогнули, глаза пріоткрылись — страданіе было въ ея лицѣ.

— Вамъ лучше? — спросилъ онъ со всею нѣжностью, которая была въ немъ.

— Да, — сказала она, скосивъ глаза, съ болѣзненной, страдающей улыбкою.

Николай Федоровичъ всталъ и тихо, на цыпочкахъ, прошелъ въ свою комнату; на столѣ горѣла свѣчка, чемоданъ въ углу поблескивалъ металлическими защелками, и вся комната имѣла походный, нежилой, станціонный видъ. Николай Федоровичъ отперъ чемоданъ, досталъ старую, маленькую папку, понатершующая о стѣнки чемодана, и дрожащими пальцами сталъ перебирать письма. Ихъ было много: Елены, той Елены, которая была прежде, Елены-невѣсты. Среди нихъ онъ нашелъ тщательно сложенное письмо, писанное

круглымъ, мягкотѣлымъ почеркомъ брата, письмо, писанное братомъ пять лѣтъ назадъ, въ день, когда Николая Федоровича осудили. Николай Федоровичъ пододвинулъ свѣчку, она закачалась въ его рукахъ, уронивъ стеариновыя слезы на бархатную скатерть стола. Зная ихъ наизусть, онъ перечитывалъ эти строчки:

„Я цѣню твою жертву, братъ, и помни, что я готовъ на все, чтобы искупить мою вину передъ тобой. Ты спасъ мое имя. Я принимаю твою жертву, моя вина лежитъ на твоихъ плечахъ. Благословляю тебя, братъ, и пусть мама увидить съ неба, что ты сдѣлалъ для меня.“

Онъ положилъ письмо въ боковой карманъ — письмо, горѣвшее въ его пальцахъ какъ пламя. Въ комнатѣ Елены не было никого, Елена лежала съ открытыми глазами, полными слезъ, любимая, близкая, истерзанная. Онъ подошелъ къ ея изголовью — и сюда, въ ея комнату, напоззаль ладанъ, мѣшаясь съ запахомъ женской спальни.

— Это вы, Николай Федоровичъ? — спросила Елена легкимъ и слабымъ голосомъ.

— Да, Лена. Возьмите себя въ руки, Елена, онъ не былъ достоинъ васъ.

— Господи, Господи, я не перенесу, я умру, Николай Федоровичъ, я умру, какая у меня безъ него жизнь!

Снова поднялись ея плечи, и снова она заметалась на подушкѣ, какъ подстрѣленная птица. Николай Федоровичъ положилъ ладонь на ея мокрый лобъ: смутой была полна его душа, и вдругъ открылось передъ нимъ неизбежное: жизнь не идетъ назадъ.

— Елена, — проговорилъ онъ неуверенно, — можете ли вы меня выслушать? Елена, я ни въ чемъ не виноватъ передъ тобой.

— Господи, Господи!..

Она билась въ безысходномъ плачѣ, любовь, любовь стонала въ ней.

— Вы любили его, Лена? — спросилъ онъ тихо.

— Господи, Господи!..

Николай Федоровичъ всталъ и поглядѣлъ на нее долго: на сбитые ея волосы, на горящія слезами глаза, на грудь, исцарапанную ногтями. Все омертвѣло въ немъ; холодъ влажно и медленно разлился по всему тѣлу. Не слыша своихъ шаговъ, онъ вышелъ въ

коридоръ, постояль. На цыпочкахъ, стараюсь не стучать каблучками, прошла горничная.

— Подите, барынѣ опять худо, — сказалъ онъ тихо и не зналъ: онъ ли это говорилъ или чужой человѣкъ, чужой Николай Федоровичъ.

Въ комнатѣ Николая Федоровича по-прежнему горѣла свѣча, фитиль обуглился, выросъ, загнулся на концѣ раскаленной красной точкой; коптящій пламень, синеватый по краямъ, растерянно стрѣлялъ къ потолку; стеаринъ растопленными гроздьями нависалъ на стержень свѣчи. Съ мертвой душою Николай Федоровичъ вынулъ пачку писемъ Елены, пачку, перевязанную шелковой лентой; былой любовью были обласканы эти листки, покрытые полудѣтскимъ почеркомъ, любимымъ больше Бога. Ахъ, онъ зналъ каждый изъ нихъ, ахъ, онъ помнилъ каждое бѣненіе сердца, диктовавшее ихъ. Онъ развертывалъ одно письмо за другимъ, разглаживая ихъ широкой ладонью.

„Я люблю тебя больше жизни, больше матери, больше солнца,“ писала Елена, „безъ тебя я — нищенка у холодной паперти, бездомная собаченка подъ чужой подворотней. Помнишь — ты вошелъ тогда въ зрительный залъ, немного надменный, немного сухой, и

я сразу узнала, что это „мой“ идетъ. Чѣмъ отблагодарю тебя за счастье, милый?“

Онъ поднесъ письмо къ пламени свѣчи; пламя потянуло, схватило, и побѣжала по бумагѣ дымная гарь, коробя зауглившійся, затлѣвшійся уголь; онъ держалъ письмо въ рукѣ, покуда огонь не обжегъ его пальцы.

„Ты сегодня сказалъ мнѣ, любимый: Богъ проложилъ по жизни множество дорогъ; и діаволь проложилъ по жизни множество дорогъ; переплетены дороги по жизни; одинокому, холодному легко сбиться съ пути. Пьянаго Богъ бережетъ — я твоей любовью захмелѣла, Богъ меня бережетъ. Милый, я твоей любовью захмелѣла. . .“

Ночь глядѣлась въ морозныя окна, ухватившись руками за обледенѣвшіе карнизы; тишина шелестѣла въ домѣ; изъ залы былъ слышенъ голосъ монашенки, читавшій:

— Аще не Господь созиждетъ домъ, всеу трудишася зиждущій, аще не Господь сохранить градъ, всеу бдѣ строгій.

„Я вѣрю въ тебя, какъ въ промыселъ Божій,“ писала Елена, „въ то, что среди людей ты пронесешь свою голову гордо, какъ сказочный король. Если я говорю не-

правду, если я отрекусь отъ тебя — убей меня тогда, Николай.“

Онъ сжигаль одно письмо за другимъ, пока на полу, у стола, не скопилась горка пепла съ бѣлѣющими уголками: онъ сжегъ жизнь свою, онъ зналь это. „Да, да,“ говорилъ онъ себѣ, „жизнь не идетъ обратно, — но только внизъ, только подъ кручу.“ Скоро онъ поняль, что вслухъ говорить самъ съ собою, усмѣхнулся, всталъ, испугавшись той ямы, которая разверзлась въ его душѣ. Не торопясь, потому что нельзя было торопиться, Николай Федоровичъ надѣль шубу, шапку съ наушниками, собралъ въ чемоданъ вещи; въ домѣ даже мыши не шуршали, комната Елены была заперта изнутри на ключъ. Николай Федоровичъ прошелъ мимо гостиной, сняль шапку передъ мертвымъ и, отложивъ засовъ на двери, вышелъ на улицу. Было крѣпко свѣжо, на деревьяхъ ватными скрутнями висѣль толстый иней. „И въ смиреніи есть дерзость, и въ крестѣ за плечами — бунтъ. Бунтъ?“ Онъ усмѣхнулся.

Когда онъ шель къ вокзалу, подъ ногами его снѣгъ хрустѣль, будто корова жевала сѣно; будочникъ въ овчинномъ тулупѣ монументально стояль подъ фонаремъ, дремалъ на ногахъ.

— Последней сказки твоей не нарушу,
— вслух сказалъ Николай Федоровичъ и
пошелъ. Ночь бѣжала, похлопывая рукави-
цами, было поздно, скоро два.

РАЗСКАЗЪ СЪ НАПЕРСТОКЪ

Старый грекъ вертѣлъ шарманку, плакавшую съ кашлемъ, чахоточная мартышка въ красныхъ штанахъ сидѣла у него на плечѣ, а дѣвушка, колыхая бедрами, пристукивала ногой въ шерстяномъ грубомъ чулкѣ и притворялась, что пляшетъ. Они обошли такимъ образомъ много дачъ, похожихъ на скворешни, похожихъ на голубятни, похожихъ на грибы, но въ бубень дѣвушкѣ вездѣ кидали скудно, и когда, уже по вечернему солнцу, они вышли на шоссе, у стараго грека ныли плечи, мартышка была голодна, смуглая дѣвушка бранилась какъ самая послѣдняя женщина съ улицы.

— У, проклятый, породилъ меня на горе мое! — говорила она, глядя на грека, со-

гнувшася подъ тяжестью шарманки. --- Всю жизнь пляши изъ-за гроша мѣднаго! Чтобъ ты сдохъ, чортъ старый.

Грекъ молчалъ, съ трудомъ переставляя натруженные ноги.

— Мать мою по дворамъ таскалъ, въ могилу скинулъ. Мою молодость подъ чужими окнами, дуракъ старый, таскаешь, въ лужахъ полощешь. Отвязаться бы отъ тебя, нашла бы я въ жизни легкую дорожку.

Солнце тѣмъ временемъ окунулось въ рошу, стрѣльнуло напоследокъ калеными стрѣлами въ буйные кудри березъ, и синій вечеръ пролилъ на землю рѣющую свою дрему. А путь былъ дологъ, и жесткія койки далече.

— Иди, иди, рухлядь, переставляй ноги-то. И когда только онѣ у тебя, чорта, навѣки остановятся?

Грекъ молчалъ. Молчалъ и остановился вдругъ, растопырилъ руки, шатнулся и палъ на землю, заведя желтые бѣлки; шарманка загремѣла о щебень и мартышка, корча рожи,

Ничего, видно такъ, безъ шарманки,
безъ чахоточной мартышки поидеть она на
улицы — съ одной своею смуглой красотой.

МОСКВА

Небо ровное, цвѣта осенней конопли — потому, что скоро встанетъ солнце, московское зимнее солнце, блестящее, какъ утренній самоваръ, что часомъ-двумя позже раздуютъ купецкія кухарки въ парныхъ купецкихъ кухняхъ. Еще свѣтло и не свѣтло, а фонари теряютъ силу; серебрянымъ свѣтомъ, будто стеклянная, горитъ раскидистая шапка Христа Спасителя; на кремлевскихъ стѣнахъ, на скелетахъ деревъ виситъ иней, какъ сѣтъ.

На Предтеченскомъ бульварѣ, гдѣ примятъ и вдавленъ въ снѣгъ песокъ, пригоршнями раскиданный вчера бородатыми дворниками, вяло ходятъ уличныя дѣвки, въ бабьихъ обжимкахъ, въ красныхъ бабьихъ платкахъ, и толкаютъ въ бока задремавшихъ на скамьяхъ пообмерзшихъ бездомниковъ. Скоро солнце зажжетъ ослѣпшія окна; уже тенькаетъ на Арбатѣ трамвай, заспанный вагоновожатый въ кожаныхъ рукавицахъ тупо гля-

дить на промерзшія рельсы и въ тоскѣ по теплой всклоченной постели бранить занявшийся день. У Иверской чисто, какъ глаза дѣтскіе, свѣтятся свѣчи болѣющихъ духомъ, обиженныхъ, мятущихся, страшущихся страха Господня. Тоненькая барышня въ шубкѣ, отороченной барашкомъ, скрестивъ у пояса ручки въ варешкахъ, стоитъ и синѣетъ отъ холода: вчера ей вышло мѣсто въ Окружномъ судѣ, она дала обѣтъ — простоять у Иверской три ночи кряду.

Утро занялось, вылѣзло желтое солнце, скованное легкимъ морозцемъ, бодрое — будто замоскворѣцкій купчикъ послѣ богатырскаго сна вышелъ въ лабазъ — и пальнуло въ глаза, завеселило, зажгло радостью лица и окна, начищенные кирпичемъ ручки дверей и кольца дугъ. На жужжащемъ моторѣ мчится до дому загулявшая компанія: что за ночь!.. были въ Стрѣльнѣ, среди тропическихъ пальмъ, подъ гнусавые цыганскаго хора, подъ смѣхъ венгерскаго, подъ разливанную грусть русскаго! Что за утро!.. въ Молдавіи, гдѣ цыганки, осоловѣвшія послѣ шампанскаго и привычнаго ночного разгула, съ полинявшими смуглыми лицами похваляются одна передъ другой новенькими хрустящими сотенными!

А на запорошенной набережной, за Христомъ Спасителемъ, гдѣ не слышно хруста полицейскаго сапога, гимназисты, синяя го-

вядина, сходятся на кулачки съ реалистами, скидываютъ ранцы и засучиваютъ рукава.

На Трубѣ, среди утопанной площади, на ларькахъ поразставлены клѣтки съ птицами. Какой-нибудь трактирщикъ Потапычъ, что держать заведеніе у Никитскихъ воротъ, идетъ сюда приглядѣть курскаго соловья, щелкуна, пѣвуна — цѣна ему, пташкѣ, три тысячи рублей! То-то слава пойдетъ о трактирѣ Потапыча! Поваръ съ круглымъ животомъ, съ безразличной осанкою, ищетъ вдоль рядовъ для капризной барыни своей долгошеего лебедя. А на Сухаревкѣ въ эту часть антиквары, букинисты, торговцы рѣдкостями уже провизжали ключами въ тяжелыхъ замкахъ и распахнули узкія дверцы: можетъ, студентъ забѣжитъ въ шинелишкѣ, подбитой вѣтромъ, можетъ, на собственной машинѣ подкатить съ предтеченскаго особняка его степенство, мокрогубый эстетъ, искать саксонскій фарфоръ или иконы старовѣрскія. Тутъ же краденое платье продаютъ, щупаютъ бобровыя, котиковыя шубы и поджигаютъ на спичкѣ англійское сукно — не бумага ли?

Москва златоглавая, сердце родины моей, такъ ли и въ нынѣшнюю зиму начинаешь свое утро, гомоня рынками, Охотнымъ рядомъ, скрипя полозьями, блистая куполами сорока — сороковъ? Сберегъ ли Кремль, съдой съ-

диною послѣдней, голосъ вѣковъ, надъ тобою пролетѣвшихъ орлиною стаей? Толпятся ли у Филиппова, національнаго тѣстовика, румянощекія горничныя, а у двери, что справа, всякій нищій людъ? — справа продають вчерашніе калачи. И ѣдетъ ли Великотворная, бокъ-о-бокъ съ заиндевѣвшимъ попомъ, въ православные дома, и сидитъ ли на облучкѣ богомольный кучеръ, скинувъ шапку и обмотавъ платкомъ уши, будто его мучитъ зубная хворь?

Такъ же ли, подо льдомъ, текутъ православныя воды Москвы-рѣки? Такъ же ли съ Воробьевыхъ горъ видать шатеръ Москвы пестроцвѣтный, такъ же ли каждая труба, каждый булыжникъ пропитанъ сдобнымъ духомъ московскимъ? Люди прійдутъ и уйдутъ. Отживутъ быстротечныя жизни. Что Москва? Всѣ пожары ей — пожары неопалимые, всѣ ядра ей — въ стѣнахъ ея стрянутъ. Москва-икона, издалека намъ свѣтишь.

ЖЕЛТЫЙ СТАРИКЪ

Жизнь была темная, какъ чуланъ, гдѣ пахнетъ соленой ветчиной и крысинымъ пометомъ, и совсѣмъ не вѣрилось, что это жизнь — такъ, одна каталажка. И все было сумрачно въ Егорѣ, начиная съ протабаченного кашля, съ дырявыхъ носковъ, которые онъ не умѣлъ заштопать, и кончая его фамиліей, тяжелой, неопрятной и пыльной — его звали Ворсопатовъ. Жилъ онъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ постоянно прыскалъ дождь, гдѣ ни одна барышня не умѣла по французски, и даже соборные пѣвчіе пѣли такъ, будто, прости Господи, покушали кислыхъ яблокъ. „Вотъ тарарабумбія, — подумалъ Ворсопатовъ однажды, — уѣхать бы мнѣ.“ И уѣхалъ.

Онъ сѣлъ въ вагонъ второго класса, потому что, обрывая дешевую жизнь, нельзя ѣхать по третьему классу, вдыхая вѣнь простонародья. Въ вагонѣ было, какъ пола-

гается, чистенько, въ фонаряхъ подмигивали свѣчи и ласково свѣтлѣли полосатые диваны. Ворсопатовъ робко отодвинулъ дверь, увидѣлъ, что свободно, вошелъ въ купѣ и сѣлъ на свободный диванъ поближе къ окну; по робости своей онъ не взглянулъ на лица попутчиковъ, опустивъ глаза на маленькій свой, обернутый въ газету, свертокъ. Скоро поѣздъ тронулся, отошла назадъ бѣдненькая, жалобная станцущечка, а съ нею вмѣстѣ оторвалась и прежняя жизнь Егора со всею ея плѣсенью. Тусклое солнце загорѣлось у него въ душѣ, и во внутреннемъ свѣтѣ его свѣтились стѣнки его души, пыльные, какъ нечищенные окна подваловъ, и свѣтъ солнца началъ смывать съ нихъ пыль и грязь, какъ вода. Посмѣлѣвъ, Ворсопатовъ поднялъ глаза. Прямо напротивъ него, покрывъ плечи пестрой шалью съ косичками, сидѣла молодая дама, волосы ея были схвачены на затылкѣ въ узелъ, сама она была нѣжная, изящная, и жилось ей, надо думать, всласть. Рядомъ, полулежа, въ хорошемъ пиджакѣ, дремалъ желтый старикъ съ острыми колѣнками; онъ поминутно кашлялъ, крутя головой, и при кашлѣ колѣнки его стучивались, издавая сухой звукъ, какъ дерево.

Поѣздъ бѣжалъ, роняя искры въ темноту. Старикъ кашлялъ, сплевывая въ коробочку, и долго разглядывалъ, что сплюнулъ.

— Женя, — сказалъ онъ дѣтскимъ голосомъ, морщась по-дѣтски, — понимаешь-ли, такая исторія... кровь.

— Ничего, — сказала дама, отвернувшись.

„Эка завтра подивится управляющій, — думалъ Ворсопатовъ, — всѣ въ присутствіи, всѣ перьями чешутъ, а меня, разумѣется, нѣтъ.“ Думалъ онъ объ этомъ такъ, словно картинку разглядывалъ: все было далекое, отпавшее, и его не касалось. Потомъ онъ думалъ про необыкновенное, что его ожидаетъ впереди, и улыбался, раздвигая губы.

— Женя, — проговорилъ старикъ, откашлявшись и пряча коробочку въ карманъ, — мнѣ, понимаешь, опять выйти нужно, такая исторія... Ты, голубчикъ, извини.

Онъ привсталъ, цѣпляясь руками за диванъ, и когда дама, дѣлая сердитые глаза, взяла его подъ мышки, онъ, длинный, казался примятымъ щенкомъ, а она, маленькая, нѣжная, большимъ и сильнымъ человекомъ. У дверей припадокъ кашля снова схватилъ его, сотрясая тщедушную грудь, и они долго стояли спиной къ Ворсопатову; шаль соскользнула съ плечъ женщины на полъ и Ворсопатовъ, подумавъ, неловко поднялъ, проведя концами по полу.

— Мерси, — сказала дама, и оглянулась на него изъ-за плеча.

Ему стало не по себѣ, что она посмотрѣла на него такъ.

Вернулись они нескоро; за то время Ворсопатовъ передумалъ много и слегка взгрустнулъ. Вернувшись, старикъ долго пристраивался, поворачивая худыя колѣни, наконецъ, откинулъ голову, сложилъ худыя руки на животъ и затихъ.

— Задержите, пожалуйста, свѣтъ, — проговорила Женья такъ просто, какъ будто знала Ворсопатова очень давно; и оттого, что она сказала это такъ, онъ очень ловко задержнулъ шторку и сѣлъ затѣмъ на свое мѣсто, не зацѣпивъ ни за что. Вагонъ покачивало, въ темнотѣ было легче глядѣть на Женю и вообще стало свободнѣе. Старикъ спалъ, слегка похрапывая.

— Почему вы молчите? — спросила Женья.

Ворсопатовъ подумалъ и сказалъ:

— Я, собственно, ѣду, самъ не знаю куда. Собственно, я ѣду, повидимому, въ пространство.

— Вотъ какъ? Да вы интересный. У васъ лицо необыкновенное.

— Не знаю.

— Какъ ваша фамилія?

Ворсопатовъ подумалъ и сказалъ:

— Ворсопатовъ.

— Ну, а имя?

— Имя, собственно, Егоръ.

Ему стало неприятно, что имя его Егоръ, а фамилія Ворсопатовъ, и онъ подумаль, что, если нѣжная женщина засмѣется, то онъ пропасть. Но женщина не засмѣялась. Старикъ дышалъ со свистомъ, въ горлѣ его каталось что-то мокрое, липкое и гадкое.

— Больной? — спросилъ Егоръ, подумавъ.

— Одно горе съ нимъ! Живеть, живеть... не жизнь, а одно мученіе.

— Это нехорошо, такъ вотъ говорить, — сказалъ Егоръ, подумавъ.

— Почему нехорошо? — какъ будто разсердившись, живо проговорила Женя, — онъ свои самые лучшіе годы прожилъ, ему жизнь улыбалась, онъ видѣлъ много денегъ, много людей, странъ, удовольствій. Какой вы странный, развѣ я обязана быть сидѣлкой?

— Онъ больной.

— А я здоровая, — сказала Женя, заломивъ руки и потянувшись всѣмъ тѣломъ. — Нудные вы всѣ, моралисты, проповѣдники. Нравственники, а вѣдь каждый изъ васъ въ своемъ углу кусаетъ жизнь крѣпкими зубами. Буду старухой, пойду въ монастырь, построю пріютъ. Милый вы мой, если бы вы знали, какія у меня иногда страшныя мысли...

Она замолчала, и теперь слышно было только, какъ стонуть колеса и свистить дыханіе желтаго старика; вагонъ покачивало, и

тогда откидывалась шторка на фонарѣ, пропуская щелку свѣта и шныряющей пламень свѣчи въ ней. Старикъ завозился, нагнувъ голову и закашлялся такъ, что уже не слышно было ни стона колесъ, ни свиста вѣтра за окнами; Женя сидѣла, равнодушно откинувшись на спинку.

Откашлявшись, старикъ долго и часто дышалъ, глядя обезумѣвшими, полными ужаса глазами на Ворсопатова, съ лица его постепенно сползала чернота, и вотъ оно снова стало желтымъ, какъ янтарь, безъ кровинки. Онъ посидѣлъ, все еще подавшись впередъ грудью, и виноватымъ голосомъ попросилъ вдругъ:

— Извини, Женя... мнѣ опять выйти бы... подышать... такая, голубчикъ, исторія...

— Но вѣдь сейчасъ только выходили.

— Душно, Женичка...

— Ахъ, и утомительный же ты! Ну, вставай, вѣчно у тебя претензіи.

— Можетъ быть мнѣ помочь? — спросилъ Ворсопатовъ, подумавъ, всталъ, поднялъ брови и цѣпко взялъ пальцами старика за локоть. Въ дверяхъ плечи Ворсопатова и Жени столкнулись, Ворсопатовъ ско-

силъ глаза и увидѣлъ близко-близо маленькое розовое ухо и прядь волосъ надъ нимъ. Въ узенькомъ коридорѣ старикъ пошелъ впереди, за нимъ, придерживая его за талию, Женя, а Ворсопатовъ шелъ сзади, глядя ей въ сбитые на затылкѣ волосы. На площадкѣ въ открытую дверь рвался вѣтеръ и была видна несущаяся мимо, пахнувшая нефтью темнота, униженная, рѣзкими огоньками искръ. Старикъ остановился, держась за блестящій пруть периль; на головѣ его рвались длинные и рѣдкіе сѣдые волосы, а бороденку сдуло на бокъ; онъ раскрылъ ротъ, опустил вѣки и дышалъ, качаясь всѣмъ тѣломъ.

Женя схватила Ворсопатова за руку, отъ пальцевъ ея бѣжала дрожь, и скоро Ворсопатовъ самъ сталъ дрожать безудержно.

— Что вы? — спросилъ онъ, боясь поднять на нее глаза, и вдругъ услышалъ надъ самымъ ухомъ своимъ какъ бы таящійся и какъ бы дерзкій шопоть. Слово онъ не слышалъ, повелъ плечомъ и въ ужасѣ поднялъ глаза. Глаза Жени стояли передъ нимъ совсѣмъ близко; онъ не выдержалъ сіянія ихъ и соскользнулъ глазами ниже; губы ея были полуоткрыты, слегка припухлы и какъ-будто покрыты лакомъ. Душа Ворсопатова разорвалась.

— Ну? — сказала Женя.

Тогда, поднявъ руку, онъ ударилъ старика въ шею и глядѣлъ потомъ, какъ тотъ шатнулся, присѣлъ на корточки и безшумно, тяжелымъ мѣшкомъ соскользнулъ внизъ, въ темноту. Женя вскрикнула, кинувшись къ Ворсопатову, пальцы ея рвали пуговицы его пиджака.

— Что вы сдѣлали!

— Наплевать, — молвилъ Ворсопатовъ тяжело, — идемъ, что-ли . . . пташка.

И подлинно, было наплевать. Голова его отяжелѣла, отяжелѣли ноги, руки, и думалось, что вотъ онъ черный весь, стопудовый, мохнатый, а весь міръ вокругъ него — игрушка, карточный домокъ, хрупкое деревцо, и хруститъ полъ подъ его ногами. Онъ стиснулъ Женю за руку, рванулъ и потащилъ за собою, и въ купѣ грубо бросилъ ее на диванъ. Оперевъ локти на колѣни и опустивъ на нихъ голову, онъ разглядывалъ ее нагло и постукивалъ легонько носками сапогъ. Женя лежала неподвижно. На разсвѣтъ она открыла глаза и посмотрѣла на Ворсопатова дико. Были какія-то станціи, за окнами кричали какія-то люди, прошелъ чумазый ламповщикъ, въ жилеткѣ съ искрой, и погасилъ свѣчи. Когда солнце блистало

уже во всю свою утреннюю радость, Ворсопатовъ провелъ шершавыми ладонями по лицу и растерянно метнулся, его напугали вдругъ кончики его сапогъ, на которые онъ взглянулъ, а тамъ неудержимой силой хлынули въ голову мысли, и, поведя шеей, метнувъ глазами, онъ понялъ, что пропаль. Женя молча поднялась и сѣла, подкалывая волосы, лицо ея было блѣдно, она вынула изъ сумочки зеркальце, взглянула, тихо вскрикнула и пуховкой стала овѣвать синеватыя щеки.

— Сударыня, — хриловатымъ голосомъ началъ Ворсопатовъ, моргая глазами — по вашему наущенію я совершилъ проступокъ, проступокъ, уголовного характера. Мнѣ грозить, повидимому, судебное слѣдствіе.

Женя взглянула на него, сдѣлавъ испуганные и гнѣвные глаза.

— Оставьте меня, пожалуйста, въ покоѣ!

Онъ принялъ ея крикъ, какъ первый ударъ кнута, подъ который онъ попалъ теперь на всю свою жизнь; и еще ему помешлось, что она накинула на него сейчасъ ошейникъ, и теперь онъ будетъ таскаться за нею вездѣ, вездѣ, какъ домашній песъ, и снова тускло встало передъ нимъ солнце его счастья, и онъ подумалъ, что счастье

его — это таскаться за нею всю жизнь, какъ домашній песъ.

Веселый кондукторъ прошелъ въ парусиновой поддевкѣ и хорошо начищенныхъ сапогахъ, заглядывая въ каждое купэ и крича вѣжливо:

— Ряжскъ, буфетъ, поѣздъ стоитъ тридцать минутъ!

Заслыша эти слова, Женя сдвинула бровки и, поджавъ губы, словно ее сильно обидѣли, стала надѣвать шляпку. Ворсопатовъ глядѣлъ, какъ она подкалывала шпильку, и вдругъ спросилъ, опустивъ глаза:

— Мы, повидимому, здѣсь сходимъ?

Она пожала плечами, взяла легкой саквояжикъ и, не оглядываясь, пошла къ двери, Ворсопатовъ взялъ свой бумажный свертокъ и пошелъ за нею вслѣдъ. Замедляя ходъ, поѣздъ раскачивался сильнѣе, пассажиры толпились въ дверяхъ купэ, приглядываясь другъ къ другу. Затрещали стрѣлки, потянулись запасные пути, забитые вагонами, и надвинулся вокзалъ. Поѣздъ сталъ. Вышли въ тѣснотѣ и давкѣ. Станція была незнакомая, и Ворсопатовъ все боялся потерять

Женю изъ виду — такъ дошли они до входной двери. Женя обернулась, увидѣла Ворсопатова, и щеки ея сердито вспыхнули.

— Благодарите меня, — проговорила она злымъ шопотомъ, — что я не заявила на васъ, сумасшедшій. Что вы, любовникомъ моимъ мечтаете быть? Или мужемъ? Что вы ко мнѣ привязались въ самомъ дѣлѣ?

Человѣкъ съ каштановой эспаньолкой уже завидѣлъ Женю издали, дѣлалъ восторженные глаза и помахивалъ осторожно шляпой, недоумѣвая, гдѣ же мужъ. Женя улыбнулась ему. Сторожъ съ бляхой подошелъ къ колоколу и ударилъ оглушительно надъ самымъ ухомъ Ворсопатова, и тотчасъ же внутри вокзала откликнулся на колоколъ ручной звонокъ: „дренны!“ и степенный голосъ проворчалъ:

— На Ростовъ Донъ часъ тридцать первый звонокъ!

Ворсопатовъ пошелъ вдоль по платформѣ, вышелъ изъ-подъ навѣса и сталъ у пакета, тамъ, гдѣ грузятъ багажные вагоны; публики здѣсь было меньше, суета тише и шумъ глуше. Сіяло солнце. Въ гнетущемъ безпокойствѣ Ворсопатовъ поднялъ глаза къ

небу: было оно чистое, полдневное, безъ дна, а со стороны города наваливала ранняя туча, клубясь и вздымаясь. Но было ясно уже, что она побѣдитъ солнце.

ВЪ ЛОПУХАХЪ

Помнится мнѣ день, уже клонящійся ко сну, удлиненныя тѣни деревьевъ и беременный шагъ коровъ, возвращавшихся съ пастбища ко дворамъ; помнится мутнѣющее небо, липовый чадъ въ городскихъ вечернихъ садахъ и красный флагъ, приткнутый на крыльцѣ дома бывшаго полицмейстера. Надъ скромнымъ уѣзднымъ городомъ, застѣнчивымъ какъ невѣста на брачномъ пиру, прочно нависла власть комиссарская.

Я сидѣлъ на крылечкѣ и грызъ сѣмячки, ведя бесѣду съ о. дьякономъ; ужъ такой же чудакъ былъ этотъ дьяконъ, не поймешь его никакъ: у васъ жилетка красивая, такъ онъ только о красотѣ жилетки и будетъ говорить съ вами; перстень у васъ хорошъ — только о перстнѣ и рѣчь будетъ вести. Во всемъ о. дьяконъ отыскивалъ только ладное, а во дни выборовъ въ Учредилку пожелалъ подать списки за всѣ партіи разомъ — въ каждой

партіи отыскаль хорошее — но узналь, что нельзя, ни за кого не подалъ, и тѣмъ утѣшился.

— Покуда, — говорилъ дьяконъ, закрывая свои благоволеніемъ полные глаза, — не угасъ въ народѣ духъ Христовъ, до тѣхъ поръ, милый человѣкъ, нѣтъ въ Россіи беззаконія. Повѣсили они красное на древки, а народъ плюется. Намедни я за дьяконицу на базаръ ходилъ. Гляжу, въ народѣ смятеніе. Раздвиньтесь, говорю, православные, дайте духовнымъ глазамъ моимъ взглянуть. Раздвинулись. Сидитъ этотъ самый, съ ружьемъ, и бабенку подъ локотки держитъ. „Ты, говоритъ, сахаромъ торговать, народную, говоритъ, власть, говоритъ, не признавать?“ Баба ни жива, ни мертва, лицо у ней, милый ты человѣкъ, бѣлѣ простыни бѣлой. „Ошиблась, говоритъ, а власть, говоритъ, во какъ чту, потому народная, а ты, говоритъ, лучше поди да доложи кому подобаеть, у домовладѣлицы Мясниковой бѣлый офицеръ прячется.“ Вотъ какъ, моль, народную власть то чту! Солдатецъ этотъ самый, разумѣется, смякъ, бросилъ бабу, да на соборную, по инстанціи. Только ушелъ, оглянулась баба, да какъ пустить въ голосъ: „Что бы вы, идолы, скрозь землю винтомъ прошли, присосались г... собачье къ народному горбу!“ И слова, и слова, да и какія, милый чело-

вѣкъ, слова! Вотъ вы и раскиньте: покуда тряпка висить, тряпкѣ уваженіе воздають, а ежели смѣлый человѣкъ тряпку сдернетъ, такъ и плюнуть, и ногой разотрутъ. А все почему? Потому что Богъ въ душѣ.

— Эхъ, о. дьяконъ, — сказалъ я, собирая горсткой шелуху, — потому то и тряпка висить, что въ лицо лестъ, а въ спину гнѣвъ.

— Предаютъ, предаютъ! — возопилъ о. дьяконъ, нащупавъ, что вотъ тутъ-то и скажетъ мнѣ приятное, — офицера у Мясниковой точно нашли, вчера. Сынокъ ея, милый мой человѣкъ, отъ московскаго ареста сбѣгъ, такъ цѣльную недѣлю на чердакѣ хоронился, за бѣльемъ, у трубы. Нашли. Какъ баба сказала, такъ и вышло по писаному. А не поди баба на базаръ, не попадись солдату на глаза, такъ и не видала бы, хоть рѣжь. Случай. Въ жизни, милый человѣкъ, случай — все.

Пришла изъ сада бурая корова, потерялась о ворота жаркой мордой и промычала устало: хотѣлось ей выдоиться, спать и видѣть во снахъ тупое благополучіе. Калитка скрипнула, дѣвчонка съ обмотанной ногой сказала ласково:

— Иди, Машка, иди, экое какое время гдѣ шаталась?

Мнѣ нужно было на станцію, къ почтовому, за московскими газетами, я простился съ о. дьякономъ и пошелъ. Газеты писали о томъ, что въ Россіи все хорошо, правитель-

ство хорошее, паекъ хорошій, разстрѣлы хорошіе. Я присѣлъ на скамеечкѣ возлѣ палисадника, гдѣ на клумбахъ подымалъ жаждущіе пестики пряный табакъ. Прошло двое, безусыхъ, развинченной и похабной походкою.

— Энтотъ то, — кивнулъ одинъ на меня, — въ петербургской газетѣ противъ народа писалъ.

— Ему пропишутъ поддакнулъ второй, и оба прошли.

И было противно. Куда пройти? Дома тетушка, старомодная, въ широченномъ платьѣ, какъ носили сорокъ лѣтъ назадъ, и сердитые разговоры о томъ, что вотъ, дескать, допрыгались. На окошкѣ сидитъ котъ и жмурится, равнодушный и безмятежный. А тамъ сядетъ солнце, смородиннымъ листомъ запахнетъ въ саду, и косо, цѣпляясь за верхушки яблонь, вылѣзетъ мѣсяць. А тамъ спать.

Я пошелъ окольными переулками, чтобы поразнообразить путь. Улица была пустынная, подъ заборомъ сердито росъ чертополохъ, черезъ заборъ перекачнулась береза, роняя на панель пыльные сережки. Солнце легло баиньки, пѣли за городомъ лягушки, нѣжась въ пруду.

На порогѣ, у калитки дяконова сада, стоять три человѣка, крича и смѣясь. Я присмотрѣлся, подойдя ближе, и узналъ о. дя-

кона; два красноармейца словили его, одинъ держалъ дьякона сзади, заведя его локти подъ лопатки, другой огромнымъ безобразнымъ кольтомъ ворочалъ передъ лицомъ его и, задушено смѣясь, выкрикивалъ:

— Ну, ряса, есть Богъ?

— Нѣтъ Бога! — истерически взывалъ дьяконъ, вращая бѣлыми осатанѣвшими глазами, и долгіе волосы его налипли на лобъ.

— Нѣтъ Бога!

— И Богородицы нѣтъ?

— И Богородицы нѣтъ!

— А ну-ка, ты растакъ ее и растакъ, Богородицу...

— Такъ ее, Богородицу, — голосиль дьяконъ, дрыгая колѣнками, а тѣ гоготали, захлебываясь слюной, и задній подталкивалъ дьякона колѣномъ пониже спины.

Заслыша шумъ моихъ шаговъ, люди, столь великолѣпно владѣющіе оружіемъ, отпустили дьякона. Онъ оглянулся дико, присѣлъ, и бѣжкомъ, бѣжкомъ, поводя длинной шеей, пошелъ вдоль забора.

— Эй, ты, паки! — закричалъ парень съ кольтомъ. Бѣгомъ!

Дьяконъ поднялъ полы и прыснулъ вдоль улицы. Я прошелъ мимо, одинъ еще давился отъ смѣха, другой выругался узористо и многохвостомъ, и оба пошли вверхъ, къ вокзалу, сорвавъ буяющую душу.

Далеко родная земля, далеко смирные
уѣзды подъ шапками цвѣтущихъ липъ, съ
роднымъ мѣсяцемъ, притулившимся за де-
ревьями. И тамъ ночь, и здѣсь ночь, въ кол-
добинахъ дорога, колючъ чертополохъ, рѣ-
жутъ воздухъ ночанки, свистя остропикими
крыльями... Далеко ли до утра, свѣтаетъ
ли? Солнце, взойди...

Е Я Д У Ш А

Я Золушка, Золушка — мнѣ грустно!
Просить нищій, и нечего подать...
М. Моравская.

Узкій и темный коридоръ, въ концѣ котораго — его комната; хозяйка сказала: „Пройдите и постучите въ дверь, кажется, онъ дома.“ Лиля прошла и дернула за ручку, невидную въ темнотѣ, безпокойно звякнувшую.

— Пожалуйста!

Лиля вошла; такъ вотъ эта комната, гдѣ онъ живетъ, и этотъ потолокъ, и эти стѣны въ англійскихъ гравюрахъ, маленькій письменный столъ въ простѣнкѣ между двумя большими шестистворчатыми окнами... Но какъ странно, что она подумала сначала о его комнатѣ, и только потомъ уже о хозяйнѣ. Родзевичъ сидѣлъ за столомъ, обернувъ свою маленькую и тщательно расчесанную голову къ двери; узнавъ Лилю, онъ быстро всталъ, хотѣлъ было пойти на встрѣчу, но остановился у стула, обнявъ его спинку сзади руками.

Лиля увидѣла его тонкое, худое лицо, сейчасъ обезпокоенное, и свѣтлые его глаза подѣ расчесанными щеточкой бровями.

— Ольга Александровна! сказала Родзевичъ, испуганно поднявъ брови.

Лиля остановилась въ дверяхъ, пряча въ муфтѣ руки; сердце у нея усиленно забилося, и одно время она боялась, что отъ глупаго волненія она уже ничего не сможетъ ему сказать. Но пересиливъ себя, она громко проговорила:

— Здравствуйте, Павелъ Дмитріевичъ, я хочу, чтобы вы вернули мнѣ мои письма; я принесла вамъ ваши, вотъ они.

Доставъ изъ муфты, она протянула ему большой и туго набитый письмами конвертъ, который онъ держалъ теперѣ вмѣстѣ съ тонкими ея пальцами, обтянутыми лайкой перчатки. Родзевичъ растерянно взялъ письма.

— Присядьте же. Снимите пальто.

— Это зачѣмъ? спросила Лиля холодно, нагибая голову съ такимъ расчетомъ, чтобы широкіе края шляпы закрыли Родзевича отъ ея глазъ.

— Я пришла не одна, на лѣстницѣ ждетъ меня братъ. Пожалуйста, верните мнѣ письма.

Покраснѣвъ, Родзевичъ смотрѣлъ на ея шляпу, туда, гдѣ должны быть ея спрятанные глаза, потомъ онъ поглядѣлъ на широкое, ложившееся складками темное пальто,

на свѣтлые желтые ботинки въ новенькихъ калошахъ.

— Конечно, вы правы, — тихо молвилъ онъ и криво, непріязненно улыбнулся. — Но я думаю, Лиля, что вы не считаете меня за... недобросовѣстнаго человѣка. Я надѣюсь, Лиля, что вы оставите мнѣ письма на память.

Она рѣзко подняла голову.

— Никогда! Меня удивляетъ, Павелъ Дмитриевичъ, что вы называете меня Лилей.

Родзевичъ поклонился, извиняясь, подошелъ къ столу и открылъ правый ящикъ. Стоя за его спиной, глядя на его узкія, немного покатыя плечи, Лиля подумала, какъ она хорошо ведетъ съ нимъ разговоръ. Родзевичъ, волнуясь, неловко рылся въ столѣ, Лиля опять оглядѣла его комнату. Какъ странно и больно — всего два дня назадъ она могла бы придти сюда еще желанной и любимой, дать ему свою шляпку и пальто, позволить снять маленькія калоши и цѣловать руки... Всего два дня назадъ!

— Вотъ ваши письма, Ольга Александровна. Здѣсь всѣ, отъ перваго до послѣдняго.

Онъ протянулъ ей пачку, аккуратно перевязанную; отъ писемъ шель еще сладкій аромать любимыхъ Лилиныхъ духовъ. Она взяла письма и порывисто спрятала ихъ въ муфту.

— Муфта у васъ мокрая, сказалъ онъ ненужно, сложивъ руки любимымъ ея жестомъ. На улицѣ, кажется, дождь.

— Да, и туманъ. Прощайте.

Лиля медленно повернулась; вдругъ закружилась ея голова, и стало казаться, что дверь то отходить вглубь, то вновь приближается и Лилѣ трудно отсюда выйти. „Нужно выйти скорѣе, подумала она съ усиленіемъ, и ужъ тамъ... на улицѣ... все равно“. Опершись рукой о косякъ двери, она остановилась, боясь, что оглянется, и чувствуя сзади растерянный и все-таки жаркій его взглядъ. Прямо передъ лицомъ ея была гладкая, немного блестящая доска двери, она нажала на нее ладонью, и дверь скрипнула.

Родзевичъ сказалъ едва слышно:

— Лиля, не вините меня... Я не могъ.

— Ахъ, все равно! почти вскрикнула дѣвушка и стремительно вышла въ коридоръ съ шумомъ прикрывъ за собою дверь. У нея упало сердце, точно оторвалось въ груди, и съ нимъ ушли всѣ ея ощущенія и силы, оставивъ ея тѣло безпомощнымъ и слабымъ. По стѣнкѣ дошла она до прихожей, разбросавъ на пути чьи-то тяжелыя калоши, нащупала руками шубы на вѣшалкахъ, потомъ выходныя двери и французскій замокъ на ней; онъ долго не отмыкался, и она до боли въ пальцахъ сжимала его гладкую го-

ловку. Чужой голосъ за спиной ея сказалъ: „Позвольте, барышня, не такъ.“ И кто-то выпустилъ ея на лѣстницу.

Все кончено... Ну, и пусть, всегда лучше, когда нѣтъ дорогъ къ прошлому. Она несчастливая! Въ этомъ никто не виновать и онъ тоже не виновать, если на его пути встрѣтилась лучшая женщина.

Лиля спустилась со ступеньки на ступеньку, рука ея въ перчаткѣ гладко скользила по периламъ. На каждой площадкѣ она останавливалась. Вотъ ей совсѣмъ не хочется плакать, ей даже почти не тяжело, только пусто, и всѣ кругомъ кажутся мертвыми: и швейцаръ, лѣниво отворяющій стеклянную дверь, и уличная толпа, какъ будто идетъ она одна живая, а кругомъ все мертво, все движется автоматически. Или, быть можетъ, это Лиля мертвая?

Скользкій, туманный день растекался по мутнымъ улицамъ, въ воздухѣ пахло сыростью каналовъ и набухшими торцами. Лиля пошла по мокрому асфальту, поднявъ къ лицу пушистую свою муфту. Мелкій, холодный дождь цѣловалъ ея щеки черезъ вуаль. Прогремѣлъ, хлеща по торцамъ шинами, громоздкій автомобиль, нагруженный мѣшками подъ рогожей, далеко разбрасывая изъ-подъ колесъ грязь... Лиля пошла по привычкѣ улицами, ведущими къ дому, но остановилась, подумавъ, что мать

будеть ее разспрашивать, и жалѣть, и бранить Родзевича, а потомъ начнетъ укорять Лилю за то, что она одна рѣшилась пойти къ холостому человѣку на квартиру, и все кончится ссорой, крикомъ, заплаканными маминими глазами и колючей болью въ сердцѣ. Такая мука. Лиля не пойдетъ домой: съ тѣхъ поръ, какъ это случилось, домъ ей враждебенъ и непереносимъ. Даже Паша, нѣжный, горбатенькій братъ ея Паша, не можетъ ее успокоить. Куда же пойти Лилѣ въ такомъ холодномъ городѣ, гдѣ улицы мрачны, гдѣ заплаканы мостовыя и ни одного привѣтливаго лица не встрѣтишь въ толпѣ? У нея нѣтъ ни подругъ, ни друзей; съ тѣхъ поръ, какъ это случилось, Лиля всѣхъ растеряла...

Но было нестерпимо холодно, изъ переулковъ рѣзко дулъ колючій вѣтеръ, нагоняя на лужи холодную рябь и посвистывая въ водосточныхъ трубахъ. Ноги у Лили закованы въ ледъ. Тогда она, въ тѣснотѣ и давкѣ, вошла въ трамвай и остановилась въ проходѣ, держась рукой за ременный поручень. По дребезжащимъ стекламъ ползли дождевыя струйки. Лиля машинально стала читать афиши о какомъ-то благотворительномъ концертѣ съ участіемъ Каракаша, плакаты военнаго займа. Неожиданно сзади окликнулъ ее мягкій мужской голосъ:

— Ольга Александровна, здравствуйте!

Вздрогнувъ, Лиля обернулась: розовое, немного полное лицо улыбалось ей, голубые глаза выжидательно на нее смотрѣли.

—Ахъ, это вы, Викентій Васильевичъ... Какъ странно, что мы встрѣтились.

Викентій Васильевичъ поправилъ студенческую свою фуражку и, слегка смущенно, сталъ раскручивать закрутившійся у него на пальцѣ небольшой свертокъ. Русыя брови сдвинулись, въ то время какъ губы не переставали улыбаться.

— Ольга Александровна, — сказалъ онъ серьезнымъ шопотомъ, — позвольте мнѣ придти къ вамъ. Мнѣ это такъ же нужно, какъ хлѣбъ.

Лиля усмѣхнулась.

—Конечно, приходите. Но почему такой трагическій тонъ?

—Вы знаете, почему.

Внезапно сталъ Викентій Васильевичъ Лилѣ непріятенъ. Стоя къ нему спиной, она съ необычайной ясностью представила себѣ розовое его лицо и свѣтлые стыдящіеся глаза, не умѣющіе смотрѣть прямо, и краску на щекахъ его, проступавшую ежеминутно.

„Какъ бы ему сказать, подумала она, что ни одинъ кусочекъ моего сердца не близокъ ему?“

Они заговорили на обычные темы: о Думѣ, о войнѣ, о Сѣверянинѣ.

—Ахъ, мнѣ выходить пора!

Лиля пожала его широкую ладонь и вышла изъ трамвая. И вдругъ испугалась — не выронила ли письма свои. Но письма лежали въ ея муфтѣ, прикрытыя носовымъ платкомъ; тогда показалось Лилѣ, что муфта тяжела и оттягиваетъ ей руки.

„Не думать, не смѣть думать о немъ,“ мысленно сказала Лиля, нахмурившись. Но внезапная слабость охватила ее, и она прислонилась къ чугуну облизаннаго туманомъ и сыростью фонаря и холодъ ужалилъ ея руку черезъ лайку перчатки. „Мнѣ же легко, мнѣ нетяжело совсѣмъ. Я уже не умѣю страдать, такъ какъ страдала, когда умеръ Бокша. У меня теперь безчувственная и холодная душа... Я же смѣюсь, смѣюсь...“

Лиля, дѣйствительно, смѣялась. Но смѣхъ былъ захлебывающійся, и отъ него дрожали нервы, какъ натянутыя струнки. Она испугалась — не истерика ли... „Молчи, молчи, сказала она себѣ, молчи, молчи, Лиля. Ты не смѣешь плакать. Ну, вспомни лучше о Викентіи, какой онъ смѣшной...“

Она подумала о Викентіи, какой онъ смѣшной, а онъ всталъ передъ ея глазами тихій и немного жалкій, влюбленный... „Богъ, ты жестокий... Зачѣмъ мнѣ любовь Викентія, когда его любовь прошла уже, какъ дымъ отъ паровоза: сначала густой, густой, а чѣмъ вы-

ше, то все прозрачнѣе и рѣже — пропаль, растаяль въ воздухѣ подѣ облаками... Не смѣй плакать, Лиля, не смѣй!“

II

Милица Петровна, вернувшись со службы, пообѣдала, взяла газету, большіе свои старушечьи очки и сѣла въ столовой на мягкую и удобную кушетку. Ангорскій котъ, выгибая спину и соря по обивкѣ длинными своими выпадающими волосинками, прошелся по спинкѣ кушетки и, дойдя до Милицы Петровны, сталъ тереться мордочкой о ея щеку. „Не мѣшай,“ сказала ему Милица Петровна, разворачивая газетный листъ, а сама все-таки погладила его между ушей, почесала пальцемъ подѣ шейкой и подѣ свисающими его царственными бакенбардами. Но читать она не могла — слезились и болѣли глаза. Сумерки наполнили уже комнату, въ сосѣднемъ домѣ, черезъ улицу, зажгли электричество, и свѣтъ отъ противоположныхъ оконъ перекидывался на бѣлые подоконники, заставленные горшками глициній. Въ такіе сумеречные часы любила Милица Петровна окинуть внутреннимъ взоромъ прожитые годы свои и начертать въ мечтахъ грядущую судьбу дѣтей.

Съ тѣхъ поръ какъ сошелъ въ могилу ея супругъ, познала Милица Петровна тяготу и трудность необезпеченной жизни. Нужно было прокормить и одѣть Лилю, горбатаго Павла и свое некрѣпкое уже тѣло. Заработка въ частной библіотекѣ хватало какъ разъ настолько, чтобы жить имъ трое безъ лишеній, но всегда неотступно стояла передъ нею мысль: что станеть съ дѣтьми, если силы ей внезапно измѣнятся? О Пашѣ можно было еще не думать: все-таки мужчина, и есть у него свое собственное счастье, радость своя — онъ пишетъ стихи. Изрѣдка печатають ихъ разные журналы, и тогда Паша приноситъ домой то пять рублей, то десять, а иногда и больше. Но Богъ съ нимъ, со стихами, странные они у него, и читаетъ онъ ихъ тоже странно, нараспѣвъ, какъ деревенскій дьячокъ псалтырь. Только глаза его начинаютъ свѣтиться, когда неотрывно глядя въ огонь лампы, или на карнизъ, или себѣ подъ ноги, начинаетъ онъ пѣвуче и монотонно:

Грядущій день томящъ и горекъ,
Какъ горько душное вчера.
Красавицы и вѣра
Не для тебя, унылый Юрикъ.
Разочарованные годы
Стальное время унесеть.

Но только циникъ не пойметъ,
Зачѣмъ души я не распродалъ.

Но Лиля — большое мѣсто у Милицы Петровны. Лилѣ двадцать лѣтъ, и она уже стара сердцемъ, у нея есть свое прошлое, поранившее нѣжную ея дѣвичью душу; съ тѣхъ поръ, какъ умеръ женихъ ея Бокша, дѣвушка изломана, раздражительна и скрытна. Но что страшнѣе всего, Лиля мать считаетъ за врага. А не сама ли она рассказала матери о новомъ своемъ увлеченіи? Не сама ли плакала на ея груди, рассказывая какъ холоденъ Родзевичъ, какая эгоистичная и своевольная у него любовь?... Да, это мать ходила къ Родзевичу и, унижаясь, горя на старости лѣтъ своихъ подъ холодными его глазами, просила Родзевича не играть ея дочерью; да, это мать перехватывала его письма и ужасалась, читая, какою грязью окутываетъ онъ нѣжную душу дѣвушки; и это она по ночамъ не спала, сторожа у двери приходъ Лили. Лиля приходила, снимала въ передней пальто и шляпу, шла къ себѣ въ комнату и тамъ, на постели, встрѣчала мать.

— Боже мой, Лиля, — вскидывала руками Милица Петровна, холодѣя при звукахъ собственнаго голоса. — Гдѣ ты была такъ поздно?

Лиля останавливалась въ дверяхъ, начинала разглядывать нѣжные свои ногти, близко поднося руки къ глазамъ.

— Что за шпионство, мама. Я была въ театрѣ.

— Ты ничего мнѣ не говорила, Лиля, что собираешься въ театрѣ.

— Ахъ, какое преступленіе! Ну, собралась неожиданно.

Лиля начинала раздражаться, нижняя губа ея слегка дрожала.

— Да, да, неожиданно! Я не дѣвочка, мнѣ, мама, надоѣло твое гувернантство!

— Лиля, какъ ты говоришь съ матерью?

— Какъ хочу. Ты сама вызываешь ссоры.

Милица Петровна вспыхивала. Ахъ, не она ли растила Лилю, какъ тепличный цвѣтокъ? Почему же Лиля не хочетъ ни въ чемъ подѣлиться съ матерью? Вѣдь мать видитъ, что на душѣ у Лили осѣло что-то тяжелое и страшное. Она совсѣмъ не понимаетъ нынѣшнихъ дѣвушекъ: непослушныя, вѣтренныя, ничего не стыдятся...

— Ага, не стыдятся! Ты сама это говоришь. Да, да, твоя дочь дрянъ, твоя дочь развратная!

— Лиля!

— Ну, и оставь меня. Слышишь? Оставь!

— Не кричи, черезъ стѣнку слышно.

— Уйди! кричала Лиля; глаза ея становились круглыми, злыми, совсѣмъ чужими и враждебными. Казалось, и платьѣ на ней, и свѣтлые льняные волосы, и каждый палецъ на рукахъ — все ненавидитъ Милицу Петровну, которая пугалась, умолкала, теряясь передъ дочерью. Уходя къ себѣ въ спальню, чувствовала Милица Петровна, что и ея сердце полно враждебности, холодной и жестокой, и, ложась, глядѣла она на озолоченныя лампадкой иконы, говоря: „Ты видишь, Господи, Одинъ Ты видишь все“... Было слышно черезъ стѣнку, какъ раздѣвалась у себя Лиля, сбрасывала ботинки и шуршащія юбки, потомъ вытягивалась на постели; и такъ цѣлыми ночами не спали обѣ; черезъ часъ растоплялась въ сердцѣ Милицы Петровны горечь. Зарывшись въ подушки, плакала она, съ болью казня себя за грубыя свои слова и во всемъ считая себя виноватой. Уже подъ утро, когда разсвѣтъ протягивалъ въ окна бѣлыя свои чахоточныя нити и былъ холоденъ и липокъ паркетъ, подымалась Милица Петровна, укутывала свои плечи ночью кофтой и шла, шаркая туфлями, къ комнатѣ дочери. Отворивъ дверь, глядѣла она съ тоской и любовью на точенныя, теплыя Лилины руки, лежащія поверхъ одѣяла, на нѣжную шею и полуоткрытый ротъ. Ахъ какъ плакала въ ней любовь и

жалость и, садясь въ старенькое кресло, съ необыкновенной отчетливостью вдругъ прозрѣвала она всю мучительность и страдность земной женской юдоли...

Такъ изо дня въ день мучилась Милица Петровна. Въ библиотекѣ, перебирая пальцами бѣлые захватанные билетки, въ ужасѣ представляла она, какъ Родзевичъ грубо касается ея дочери, цѣлуетъ ея тонкія губы и говорить о любви. Дома опять возникали ссоры... И такъ изо дня въ день.

Пробовала говорить съ Павломъ.

— Хоть бы ты, Паша, поговорилъ съ сестрой.

Но Паша отвертывался отъ нея, показывая уродливый и жалкій свой горбъ, и говорилъ хмуро:

— О чемъ я буду говорить съ ней? Она сама себѣ судья.

Позже, когда Родзевичъ пересталъ Лилѣ писать, былъ одинъ вечеръ, сблизившій Милицу Петровну съ дочерью. Онѣ сидѣли на кушеткѣ, и маленькая Лилина головка лежала у матери на колѣняхъ, и руками гладила мать свѣтлые трепавшіеся волосы. Тогда показалось имъ обѣимъ, что не такъ онѣ до этого жили, что кто-то чужой посѣялъ между ними раздоръ.

— Мама, такая пустая у меня душа теперь. Мнѣ кажется, мама, что вылиняла моя

душа, знаешь, какъ тряпка на солнцѣ, и глаза мои теперь безцвѣтны и мертвы.

Плача, прижималась щекой къ ея щекѣ Милица Петровна.

— Молчи, молчи, солнышко мое. Еще вернется твое счастье. Но ушелъ тотъ вечеръ, съ нимъ вмѣстѣ ушла искренность.

...„Задумалась“, молвила Милица Петровна, отбрасывая газету. Ангорскій котъ, мурлыкая лежалъ у нея на колѣняхъ. Она встряхнулась и поглядѣла на часы: уже восемь, совсѣмъ темно.

Вошелъ въ столовую Паша, откинулъ гардины и сталъ меланхолично выстукивать по стеклу.

— Павель, а гдѣ же Лиля?

— Не знаю, — отвѣтилъ Павель съ тоской.

Милица Петровна посмотрѣла на темнѣющую въ окнѣ его фигуру, прислушалась къ унылому его голосу.

— Ты что?

Онъ не отвѣтилъ. Подъ окнами, гремя, тяжело тянулись ломовики. Стекла, посуда въ буфетѣ звенѣли.

Перекосивъ блѣдное, некрасивое лицо, Павель сказалъ жестоко, словно радуясь своей грубости:

— Не вѣрю я въ твою материнскую любовь. Мать, мать... какая ты мать, если такъ мучишь Лилю?

И хромающей, усталой походкой пошелъ къ себѣ въ комнату.

Что можетъ быть скучнѣе вокзаловъ, гдѣ круглыя сутки стоятъ у кассъ хвосты, и простонародье, дожидаясь поѣздовъ, съ тупой покорностью сидитъ на мѣшкахъ и сундукахъ своихъ, гдѣ лѣстницы вѣчно грязны и заплеваны, а на платформахъ, подъ стеклянными, длинными крышами, непрерывно толкутся пассажиры. На кругломъ циферблатѣ описываютъ длинные круги большія черныя стрѣлки; десять разъ въ сутки свистятъ паровозы, и дымъ стелется по крышамъ вагоновъ, десять разъ кричитъ, проходя подъ окнами, кондукторъ: „Кто провожающіе? Третій звонокъ!“

.... Только что отошелъ экспрессъ, и въ гулкихъ вокзальныхъ залахъ стало свободнѣе. Наверху, въ буфетѣ, громко перетирали тарелки, официанты смахивали съ опустѣвшихъ столиковъ крошки хлѣба и собирали съ пепельницъ окурки.

Викентій Васильевичъ, сидѣвшій за дальнимъ столикомъ въ нишѣ, вдругъ покраснѣлъ и загремѣвъ стуломъ, неловко приподнялся: онъ увидалъ въ дверяхъ темное Лиличкино пальто. Лиля шла мелкими быстрыми шаж-

ками, низко опустивъ голову, въ широкой, крылатой шляпѣ, окидывая столикъ за столикомъ. Когда Викентій Васильевичъ приподнялся, она сощурила свои близорукіе глаза и увѣренно подошла къ столику.

— Я зналъ, что вы не обманете, — сказалъ Викентій Васильевичъ слегка глуховатымъ отъ волненія голосомъ.

Откинувъ на плечи боа, Лиля сѣла напротивъ и, раскрывъ сумочку, поглядѣлась въ зеркало. Викентій тоже сѣлъ, отставилъ пепельницу, потомъ опять поставилъ ее на мѣсто, разгладилъ скатерть и вдругъ, сжавъ руки въ кулаки, уронилъ на нихъ голову.

— Вы хотѣли, чтобъ я пришла, вымолила Лиля съ любопытствомъ на него глядя, — Только я тороплюсь, у меня свободныхъ всего полчаса.

— Пойдите, Ольга Александровна... Мнѣ тяжело говорить, у меня путаются въ головѣ мысли. Знаете, такое ощущеніе, будто черезъ полчаса у меня отнимутъ жизнь, и вотъ за это время я многое, многое долженъ вамъ сказать.

Лиля слегка нахмурилась. Викентій Васильевичъ продолжалъ:

— Я не умѣю лукавить. Я очень простъ, — можетъ быть это недостатокъ. Но вы знаете, Ольга Александровна, вы давно уже знаете о моемъ чувствѣ къ вамъ.

— Я запретила вамъ говорить объ этомъ...

— Ахъ, запретили! Это все равно, что самоубійцѣ запретить думать о смерти, но вѣдь все равно онъ или бросится съ моста, или повѣсится на полотенцѣ. Будьте со мной искренни, отвѣтите мнѣ...

Въ залъ, подъ руку съ ярко одѣтой дамой, вошелъ офицеръ. Лиля стала глядѣть на безусое, мальчишеское его лицо, на георгиевскую ленту въ петлицѣ, на пышное эспри его спутницы. Не глядя на Викентія Васильевича, она сказала почти съ досадой:

— Вотъ вы все меня мучите... а я не знаю, что отвѣтить вамъ.

— Вы не знаете?

Она опять открыла свою сумочку и, глядя въ зеркало на тонкія свои красныя губы, отвѣтила:

— Я уже съ вами откровенна. У меня такъ пусто на душѣ. „Какъ я похудала,“ подумала она, разглядывая себя въ зеркало.

— Я ничего не знаю. Мнѣ такъ тяжело дотронуться до собственной души. Не будьте жестокимъ, Викентій Васильевичъ.

— Ахъ, могу ли я?

— Пощадите же меня.

Помолчавъ она обронила:

— Вы какой-то особенный. Неужели вамъ все равно, что я любила до васъ?

Онъ сжалъ свою голову руками и стиснулъ зубы.

— Вы очень грубо это сказали. Вы очень грубо подумали обо мнѣ. Мнѣ кажется, что въ моей душѣ ни одного живого мѣста нѣтъ: вся она вами исцарапана и избита.

Поглядѣвъ ему въ лицо, Лиля подумала, жалѣя:

„Бѣдненькій, что же мнѣ дѣлать съ нимъ?“

— Ольга Александровна, я очень простъ, я не понимаю ни этихъ тонкостей, ни флирта. Все это мнѣ органически чуждо. И я просилъ васъ придти сюда не для шутки и не по капризу. Я хочу знать правду. Что бы ни сказали мнѣ, какъ бы ни оскорбили, я не перестану благоговѣть передъ вами.

„Какъ это онъ смѣшно сказалъ,“ подумала Лиля, поднявъ голову къ потолку. Но и думать не хотѣлось ей, онъ нисколько не стѣснялъ ее, словно она сидѣла одна. — „Что я скажу ему?“

Она дотронулась до его руки. Покраснѣвъ, онъ ждалъ.

— Вы симпатичный, вы чуткій. Вы очень благородный, Викентій Васильевичъ. Но дайте мнѣ придти въ себя.

Ему очень трудно было сдерживаться, и онъ долго себя пересиливалъ, но, не выдержавъ, всталъ и подошелъ къ окну, сталъ глядѣть на площадь, на шумные извозищны

экипажи, на толпу у трамвайной стоянки. Лиля оглянулась, боясь, что кто-нибудь слѣдитъ за ними. Оффиціантъ стоялъ у сосѣдней колонны, перекинувъ за локоть салфетку, чесалъ пальцемъ подбородокъ и равнодушно смотрѣлъ на спину Викентія Васильевича тупымъ и унылымъ взглядомъ. Лиля поднялась.

— Подождите, сказалъ Викентій Васильевичъ у окна. — Я еще не сказалъ вамъ о своемъ рѣшеніи. Я уѣзжаю на фронтъ. Это не мальчишество и не красивый жестъ, такъ нужно мнѣ, здѣсь мнѣ будетъ тяжело. Только знайте, Лиля, что я не приѣду, пока вы сами этого не захотите.

— Бѣдный мой, проговорила Лиля тихо.

Викентій Васильевичъ проводилъ ее до трамвая, поцѣловалъ ея тонкую руку въ холодной, черной перчаткѣ. Съ площадки, отъѣзжая, Лиля оглянулась, и вдругъ лицо ея стало ласковымъ, жалѣющимъ и любящимъ, и это было у Викентія Васильевича послѣднимъ впечатлѣніемъ.

Онъ постоялъ на одномъ мѣстѣ, слушая, какъ гудитъ проводъ, потомъ повернулся и пошелъ къ вокзалу телеграфировать родителямъ о рѣшеніи своемъ ѣхать на фронтъ.

IV

— Лиля, вставай ужъ полчаса десятаго.

За дверью злой, упрямый голосъ:

— Оставьте меня въ покоѣ, что я вамъ сдѣлала?

— Значить ты опять сидѣла за книгой до четырехъ часовъ. Ты окончательно подорвешь свое здоровье. Нельзя же, дѣтка, такъ...

— Я хочу спать.

Милица Петровна вошла въ комнату дочери, подняла на окнахъ бѣлыя съ бубенчиками шторы, накрыла на столикъ чернильницу крышкой, подняла съ полу брошенную и растерявшую страницы книжку. На обложкѣ: Маркъ Криницкій „Случайная женщина.“ Лиля лежитъ въ постели, лицомъ къ стѣнкѣ, бѣлое одѣяло скрадываетъ очертанія ея стройнаго тѣла.

— Лиля, я хочу серьезно поговорить съ тобой, молвила Милица Петровна, садясь на край постели и поглаживая рукой теплое Личкино плечо. — Сейчасъ мнѣ идти въ библіотеку. Выслушай меня и отвѣть на всѣ вопросы.

Дѣвушка лежала молча, глядя въ стѣну, на повѣшенный зеленый коврикъ съ пастушками.

— Мы съ тобой часто ссоримся, Лиля; въ этомъ поровну виноваты и я, и ты. Мо-

жетъ быть, ты думаешь, что я настолько глуха, что и состоянія твоего не замѣчаю? Я ночи не сплю, дѣтка моя. Что у тебя на душѣ дѣлается? Расскажи.

— Ничего у меня на душѣ не дѣлается!

— А Родзевича... Ты больше не видишь?

— Нѣтъ!

Милица Петровна на минуту замолкла.

— Не говори ты со мной такимъ тономъ, Лилечка. Развѣ я тебѣ врагъ?

Наклонившись, она поцѣловала дочь въ волосы.

— Несчастный ты человѣкъ... Такая ужъ судьба твоя: вотъ и красивая, и умная, а счастья все нѣтъ и нѣтъ. У меня такая иногда злоба противъ Родзевича...

Вдругъ, сдернувъ съ себя одѣяло, которое свалилось на полъ, вскочивъ съ постели, Лиля закричала тонкимъ голосомъ:

— Оставь меня, уйди! Зачѣмъ ты меня мучишь?

Милица Петровна порывисто встала и пошла къ двери. Лиля съ размаху кинулась въ постель, подняла съ полу одѣяло и закрылась имъ съ головой.

— Вотъ какъ, промолвила, берясь за дверную ручку, Милица Петровна, голосъ ея задрожалъ отъ обиды и слезъ. — Вотъ какъ ты благодаришь мать за всѣ заботы и

и любви! Что-жь, живите одни съ несносными вашими характерами,

Съ сжатыми губами прошла Милица Петровна въ переднюю, надѣла старенькое свое пальто; но, когда нагнулась, разыскивая подъ диванчикомъ калоши, вдругъ одна за другой упали изъ глазъ ея слезы прямо на клеенчатую дорожку, и перо на шляпѣ ея закачалось, царапая обои.

Давно, когда можно было еще во что-нибудь вѣрить, подъ Новый Годъ глядѣла Лиля въ пустое зеркало, поставленное межъ двухъ свѣчей. Передъ ея глазами вытягивался тогда коридоръ, похожій на туннель или на подземную шахту, полный неизвѣданной, заманчивой тайны, пройти который изъ конца въ конецъ Лиля обречена.

Лежа въ Пашиной комнатѣ на тугомъ клеенчатомъ диванѣ, вспоминала Лиля о дѣвичьихъ забавахъ своихъ; но солгали зеркала, показавъ коридоръ жизни въ таинственномъ свѣтѣ. Прошло съ тѣхъ поръ два года и вотъ уже знаетъ она, что стѣны коридора холодны и голы, и мысль о тайнѣ смѣшна.

Что же было въ прошломъ? Кричали грачи весеннимъ, зазывнымъ своимъ гаркомъ, какъ и теперь кричать по веснѣ; синѣла, вздуваясь, Нева, качая утлые парохо-

ды; на Стрѣлкѣ сырой мутью дышало взморье, какъ и теперь по веснѣ дышитъ... Вотъ только глаза Бокши, которыхъ нѣтъ теперь. Отъ взгляда ихъ хотѣлось плакать, какъ на „Травіатѣ“. Но умеръ Бокша. Осталось одно его милое имя, созвучіе изъ пяти дорогихъ буквъ: Бокша.

О Родзевичѣ она дала себѣ слово не думать: это такъ тяжело и такъ стыдно. Почему то помнится Нева и снѣгъ, падающій въ воду, тающій въ сердитыхъ ея бѣлыхъ барашкахъ... Вчера она сожгла письма, возвращенныя Родзевичемъ.

Заложивъ руки за голову, Лиля вытянулась. Ахъ, какъ жестокъ и немилостивъ къ ней Богъ. Ей смѣшно теперь думать, что было время, когда она любила спрашивать няню про великомучениковъ и угодниковъ Божіихъ; тогда они жили еще въ простенькомъ уѣздномъ городкѣ, гдѣ ночами мѣсяцъ роняетъ въ палисадники тѣни отъ низкихъ крышъ и на ветхихъ колокольняхъ бьютъ часовые колокола. Теперь же равнодушно глядитъ она на иконы, и нѣтъ у нея силъ молиться.

Расправляя на ходу проборъ, вошелъ Павелъ и, не замѣчая Лили, сталъ шарить по столу спички. Найдя, зажегъ онъ папиросу и сѣлъ у окна, почти невидный въ сумеркахъ, попыхивая блѣднымъ огонькомъ.

— Лиля, это ты на диванѣ?

— Я, Паша.

Онъ затянулся и шумно выдохнулъ дымъ.

— Грустишь?

Лиля промолчала.

— Какая ты... безпріютная.

— Паша, скажи мнѣ. Вотъ ты умный, чуткій, твоя душа такъ болѣзненно вбираетъ въ себя жизнь, скажи мнѣ, почему я стала пустой и равнодушной? Когда былъ живъ Бокша, мнѣ все казалось, что вѣчная Пасха на улицѣ, и глаза всѣхъ людей ясны и безгрѣшны. Помнишь, ѣздили на Стрѣлку? Такая хорошая была весна, такое ласковое было взморье, а въ воздухѣ, на солнцѣ — мнѣ запомнилось, сверкалъ крыльями аэропланъ, какъ смѣлая и счастливая птица... А помнишь еще — мы стояли на кладбищѣ, у желѣзныхъ рѣшетокъ, и когда уже опускали на полотенцахъ гробъ, вдругъ сказалъ кто-то за моей спиной: „Гляди, это его невѣста; ей-Богу, покойникъ былъ не дуракъ.“ И другой переспросилъ односложно: „Да?“ Ахъ, Паша, на меня многіе смотрѣли грязно, и вечерами, на улицахъ, приставали ко мнѣ грубые люди, но никогда ни послѣ, ни до того не было мнѣ такъ тяжело и больно, какъ на кладбищѣ, когда сказалъ кто-то за моей спиной: „Гляди, это его невѣста; ей-Богу, покойникъ былъ не дуракъ.“ У меня нѣтъ

словъ, чтобы сказать тебѣ это ясно, но почему то, Паша, у меня стала жесткой душа. Знаешь, когда поставятъ у шоссе новый верстовой столбъ: сначала онъ чистый и новенькій, а потомъ все злѣй обдувають его вѣтры, грязнить пыль, коробятъ лѣтнія жары. Такъ и я... обвѣтрилась.

Паша погасилъ папиросу о подоконникъ и сѣлъ въ кресло, у этажерки.

— Ну?

— Если бы мнѣ приспособиться къ жизни, Паша! Вотъ ты сейчасъ сѣлъ въ кресло, и заложилъ ногу за ногу, чтобы сидѣть тебѣ было удобнѣй. Если бы мнѣ сумѣть прожить удобно... Это такъ трудно съ холодной и пустой душою. Всѣ пройдутъ мимо, никто не согрѣетъ меня, Паша...

— А Родзевичъ? спросилъ неожиданно Павелъ.

Вдругъ, закрывъ лицо руками, Лиля отвѣтила, раскачивая изъ стороны въ сторону свое маленькое тѣло:

— Боже мой, мнѣ страшно и больно говорить тебѣ, Павелъ! Я могла бы его полюбить какъ мужчину. Когда я думала о немъ, мнѣ вспомнились его губы, тонкіе, какъ у женщины, пальцы, но ни разу не подумала я, какая у него душа. Это такой стыдъ!

Подойдя къ сестрѣ Павелъ сѣлъ у ея ногъ, сталъ гладить ея руки; Лиля заплакала,

вздрагивая плечами, по-дѣтски вытирая кулаками глаза.

Въ столовой мать стучала на швейной машинкѣ, щель подъ затворенной дверью была освѣщена. Павелъ оставилъ Лилю, поднялся и сталъ ходить изъ угла въ уголъ.

— Паша, почему ты молчишь? тихо спросила Лиля, слѣдя за темнѣющей его неясной фигурой, пожалѣй меня... Кто же согрѣетъ меня, Паша?

Онъ не отвѣтилъ. Остановился гдѣ-то у печки.

— Я самъ нищій, сказалъ онъ вдругъ тоскливо. — Какая насмѣшка, Лиля, дать уродливое тѣло и нормальную душу, и сердце, тоскующее по женщинѣ...

Швейная машинка въ столовой гудѣла, какъ сердитый шмель: ж-ж-ж-ж...

Уже зима. Вчера цѣлый день падалъ снѣгъ и сегодня падалъ, и такое впечатлѣніе, что онъ завтра тоже будетъ падать, безъ конца, безъ конца... Улицы застланы ярко бѣлымъ саваномъ, который упруго мнутъ санки.

Автомобили движутся тяжело, межъ спицами ихъ колесъ набивается снѣгъ.

Подойдя къ окну, заложивъ за спину руки, Павелъ сказалъ тихо, словно нечаянно:

„Снѣгомъ глубокимъ душа запорошена...“

— Откуда это? — спросила Лиля.

— Изъ Моравской.

— Такая тоска... Вчера Лиля была на футуристической выставкѣ, смотрѣла контррельефы Татлина. Сначала было смѣшно; кто-то говорилъ въ публикѣ о ретроспективизмѣ, о новой необычайной задачѣ сочетать матеріаль и напряженіе. Лиля разглядывала какіе-то листы, стянутые проволоками, куски желѣза, похожіе на крылья.

— Это вѣроятно изображеніе Татлинской души, громко сказалъ молоденькій студентъ съ красными щеками.

„И моей,“ подумала Лиля. Ей стало грустно; ходила по комнатамъ выставки и думала, что у нея перековеркана душа и такъ же стянута жесткими проволоками.

— Снѣгомъ глубокимъ душа запорошена...

Утромъ была ссора съ матерью. Изъ-за оторванной пуговицы или раскрытаго флакона съ одеколономъ. Какъ нелѣпо: изъ-за раскрытаго флакона съ одеколономъ мать стала кричать, что Лиля въ могилу ее сведетъ, что ей, матери, душно въ собственномъ домѣ. А вотъ ей, Лилѣ, душно вездѣ, во всемъ мірѣ...

— Снѣгомъ глубокимъ душа запорошена.

„Спустя три мѣсяца послѣ нашей послѣдней встрѣчи я пишу вамъ, Викентій. Какъ это случилось, я не знаю. Но вотъ я сѣла

къ столу, достала изъ ящика бумагу, взяла ручку и теперь, когда первыя строчки уже написаны, я знаю твердо, что не могу не писать вамъ.

— Вы думаете — я лгу. Но мнѣ страшно копать въ моей душѣ: вся она у меня перевернута, перекособочена, какъ говорятъ у меня на родинѣ, и такую, перекособоченной, теперь застыла. Но я твердо знаю, что должна писать вамъ.

— Я говорю больше: это неизбѣжно. Это неизбѣжно, если даже вы изуродованы, искалѣчены, если у васъ нѣтъ теперь руки, или вы ходите на костыляхъ. Во мнѣ живетъ странная увѣренность, что вы непременно ранены, и, когда я думаю о васъ, я вижу всегда васъ такимъ же трогательнымъ и милымъ, какъ тѣ раненые, что гурьбой ходятъ по петроградскимъ улицамъ отъ кинематографа къ кинематографу.

А у меня, Викентій, душа на костыляхъ. Напишите мнѣ, гдѣ вы и нужна ли я вамъ? Согрѣйте меня.

Лиля.“

VI

Кажется, это было 26-го ноября. Или, быть можетъ, позабыли сорвать съ календа-

ря отжившій листокъ. Всѣ точно съ ума сошли, и Милица Петровна измучилась, и лицо у нея стало блѣдное, длинное, какъ у постящихся монахинь.

Викентій раненъ, его на-дняхъ привезли въ Петроградъ. Лиля ходила въ лазаретъ, на Загородный, но строгая, пасмурная сестра сказала ей, что подпоручика видѣть нельзя, такъ онъ плохъ, что во вторникъ ему предстоитъ операція, и пусть барышня подождетъ. Выйдя изъ лазарета, Лиля сдѣлала нѣсколько концовъ передъ окнами, и ей странно было думать, что на Загородномъ лежитъ тотъ самый Викентій, который недѣлю назадъ прислалъ ей горячее, бѣшеное письмо съ фронта.

Пошли медленные, непокойные дни; и будто спотыкалось время, влача ихъ на важномъ и медлительномъ плащѣ своемъ. Милица Петровна тайкомъ отъ дочери посѣтила лазаретъ, съ кѣмъ-то говорила тамъ, кого-то спрашивала и вернулась домой разстроенная, вся въ слезахъ.

— Лиля, дѣтка моя, не надо, едва промолвила она, когда Лиля стала ее спрашивать, и вдругъ расплакалась, такъ что пришлось уложить ее въ постель и дать брому. — Такой ужасъ: Викентій искалѣченъ, у него отнята нога и на щеку слѣдъ отъ пули, который не сотрется никогда.

— Ну, и пусть! — вслух сказала Лиля, стиснувъ зубы, прошла къ себѣ въ комнату, легла въ постель и лежала такъ до вечера, молчаливая.

. . . Кажется, это было 26-го ноября. Или, быть можетъ, позабыли сорвать съ календаря отжившій листокъ.

Въ этотъ день Лилѣ разрѣшено было свиданіе съ Викентіемъ. Она съ утра была сосредоточена, одѣлась скромно, зачесала русые свои свѣтлые волосы въ косу и обвила ею голову. И ботинки надѣла темные. За чаемъ мать пытливо посмотрѣла на нее, замѣтила, что воротничекъ сидитъ немного криво, а потомъ умолкла, отеревъ пальцами рѣсницы свои. Измѣнившимся, тонкимъ голосомъ вдругъ сказала она, низко склоняясь надъ чашкой:

— Хорошо обдумай, Лиля. . . Если это капризь. . . вѣдь на всю жизнь.

— Оставь! возвысила голосъ Лиля, глядя матери въ глаза. Чашка выпала изъ рукъ Милицы Петровны, громко стукнувъ о блюдо, и чай расплескался по скатерти.

— Вѣдь ты не любишь его, Лиля!

Не отвѣтивъ, Лиля встала и пошла въ переднюю.

Быль ясный, морозный день, когда особенно гулокъ воздухъ, далеко разносящій по

улицамъ ржаніе лошадей и вопли автомобильныхъ сиренъ. На обледенѣлыхъ тротуарахъ слегка скользили ноги, дворники разбрасывали золу и глину прямо подъ ноги прохожимъ.

Лиля пошла пѣшкомъ, она хотѣла дорогой долго и тщательно думать, чтобы не осталось въ головѣ ничего тяжелого, чтобы каждая мысль была продумана, отточена и кругла. Но невозможно было думать на такомъ пьяномъ зимнемъ воздухѣ, подъ веселый этотъ уличный гомонъ. Передъ лазаретными дверьми вдругъ заколотилось ея сердце, совсѣмъ какъ три мѣсяца назадъ, передъ дверью Родзевича — и захотѣлось сѣсть здѣсь, на грязной затоптанной лѣстницѣ и такъ сидѣть вѣчно.

Но пересиливъ себя, стала подыматься она ввѣрхъ, держась за гладкія перила, которыя поскрипывали подъ кожаной ея перчаткой.

Вверху пришлось снять шубку, галоши, присѣсть у стола и пообѣщать все той же суровой и серьезной сестрѣ, что ничего волнующаго говорить она не будетъ и скоро уйдетъ. Ее провели застланнымъ коричневою дорожкой коридоромъ, показали

на дверь съ дощечкой: „офицерская № 3“ и сказали:

— Это здѣсь.

Войдя, она сразу узнала Викентія. Палата была маленькая, на четыре койки, изъ которыхъ три были пусты; при появленіи Лиля чернобородый офицеръ отошелъ отъ окна и, видимо не желая мѣшать свиданію, вышелъ въ коридоръ, запахивая полы своего синяго халата. Викентій лежалъ на крайней койкѣ, у окна, вытянувшись на спинѣ. Голова его была перевязана, бинтъ, охватывая правую щеку, закрылъ всю голову, оставивъ только глубокіе, словно почернѣвшіе глаза, обострившійся его носъ и обезкровленные губы. Онъ повернулъ къ ней лицо, и она почувствовала на себѣ его внимательный и обрадованный, но все же серьезный взглядъ. Внезапно сжалось ея сердце острой, колкой жалостью къ нему и, съ вспыхнувшимъ лицомъ, Лиля схватила его исхудавшую горячую руку.

— Я такъ изстрадалась, заговорила она почти безъ памяти, присѣвъ рядомъ съ нимъ на край его темно-сѣраго одѣяла съ красной каемкой, — Повѣрьте, Викентій... у меня такъ переболѣла душа.

Внимательные глаза его потемнѣли. Онъ сказалъ медленно, почти сурово.

— Здравствуйте, Ольга Александровна. Я такъ радъ видѣть васъ. Только не нужно неискренности.

— Викентій, мнѣ такъ жаль васъ!

Опустивъ голову, она смотрѣла на его тонкую руку, лежавшую на одѣялѣ возлѣ ея колѣнъ; она различала всѣ ворсинки одѣяла и линіи на кожѣ его руки, казавшейся восковой, и выпуклые низко срѣзанные ногти на пальцахъ.

— Судьба ко мнѣ не милостива, — сказалъ онъ съ усиліемъ, я споткнулся около самаго своего счастья и сломалъ себѣ ногу. Смотрите, даже подъ одѣяломъ видно, что у меня выше колѣна отнята нога. Сейчасъ на душѣ моей странная покорность, которой я не зналъ раньше. Вернувшись съ войны, отъ искалѣченныхъ тѣлъ, отъ лужъ самой настоящей, горячей и липкой крови, я не закрываю, какъ прежде, глазъ и могу спокойно думать о Богѣ, о нѣжныхъ дѣвушкахъ, о культурѣ... Ахъ, сколько я передумалъ за это время, Ольга Александровна! Въ первую минуту, когда у меня отняли ногу, мнѣ представилось вдругъ, что это счастье мое отняли доктора, и ваше расположеніе и мой вкусъ къ жизни. Но я такъ скоро, чисто по-дѣтски примирился. Я хочу сказать вамъ, что у васъ не должно быть ни одной темной мысли.

Если такъ случилось, значить, такъ надо. Мы всё на войнѣ становимся фаталистами.

Ему трудно было говорить, и онъ скоро замолчалъ. Опустившись на полъ, Лиля вдругъ заплакала, вскидывая плечами, сжавъ холодными своими пальцами его безсильную руку.

— Я во всемъ виновата, Викентій... Простите меня.

Ей живо вспомнилась мать и ея жестокія слова: „Ляля, не надо!“ И было тяжело это вспоминать.

— Все рѣшено, Викентій. Мнѣ такъ холодно безъ васъ.

Онъ поглядѣлъ на нее внимательно.

— Я калѣка, Лиля.

Онъ въ первый разъ сказалъ ей: Лиля.

— Смѣшной вы, дѣтскій, чуткій... Я тоже калѣка, у меня, Викентій, „перекособочена“ душа. Это такъ вѣрно сказано: перекособочена. Вы исцѣлите меня, у васъ душа, какъ тихая заводь. Вы согрѣете меня, Викентій...

Тупая боль разлилась въ груди ея, затопила сердце, Лиля встала, посмотрѣла на бѣлыя стѣны, на столикъ съ оплившей свѣчой въ жестяномъ подсвѣчникѣ, потомъ медленно подошла къ окну.

Я — Золушка, Золушка, мнѣ грустно!
Просить нищій — и нечего подать.

— Что вы? — спросилъ Викентій Васильевичъ.

— Изъ Моравской... Братъ часто читаетъ вслухъ.

На улицѣ хлопьями шель снѣгъ. Лохматая снѣжинки, кружась, падали на мостовую, на плечи и шляпы прохожихъ, на фонари и крыльца. Въ комнатѣ стемнѣло.

Онъ сказалъ такъ просто, что захотѣлось плакать, и стало жалко себя и Викентія, и эти холодные торцы, которые засыпаютъ пушистый снѣгъ.

— Подойди ко мнѣ, Лиля. Подойди ко мнѣ ближе, посмотри въ глаза. Какъ-нибудь, потихоньку, проживемъ.

— Проживемъ, — отвѣтила она сквозь слезы, — проживемъ, Викентій... Вѣдь не вѣчно будетъ снѣгъ. Вѣдь оттаетъ и моя душа.

О Г Л А В Л Е Н І Е

	Стр.
Два слова читателю	5
Езуитушка	9
Послѣдній снѣгъ	73
Первоцвѣтъ	103
Медовый человѣкъ	127
Бродячій циркъ	143
Мой дѣдушка	171
Отрокъ голубиный	181
Палочка-выручалочка	211
Разсказъ съ наперстокъ	245
Москва	251
Желтый старикъ	257
Въ лопухахъ	271
Ея душа	279

КНИГИ ТОГО-ЖЕ АВТОРА:

СЧАСТЬЕ ВЪ ЗАПЛАТАХЪ.
ПОДАРОКЪ БОГУ.
РАСПЯТИЕ. Второе изданіе.
ЧЕМОДАНЪ.

Печатается новый романъ
„ДѢВСТВЕННИЦА“

Готовится къ печати романъ
„ЗАПИСКИ МАРГАРИТЫ“

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВЪ БЕРЛИНѢ
„РУССКОЕ ТВОРЧЕСТВО“
Berlin, Verlag „Russkoje Twortschestwo“,

издавшее настоящую книгу

выпустило произведенія русскихъ авторовъ:

1. „ЛУННАЯ СЫРОСТЬ“.
Повѣсти 21-го года, гр. Ал. Ник. Толстого.
2. „ГЕРОИ и ВООБРАЖАЕМЫЕ ПОРТРЕТЫ“.
А. Ветлугина.
3. „СО СВЯТЫМИ УПОКОЙ“.
Романъ Л. Урванцова.
4. „ПОВѢСТЬ О И. С. СТРАТИЛАТОВѢ“.
А. Ремизова.
5. „Ё“
Тибетскій сказъ А. Ремизова.
6. „ОТРЫВОКЪ ИЗЪ МЕМУАРОВЪ“.
Романъ Е. Ильиной-Полторацкой.
7. „ЗАПИСКИ ТЕРЕНТІЯ ЗАБЫТАГО“.
Повѣсть коммуниста А. Аросева.

Выходятъ въ ближайшее время:

8. „ЗАПИСКИ МЕРЗАВЦА“.
Романъ А. Ветлугина.
9. „СЕРАПИОНОВЫ БРАТЬЯ“.
Заграничный альманахъ.
10. „НИЛЬ МИРОТОЧИВЫЙ“.
Повѣсть П. Соколова-Микитова.
11. „ЗАРЯ — ЗАРЯНИЦА“.
Дѣтская книга И. Соколова-Микитова.
12. „СКАЗКИ ОБЕЗЯНЬЯГО ЦАРЯ АСЫКИ“.
Дѣтскія сказки А. Ремизова.
13. „КАКЪ МЫ РОСЛИ ВЪ СТАРИННОЙ УСАДЬБѢ“
Книжечка для дѣтей Е. Ильиной-Полторацкой.

Литературнымъ отдѣломъ издательства
завѣдуетъ графъ А. Н. ТОЛСТОЙ.

